

№ 92
200

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦІИ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

1860.

ЯНВАРЬ.

Проверено 1984 г.

МАЙ 2008

СПбГУ

С176Гу

ИЗДАНИЕ 1948 г.

С 176 Г 7

53925

Январь 1860

ЖУРНАЛЬ

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

1860.

ТОМЪ III.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать по^зволяется. С. Петербургъ. 11 декабря 1859 года

Ценсоръ *Обертъ*.

I.

ЧАСТЬ ОФФИЦИАЛЬНАЯ.

СНОВА

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. Постановленія по судебной части, обнародованныя въ теченіе ноября 1859 года.

1) *О приобрѣтеніи подъ желѣзныя дороги частными обществами участковъ земель, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу главноуправляющаго путями сообщеніями и публичными зданіями, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: въ дополненіе св. зак. изд. 1857 г. т. XI, уст. кредит. устан. ст. 310, постановить, что приобрѣтеніе подъ желѣзныя дороги частными обществами участковъ земель, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, допускается безъ предварительнаго на то согласія сихъ установленій, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) По опредѣленіи цѣны приобрѣтаемыхъ участковъ земли, посредствомъ взаимнаго соглашенія съ владѣльцами оныхъ, или посредствомъ оцѣночныхъ комиссій, общество вноситъ условленную сумму въ то судеб-

ное мѣсто, въ которомъ будетъ совершаться крѣпостной актъ на отчуждаемую землю; 2) судебныя мѣста, по совершеніи таковыхъ актовъ, немедленно извѣщаютъ о томъ кредитныя установленія, въ которыхъ имѣнія состоятъ въ залогѣ, съ препровожденіемъ копій съ упомянутыхъ актовъ, и 3) кредитныя установленія, сообразивъ положеніе займовъ и залоговъ, изъ которыхъ проданы участки земель, требуютъ присылки слѣдующей части изъ внесенныхъ за оныя денегъ или всей суммы сполна, для приведенія займовъ въ исправное положеніе.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи обнародовано во всеобщее свѣдѣніе 3-го ноября 1859 года.

2) *О слѣдованіи въ Сибирь женщинъ, у которыхъ есть грудныя дѣти.*

19-го октября 1859 г. Высочайше утверждено и 11-го ноября обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта о слѣдованіи въ Сибирь женщинъ, у которыхъ есть грудныя дѣти. Мнѣніемъ этимъ, въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено, что отправляемымъ въ Сибирь женщинамъ, у коихъ есть грудныя дѣти, дозволяется, въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣстѣ съ ними подлежатъ переселенію и дѣти сіи, отправляться, съ разрѣшенія губернскаго правленія, въ мѣсто назначенія, не выжидая истеченія опредѣленнаго для кормленія грудью полутора-голичнаго срока, если только онѣ сами будутъ о томъ ходатайствовать.

3) *Объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, имѣющихъ знакъ отличія военнаго ордена.*

Государь Императоръ, въ дополненіе пункта 2-го ст. 5-ой прил. къ ст. 19, кв. I, т. XV св. зак. угол., изд. 1857 года, согласно положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: всѣхъ вообще лицъ, имѣющихъ знакъ отличія военнаго ордена, въ случаѣ ихъ преступленія, освобождать наравнѣ

съ нижними воинскими чинами отъ наказаній тѣлесныхъ. О таковой Высочайшей волѣ обнародовано во всеобщее свѣдѣніе 11-го ноября 1859 года.

4) *Объ обеспеченіи спорнаго имущества по дѣламъ, производящимся третейскимъ судомъ.*

26-го октября 1859 г. Высочайше утверждено и 11-го ноября обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта объ обеспеченіи спорнаго имущества по дѣламъ, производящимся третейскимъ судомъ. Мнѣніемъ этимъ, въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено: при разбирательствѣ третейскимъ судомъ, предоставляется тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, изъ коихъ дѣла переданы въ судъ третейскій, удовлетворять во всякое время, т. е. и прежде и въ продолженіе третейскаго суда, просьбы о принятіи мѣръ къ обеспеченію спорнаго имущества, уведомляя своевременно третейскій судъ о существѣ послѣдовавшихъ по такимъ просьбамъ разрѣшеній.

5) *Объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей, ограничивающихъ права панцырныхъ бояръ.*

26-го октября 1859 года Высочайше утверждено и 24-го ноября обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ статей, ограничивающихъ права панцырныхъ бояръ. Мнѣніемъ этимъ постановлено: статьи 883 и 884 т. IX св. зак. о сост. (изд. 1857 г.), ограничивающія панцырныхъ бояръ, водворенныхъ на земляхъ помѣщичьихъ, въ правѣ ручательства за другихъ въ суммѣ свыше девяти рублей, и въ правѣ дѣйствовать въ судѣ объ удовлетвореніи за причиненныя имъ обиды прямо отъ своего имени, отмѣнить.

6) *О мѣстѣ водворенія лицъ, выбывающихъ изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства.*

2-го ноября 1859 года Высочайше утверждено и 24-го ноября обнародовано мнѣніе государственнаго совѣта о мѣстѣ водворе-

нія лицъ, выбывающихъ изъ арестантскихъ ротъ гражданского вѣдомства. Мнѣніемъ этимъ постановлено: статью 1083 уст. о содерж. подъ стражею (св. зак. т. XIV изд. 1857 года) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: означенныя въ сей статьѣ лица, за встрѣченными затрудненіями поселять ихъ въ отдаленныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, отсылаются въ Тобольскую губернію, для приписки къ городскимъ или сельскимъ обществамъ; лица сіи, по прошествіи четырехлѣтняго срока, въ продолженіи коего они находятся подъ надзоромъ полиціи, имѣютъ право перечисляться въ другія общества какъ въ Сибири, такъ и внѣ оной, исключая лишь ту губернію, въ которой они состояли до преданія ихъ суду, и смежныя съ нею губерніи.

7) 24-го ноября 1859 г. обнародована удостоенная одобренія его императорскаго величества третья часть (*№* 3) третьяго продолженія къ своду законовъ изд. 1857 года.

8) *О мѣстныхъ постановленіяхъ Закавказскаго края.*

Государь императоръ, по представленію г. намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго комптета, Высочайше соизволилъ повелѣть: 1) Дѣйствующія въ разныхъ частяхъ Закавказскаго края, составлявшихъ прежнія Грузію, Имеретію и Гурию, постановленія изъ уложенія Царя Вахтанга замѣнить общими законами Имперіи, во всемъ ихъ пространствѣ, допустивъ изъ сихъ послѣднихъ законовъ нѣкоторыя изыятія, требуемая мѣстными особенностями края, и 2) Изыятія сіи ввести въ общій сводъ гражданскихъ законовъ Имперіи, въ видѣ дополненія подлежащихъ статей этого свода. Вмѣстѣ съ тѣмъ его императорскому величеству благоугодно было Высочайше утвердить, въ 20 день октября сего 1859 г., составленный, по соглашенію главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи и намѣстника Кавказскаго, и рассмотрѣн-

ный Кавказскимъ комитетомъ, проектъ означеннаго дополненія статей свода законовъ гражданскихъ.

Проектъ этотъ, опубликованный 17-го ноября, слѣдующаго содержанія:

1. Статьи первой части X тома св. зак. гражд.

436. *Дополненіе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, вознагражденіе за пользованіе чужими пастбищными мѣстами взимается въ пользу владѣльцевъ земель въ такомъ количествѣ, какое положено по условію, или по особому распоряженію правительства, или по существующему въ семъ отношеніи на мѣстѣ обычаю.

442. *Примѣчаніе 2-е.* Въ Закавказскомъ краѣ устройство, содержаніе и употребленіе поливныхъ каналовъ оставляется на основаніи дѣйствующихъ тамъ мѣстныхъ обычаевъ, впредь до изданія особыхъ по сему предмету постановленій.

454. *Дополненіе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, тѣ изъ жителей, кои, по мѣстнымъ обычаямъ, пользуются правомъ въѣзда въ чужіе лѣса не безвозмездно, могутъ онымъ пользоваться и впредь не иначе, какъ за положенное по симъ обычаямъ или по особому условію вознагражденіе.

457. *Дополненіе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, доказательствомъ на право въѣзда какъ въ казенные, такъ и въ частные лѣса, можетъ быть признано и предшешее пользованіе симъ правомъ въ теченіе общей земской давности.

461. *Примѣчаніе 2-е.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, всѣ имѣющіе право въѣзда въ казенные лѣса могутъ пользоваться симъ правомъ и впредь, до постановленія подроб-

ныхъ для этого края правилъ объ отводѣ имъ въ вѣчное владѣніе особыхъ участковъ.

1130. *Дополненіе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, принадлежащіе къ Хрістіанскому исповѣданію братья и ихъ потомки имѣютъ право слѣдующую сестрѣ изъ недвижимаго имѣнія указную часть оставить за собою, удовлетворивъ ее деньгами по цѣнѣ имѣнія. Выкупъ и оцѣнка указанной части, слѣдующей сестрѣ изъ недвижимаго имѣнія, производится по слѣдующимъ правиламъ:

1., Срокъ для изъявленія желанія выкупить указную часть сестры изъ недвижимаго имѣнія назначается 6-ти мѣсячный, со дня вступленія рѣшенія узаконеннаго третейскаго суда о выдѣлѣ оной въ окончательную законную силу.

Примпчаніе. Само собою разумѣется, что до выдѣла судомъ сей части сестрѣ, она можетъ уступить принадлежащее ей въ общемъ наслѣдствѣ право одному или всѣмъ изъ сонаслѣдниковъ, по добровольной между ними сдѣлкѣ.

2., Правомъ выкупа могутъ воспользоваться или всѣ сонаслѣдники вообще, или каждый изъ нихъ отдѣльно.

3., При отдѣльномъ изъявленіи нѣсколькими братьями желанія на выкупъ, право сіе предоставляется тому изъ нихъ, кто предложитъ въ просьбѣ, о семъ имъ поданной, высшую противу другихъ цѣну. Дополнительные въ семъ случаѣ съ надбавочною цѣною просьбы оставляются безъ послѣдствій.

4., Просьба о выкупѣ подается уѣздному предводителю дворянства, если участники въ наслѣдствѣ принадлежать къ дворянскому сословію, или мѣстному полицейскому начальнику, если они принадлежать къ сословію городскихъ или сельскихъ обывателей, а если они принадлежать къ Тифлисскому городскому сословію, то городскому головѣ.

Примпчаніе. Если имѣніе, подлежащее выкупу, состоитъ въ разныхъ уѣздахъ, то упомянутая просьба подается отдѣльно

каждому мѣстному уѣздному предводителю или начальнику.

5., Изъявившіе желаніе на выкупъ обязываются означить мѣсто жительства, куда должны быть доставляемы въ потребныхъ случаяхъ повѣстки. Владѣлица указной части также обязывается въ теченіе 6-ти мѣсячнаго срока, опредѣленнаго для выкупа, а равно на все время производства оцѣнки, назначить мѣсто жительства своего, о чемъ она обязывается извѣстить, по окончаніи раздѣла, уѣзднаго предводителя дворянства или уѣзднаго начальника, смотря, принадлежитъ ли она къ дворянству или инымъ сословіямъ; если же она принадлежитъ къ Тифлисскому городскому сословію, то тамошнему городскому головѣ. При несоблюденіи сего, повѣстки доставляются въ то имѣніе или домъ, гдѣ участники въ дѣлѣ имѣютъ пребываніе.

6., При несогласіи въ добровольномъ опредѣленіи цѣны указной части, уѣздный предводитель дворянства, если спорящіе принадлежатъ къ дворянскому сословію, или мѣстный полицейскій начальникъ, если они принадлежатъ къ сословію городскихъ или сельскихъ обывателей, а если они жители города Тифлиса, то городской голова, по просьбѣ желающихъ выкупить указную часть, сестрѣ подлежащую, обязываетъ обѣ стороны въ мѣсячный срокъ, со дня дачи въ томъ подписки, назначить оцѣнщиковъ или съ общаго согласія, или по три человека съ каждой стороны, для опредѣленія стоимости означенной указной части. За уклоняющуюся отъ участія въ выборѣ сторону назначаютъ оцѣнщиковъ вышеозначенныя должностныя лица, которыя избираютъ ихъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ одному съ спорящими сторонами сословію.

7., Назначенные оцѣнщики, при бытности обѣихъ сторонъ, или ихъ уполномоченныхъ и въ присутствіи поименованныхъ выше должностныхъ лицъ, производятъ опись и оцѣнку подлежащей выдѣлу указной части, объяснивъ, съ надлежащею полнотою, основанія, по которымъ они опредѣляютъ ея стоимость.

Примѣчаніе. За двѣ недѣли до выѣзда на мѣсто для производства оцѣнки, извѣщаются обѣ стороны для присутствія при оной. Къ оцѣнкѣ должно быть приступлено въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня подачи прошенія о выкупѣ имѣнія.

8., По окончаніи оцѣнки составляется актъ, въ который вносится опись указной части, подлежащей выдѣлу, и произведенная ей оцѣнка. Актъ сей подписывается оцѣнщиками и присутствовавшими при оцѣнкѣ должностными лицами. Засимъ обѣ стороны подписываютъ актъ, означая свое удовольствіе или неудовольствіе.

9., При изъявленіи общаго удовольствія, составляется особый актъ, въ коемъ прописывается, что такіе-то обязываются удовлетворить такую-то за слѣдующую ей указную часть изъ общаго наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія такою-то суммою и въ теченіе никакъ не далѣе годичнаго срока. Актъ сей, за подписью обѣихъ сторонъ, оцѣнщиковъ и присутствовавшихъ при оцѣнкѣ, предъявляется къ засвидѣтельствованію въ порядкѣ, установленномъ въ Закавказскомъ краѣ для третейскихъ записей (ст. 1366 т. X ч. II). Послѣ сего никакія жалобы на неправильную оцѣнку не принимаются.

10., Изъявившій неудовольствіе противу оцѣнки долженъ объяснить въ подробности, подъ самымъ актомъ, причины онаго, и противу такого объявленія оцѣнщики съ своей стороны также подъ актомъ излагаютъ свое мнѣніе; со всего этого акта, за подписью оцѣнщиковъ и присутствующихъ при оцѣнкѣ властей, выдаются копии обѣимъ сторонамъ.

11., Недовольный оцѣнкою можетъ принести, въ мѣсячный со дня подписи акта срокъ, съ представленіемъ выданной ему копій съ акта, жалобу начальнику губерніи, который, буде признаетъ нужнымъ, можетъ потребовать, если дѣло касается до дворянъ, отъ губернскаго предводителя дворянства мнѣніе, на что назначается срокъ не далѣе мѣсяца, и по разсмотрѣніи дѣла, опредѣляетъ оцѣнку.

12., Если сумма, опредѣленная оцѣнщиками или на основаніи предшедшаго пункта начальникомъ губерніи, не превышаетъ 3-т. руб. сер., то назначенная губернаторомъ оцѣнка признается окончательною; въ противномъ случаѣ жалоба можетъ быть принесена въ мѣсячный, со дня объявленія опредѣленной начальникомъ губерніи оцѣнки, срокъ, намѣстнику кавказскому, который, по выслушаніи заключенія совѣта намѣстника, окончательно полагаетъ оцѣнку, и послѣ того никакія жалобы на оцѣнку не принимаются.

13., Уплата оцѣночной суммы, опредѣленной начальникомъ губерніи или намѣстникомъ кавказскимъ, должна быть произведена не далѣе какъ въ годичный, со дня объявленія оцѣнки, срокъ.

14., До уплаты сполна суммы по оцѣнкѣ, недвижимое имѣніе, подлежащее выкупу, оставляется во владѣніи сестры, которая однако же не вправе отчуждать, ни закладывать оное, безъ согласія сонаслѣдниковъ, изъявившихъ желаніе на выкупъ.

15., Въ случаѣ отреченія сонаслѣдниковъ отъ права выкупа, а равно и по пропущеніи ими сроковъ для изъявленія желанія выкупить указанную часть, или для уплаты суммы по оцѣнкѣ (ст. 1, 9, и 13), они безвозвратно теряютъ предоставленное имъ право, и владѣніе въ указанной части утверждается за сестрою окончательно безъ всякой остановки.

1148. *Дополненіе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, принадлежащія къ христіанскому исповѣданію соучастники въ наслѣдствѣ имѣютъ право слѣдующую вдовѣ указанную часть изъ недвижимаго имѣнія мужа оставить за собою, удовлетворивъ ее деньгами по оцѣнкѣ имѣнія, на основаніи правилъ, постановленныхъ въ ст. 1130 относительно выкупа и оцѣнки братьями указанной части наслѣдства, слѣдующей сестрѣ.

1153. *Дополненіе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, принадлежащія къ христіанскому исповѣданію соучастники въ наслѣдствѣ имѣютъ право слѣдующую овдовѣвшему мужу указную часть изъ недвижимаго имѣнія жены оставить за собою, удовлетворивъ его деньгами по цѣнѣ имѣнія, на основаніи правилъ, постановленныхъ въ ст. 1130.

1242. *Примѣчаніе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, на дѣла между членами одного семейства объ отысканіи слѣдующихъ имъ долей изъ общаго имѣнія или наслѣдства, законнымъ порядкомъ между ними нераздѣленного, земская давность не распространяется.

1315. *Примѣчаніе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, раздѣлъ всякаго рода имѣній, какъ въ случаѣ наслѣдства, такъ и при общемъ владѣніи, между лицами, принадлежащими къ Христіанскому исповѣданію, производится или полюбовно самими участниками, или узаконеннымъ третейскимъ судомъ.

1322. *Примѣчаніе.* Въ Губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, тому изъ членовъ семейства, которому было ввѣрено управленіе общимъ имѣніемъ, при раздѣлѣ слѣдуетъ опредѣлить вознагражденіе соразмѣрно съ понесенными имъ трудами и доставленною пользою. Тамъ же раздѣлъ хлѣба между лицами христіанскаго исповѣданія, принадлежащими къ крестьянскому сословію, производится по числу душъ, составляющихъ семейство.

1700. *Примѣчаніе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, при взиманіи хлѣбнаго за запашку чужой земли оброка, подъ названіемъ галлы, принимаются въ основаніе

данныя при наймѣ пахатнаго участка при свидѣтеляхъ словесныя или простыя на письмѣ условія; если же предварительнаго условія сдѣлано не было, то галла взимается по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, или по существующему на мѣстѣ обычаю.

2013. *Примѣчаніе.* При отдачѣ въ заемъ денегъ и всякаго рода произведеній земли, въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, предоставляется заключать условія о возвращеніи какъ капитала, такъ и узаконенныхъ процентовъ произведеніями же земли. Но договоры о сѣмъ должны быть письменныя, за подписью должника, или при безграмотности его, того, кому онъ довѣритъ вмѣсто себя подписаться, и подписью двухъ свидѣтелей одного съ нимъ состоянія или званія.

II. Статьи второй части X тома уст. гражд. судопроиз.

213. *Примѣчаніе 4.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, на дѣла между членами одного семейства объ отысканіи слѣдующихъ имъ долей общаго имѣнія или наслѣдства, законнымъ порядкомъ между ними нераздѣленнаго, земская давность не распространяется.

1185. *Примѣчаніе.* Въ губерніяхъ и уѣздахъ Закавказскаго края, образовавшихся въ предѣлахъ бывшихъ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, узаконенному третейскому суду подлежатъ и раздѣлы общаго имѣнія и наслѣдства между лицами, принадлежащими къ христіанскому исповѣданію. Порядокъ учрежденія въ сихъ случаяхъ третейскаго суда опредѣляется слѣдующими правилами:

1., Если раздѣлъ полюбовный, по причинѣ несогласія, не состоится, то соучастникъ, не желающій остаться въ общемъ владѣніи, имѣетъ право просить судебное мѣсто, коему подвѣ-

домственно сіе дѣло, обязать прочихъ соучастниковъ выдѣлить слѣдующую ему изъ общаго имѣнія часть.

2., Въ прошеніи семъ должно быть означено подробно, въ чемъ именно заключается общее имѣніе или наслѣдство и какія лица состоятъ въ ономъ соучастниками, съ указаніемъ мѣста жительства ихъ и съ представленіемъ доказательствъ о принадлежности этого имѣнія къ составу подлежащаго раздѣлу, равно и о части, причитающей изъ онаго просителю.

3., Судебное мѣсто, получивъ сіе прошеніе, препровождаетъ копію съ онаго ко всемъ соучастникамъ, по мѣсту ихъ жительства, назначая шести мѣсячный срокъ со дня дачи подписки въ полученіи копіи съ прошенія, для представленія общей формальной записи на составленіе третейскаго суда; въ случаѣ уклоненія кого-либо изъ нихъ отъ исполненія сей обязанности, прочіе соучастники обязаны въ тотъ же срокъ, объяснивъ суду о причинѣ несостоявшейся формальной записи, представить свѣдѣніе о выбранныхъ ими посредникахъ съ отзывомъ ихъ о согласіи на составленіе третейскаго суда.

4., Получивъ сіе извѣщеніе, судебное мѣсто въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла поступаетъ по общимъ правиламъ.

5., Третейскій судъ имѣетъ право, гдѣ признаетъ возможнымъ, допросъ свидѣтелей и другихъ лицъ, по вытребованіи ихъ чрезъ полицію, произвести или въ присутствіи своемъ, или чрезъ отряженнаго отъ себя члена.

6., Въ уѣздѣ, гдѣ нѣтъ судебныхъ мѣстъ, обязанности ихъ исполняются уѣздными управленіями.

II. Высочайшіе именныя указы, данныя Правительствующему Сенату.

1) О дозволеніи генералъ-адъютанту князю Александру Бярятинскому обратить принадлежащее ему имѣніе въ заповѣдное.

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе нашего генералъ-адъютанта, генерала отъ инфантеріи князя Александра Бярятинскаго, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ему въ Харьковской и Курской губерніяхъ родовое имѣніе обратить въ заповѣдное, по общимъ правиламъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ, въ сводѣ законовъ гражданскихъ изложеннымъ, и на слѣдующихъ основаніяхъ, княземъ Бярятинскимъ представленныхъ: 1) въ составъ означеннаго заповѣднаго имѣнія обращается находящееся нынѣ въ его владѣніи родовое имѣніе, а именно: а) Курской губерніи въ уѣздахъ: *Львовскомъ*, селы: Ивановское, Густомое, Вышняя Груня и сельцо Ольгино, съ принадлежащими къ нимъ деревнями; *Рыльскомъ*, селы: Снагость, Гапоново, Любимовка и Мазеповка, съ принадлежащими къ нимъ деревнями; и *Путивльскомъ*, селы: Крупецъ, Локоть, Ковеньки, Шалыгино, Стариково, Козино, Козацкое и Гудово, также съ принадлежащими къ нимъ деревнями и хуторами; и б) Харьковской губерніи, *Сумскаго* уѣзда деревни: Глыбная и Владиміровка. 2) Сіи селы и деревни обращаются въ составъ заповѣднаго имѣнія со всеми угодьями, хозяйственными устройствами, мельницами, господскими строеніями, школами, больницами и со всеми экономическими заведеніями. При нихъ состоитъ удобной и неудобной земли: въ Курской губерніи 88924 десят. 1410 саж., а въ Харьковской 2407 десят. 1233 саж., на коихъ поселено, согласно съ исчисленіемъ, произведеннымъ по 10-ой ревизіи: въ первой губерніи 14871, а во второй 518 ревизскихъ мужского пола крестьянъ. 3) Съ владѣніемъ заповѣднаго имѣнія соединяется владѣніе движимымъ имуществомъ, въ имѣніи находящимся, семейными актами и бумагами. 4) Если послѣ учред-

теля заповѣднаго имѣнія не останется въ прямой нисходящей линіи наслѣдниковъ мужскаго пола, то оно поступаетъ, во всемъ его составѣ, къ старшему изъ родныхъ его братьевъ, князю Владиміру Барятинскому, а по немъ, всему его мужескому поколѣнію. По совершенномъ прекращеніи мужскаго поколѣнія старшаго брата учредителя, заповѣдное имѣніе переходитъ ко второму брату учредителя, князю Анатолю Барятинскому, и по немъ къ мужескому его поколѣнію; по пресѣченіи же мужскаго поколѣнія втораго брата, имѣніе переходитъ тѣмъ же порядкомъ въ мужескій родъ третьяго брата учредителя, князя Виктора Барятинскаго. Когда пресѣчется послѣднее мужское поколѣніе братьевъ учредителя, заповѣдное имѣніе поступаетъ въ женское поколѣніе послѣдняго владѣльца. При семъ, когда имѣніе дойдетъ до лица мужскаго пола, принадлежащаго къ женскому поколѣнію, то владѣлецъ принимаетъ титулъ, прозваніе и гербъ учредителя, а каждое лицо женскаго пола сообщаетъ оныя мужу, въ замѣнъ ему принадлежащихъ, но въ обоихъ случаяхъ не иначе, какъ испросивъ на то особое Высочайшее дозволеніе. 5) По состоянію части имѣнія, обращаемаго въ составъ заповѣднаго, въ залогъ С.-Петербургскаго опекунскаго совѣта, полное дѣйствіе опредѣляющихъ свойство заповѣднаго имѣнія постановленій начинается не прежде, какъ по уплатѣ лежащаго на немъ долга, или по переводѣ сего долга, съ согласія кредитнаго установленія, на другія имѣнія. Въ случаѣ же продажи сей части имѣнія за неуплату долговъ кредитному установленію, имѣніе это теряетъ, по силѣ статьи 2256 зак. суд. гражд. (св. зак. т. X ч. 2 изд. 1857 года), свойство заповѣднаго имѣнія; и 6) По уплатѣ сего долга или по переводѣ онаго на другія имѣнія, владѣлецъ заповѣднаго имѣнія обязанъ вносить ежегодно въ одно изъ кредитныхъ учрежденій десятую часть доходовъ онаго до составленія вспомогательнаго капитала сего имѣнія не болѣе 300 т. р. сер., на случай, когда по какимъ-либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ будутъ необходимы и чрезвычайныя по тому имѣнію платежи и расходы.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: «АЛЕКСАНДРЪ».

17-го октября 1859 г.

2) *О передачѣ имѣнія отставнаго подпоручика Карла Малявскаго въ пожизненное владѣніе его жены.*

Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе отставнаго подпоручика Карла Малявскаго, Всемилостивѣйше дозволяемъ: принадлежащее ему Ковенской губерніи въ Поневѣжскомъ уѣздѣ имѣніе Константиново, населенное 74 крѣпостными и 6-ю вольными крестьянами, со всеми къ нему принадлежностями, передать въ пожизненное владѣніе его жены, Іозефы Малявской, отказавшейся отъ слѣдующей ей изъ означеннаго имѣнія мужа указной части, съ тѣми правами, которыя обыкновенно соединяются съ временнымъ владѣніемъ, безъ права продажи и отчужденія какимъ-бы то ни было образомъ чего-либо изъ состава имѣнія и съ обязанностію уплачивать лежащія на немъ долги. Въ случаѣ необходимости, для поддержанія имѣнія, дозволяется Малявской залогъ и перезалогъ онаго въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, и въ томъ размѣрѣ, который будетъ признанъ Сенатомъ соотвѣтствующимъ дѣйствительной и дознанной надобности. По смерти Іозефы Малявской, имѣніе это должно поступить къ законнымъ наследникамъ Карла Малявскаго, если имъ не будетъ сдѣлано особаго объ ономъ распоряженія, на точномъ основанія существующихъ постановленій.

Правительствующій Сенатъ къ исполненію сего не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: «АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ Гатчинѣ.

30-го октября 1859 г.

2 *

III. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта по дѣлу гражданскому.

О возвратѣ помѣщику Ивану Герубовичу капитала, удержаннаго изъ отпущенной подѣ залогъ имѣнія Рендзиновщизны ссуды (9-го ноября 1859 г.).

Государственный Совѣтъ, рассмотрѣвъ внесенное по разногласію въ общемъ собраніи 4, 5 и межеваго департаментовъ Правительствующаго Сената дѣло о возвратѣ помѣщику Ивану Герубовичу капитала, удержаннаго изъ отпущенной подѣ залогъ имѣнія Рендзиновщизна ссуды, нашель, что по жалобѣ помѣщика Герубовича на составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ расчетъ о деньгахъ, слѣдующихъ ему къ возврату въ слѣдствіе указа общаго собранія Правительствующаго Сената 8-го іюля 1857 г., при чемъ министерство исключило проценты по 315 руб. сер. въ годъ, должныя Слонимскому Бернардинскому монастырю за отправленіе поминовеній за души владѣльцевъ имѣнія Рендзиновщизна, платежъ коихъ прекращень владѣльцами этого имѣнія 29-го марта 1841 г., — возникаетъ вопросъ, съ какого времени слѣдуетъ подвергнуть Герубовича взысканію 315 р. въ годъ: со дня ли указа общаго собранія Сената 8-го іюля 1857 года, или же со дня прекращенія взноса сихъ денегъ, т. е. съ 29-го марта 1841 года.

Въ семь отношеніи Государственный Совѣтъ нашель, что ежегодный платежъ процентовъ по 315 руб. съ капитальной суммы былъ назначень по документу 1802 г. въ пользу Слонимскаго монастыря не безусловно, а съ тѣмъ, чтобы монастырь отправлялъ молебствія за души владѣльцевъ имѣнія Рендзиновщизна. Съ отобраніемъ же, въ числѣ прочихъ суммъ Слонимскаго монастыря, и означенной капитальной суммы съ процентами, всего 5225 руб. 60 коп. сер., въ казенное вѣдомство, прекратилось и отправленіе назначенныхъ документомъ 1802 года молебствій. Посему общее собраніе Правительствующаго

Сената, возлагая на Герубовича указомъ 8-го іюля 1857 г. обязанность платить ежегодно обезпеченный на имѣніи его взносъ по 315 руб., предоставило тѣмъ же указомъ мѣстному епархіальному начальнику возложить, за упраздненіемъ Слонимскаго монастыря, отправленіе молебствій на другой какой-либо монастырь или церковь Римско-католическаго исповѣданія.

Исполненіе указа общаго собранія Правительствующаго Сената 8-го іюля 1857 года и по буквальному онаго смыслу, и по существу самаго документа 1802 года, должно, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, состоять: во 1-хъ, въ возвращеніи Герубовичу 5225 руб. 60 коп. сер. съ процентами и во 2-хъ, во взысканіи съ Герубовича по 315 руб. въ годъ съ того самаго времени, когда послѣдовалъ указъ Сената, т. е. съ 8-го іюля 1857 г.; взысканіе же съ Герубовича по 315 руб. за прошедшее время, съ 29-го марта 1841 года до воспослѣдованія означеннаго указа было бы несправедливо какъ потому, что все это время самыхъ молебствій, за которыя назначенъ ежегодный взносъ по 315 р., отправляемо не было, такъ и потому, что означенный платежъ составляетъ ничто иное, какъ проценты на капитальную сумму, которая съ 1841 г. находилась въ распоряженіи казны, и слѣдовательно Герубовичъ, не имѣвъ возможности распорядиться самою капитальною суммою, не можетъ быть присуждаемъ и къ уплатѣ съ оной процентовъ.

На основаніи сихъ соображеній и принимая во вниманіе, что по 234 ст. т. I св. учр. Правительствующаго Сената, Сенатъ не можетъ подъ видомъ изъясненія образа исполненія, входить въ сужденія, къ измѣненію самыхъ рѣшеній клонящіяся, Государственный Совѣтъ призналъ, что Герубовичъ не долженъ быть присужденъ къ платежу 315 рублей серебромъ въ годъ за все время, въ которое не было отправляемо условленныхъ документомъ 1802 года молебствій, и потому *миѣнемъ положилъ*: возвратить помѣщику Ивану Герубовичу неправильно удержанную у него въ 1843 г. сумму 5225 руб. 60 коп. сер. съ установленными процентами со времени удержанія означенной суммы, обязавъ его, на точномъ основаніи указа общаго Сената собранія 8-го іюля 1857 г., платить ежегодно въ казну по 315 руб. сер., со времени этого указа, т. е. съ 8-го іюля 1857 года.

IV. Высочайшія повелѣнія, предложенныя Правительствующему Сенату къ исполненію.

1) *Объ уравненіи содержанія лицъ, занимающихъ должности въ межевыхъ учебныхъ заведеніяхъ съ соответствующими должностями военно-учебныхъ заведеній.*

Государь императоръ, по всеподданѣйшему докладу управляющаго межевымъ корпусомъ, въ 18-ый день ноября 1859-го года Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

1) Всѣхъ военныхъ межевыхъ чиновъ, занимающихъ должности въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ и школахъ межевыхъ топографовъ, съ 1-го января 1860 г. г. уравнять въ жалованьи, квартирныхъ деньгахъ и добавочномъ жалованьи за пятилѣтіе и десятилѣтіе, съ соответствующими должностями въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и

2) Сумму, причитающуюся на жалованье въ размѣрѣ основнаго полнаго оклада таблицы № 1-й, Высочайше утвержденной 17-го апрѣля 1859-го г. для военно-сухопутнаго вѣдомства, а также и на добавочное жалованьи въ размѣрѣ того же оклада, производить съ 1-го января 1860 г. изъ государственнаго казначейства; квартирныя же деньги производить вышесказаннымъ чинамъ изъ остаточныхъ межевыхъ суммъ, также съ 1-го января 1860-го г., въ размѣрѣ Высочайше определенномъ для чиновъ военно-сухопутнаго вѣдомства, объявленномъ въ приказѣ г. военного министра 23-го марта 1858-го г.

2) *Объ уравненіи содержанія военныхъ чиновъ межеваго корпуса съ топографами военнаго вѣдомства.*

Государь императоръ, по всеподданѣйшему докладу управляющаго межевымъ корпусомъ, въ 18 день ноября 1859 г. Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

1) Межевымъ инженерамъ и межевымъ топографамъ увеличить жалованье, въ размѣрахъ полнаго основнаго оклада, определеннаго Высочайше утвержденною 17-го апрѣля 1859 года таблицью подъ № 1-мъ для топографовъ военнаго вѣдомства, и

2) Сумму, на сіе потребную, отпускать изъ государственнаго казначейства съ 1-го января 1860-го г.

ОТДѢЛЪ П.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

А. Высочайшія награды по ведомству Министерства Юстиціи.

1. Орденами.

Государь императоръ, въ присутствіи своемъ въ Царскомъ Селѣ, 25-го октября 1859-го года, удостоилъ подписать слѣдующія Высочайшія грамоты:

1., «Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Оберъ-Прокурору Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, Михаилу Рюмину.

Обращая вниманіе на долговременную усердную службу и особые труды ваши, Начальствомъ засвидѣльствованные, Всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ знаки Императорскаго ордена Нашего *Св. Анны 1-й степени, украшенные Императорскою короною*, которые при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны».

2., «Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, заслуженному профессору, члену совѣта Императорскаго училища Правовѣднія, Никифору *Палибину*.

Во вниманіе къ ревностной службѣ вашей, Начальствомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашею *Св. Станислава 1-й степени*, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.»

3., «Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, состоящему въ должности Оберъ-Прокурора 2-го отдѣленія 5-го департамента Правительствующаго Сената Николаю *Пушилову*.

Въ воздаяніе долговременной отлично-усердной и полезной службы вашей, Начальствомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашею *Св. Станислава 1-й степени*, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.»

4., «Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Оберъ-Прокурору 7-го департамента Правительствующаго Сената, Николаю *Буцковскому*.

Во вниманіе къ ревностной и полезной службѣ вашей, Начальствомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашею *Св. Станислава 1-й степени*, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.»

5., «Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Оберъ-Прокурору 8-го департамента Правительствующаго Сената, Петру *Роговичу*.

Во вниманіе къ ревностной и полезной службѣ вашей, Начальствомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Наше-го *Св. Станислава 1-й степени*, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.»

6., «Нашему Каммергеру, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Предсѣдателю С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда, Барону Юлію *Корфу*.

Въ награду усердной и ревностной службы вашей, Начальствомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Наше-го *Св. Станислава 1-й степени*, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.»

7., «Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Директору Московскаго архива Министерства Юстиціи, Петру *Иванову*.

Въ награду отлично-усердной и полезной службы вашей, Начальствомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Наше-го *Св. Станислава 1-й степени*, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.»

Высочайшими указами, капитулу Императорскихъ и Царскихъ орденовъ данными, пожалованы кавалерами орденовъ:

Св. анны 2-й степени съ императорскою короною.

Статскіе совѣтники:

Состоящій въ должности оберъ-прокурора 1-го отдѣленія 6-го департамента Правительствующаго Сената Яковъ *Чемадуровъ*.

Исправляющій должность оберъ-прокурора 2-го отдѣленія 6-го департамента, Александръ *Сентъ-Илеръ*.

Начальникъ отдѣленія департамента министерства юстиціи, Севастьянъ *Романовскій*.

Св. анны 2-й степени.

Статскіе совѣтники:

Состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 1-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената, Егоръ *фонъ - Платеръ*.

Состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ при департаментѣ герольдіи Правительствующаго Сената, Алексѣй *Габерзангъ*.

Исправляющій должность чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ межевомъ департаментѣ Правительствующаго Сената, Дмитрій *Мертваго*.

Воспитатель и преподаватель въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія Федоръ *Тибо*.

Преподаватель въ томъ же училищѣ Аполлонъ *Поповъ*.

Коллежскіе совѣтники:

Состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ во 2-мъ отдѣленіи 5-го департамента Правительствующаго Сената, Александръ *Троицкій*.

Исправляющей должность юрисконсульта консултации, при министерствѣ юстиціи учрежденной, Федоръ *Шульцъ*.

Предсѣдатель Симбирской палаты гражданского суда Владиміръ *Араповъ*.

Надворные совѣтники:

Предсѣдатель Калужской палаты гражданского суда князь Александръ *Оболенскій*.

Предсѣдатель Орловской палаты гражданского суда Владиміръ *Токаревъ*.

Коллежскіе ассесоры:

Предсѣдатель Воронежской палаты уголовного суда Юрій *Рябининъ*.

Предсѣдатель Полтавской палаты уголовного суда Родіонъ *Милорадовичъ*.

Предсѣдатель Тульской палаты уголовного суда Григорій *Беклемишевъ*.

Редакторъ отдѣленія департамента министерства юстиціи Анатолій *Ковалевскій*.

Предсѣдатель Рязанской палаты уголовного суда подпоручикъ Петръ *Буцковъ*.

Св. Станислава 2-й степени съ императорскою короною.

Статскіе совѣтники:

Оберъ-секретарь 1-го отдѣленія 5-го департамента Правительствующаго Сивата Дмитрій *Кузнецовъ*.

Оберъ-секретарь общаго собранія Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сивата Константинъ *Поблдоносцевъ*.

Товарищъ С. Петербургскаго губернскаго прокурора, въ званіи камеръ-юнкера, Владиміръ *Спасскій*.

Коллежскіе совѣтники:

Оберъ-секретарь 2-го департамента Правительствующаго Сената *Дмитрій Стасовъ.*

Оберъ-секретарь 8-го департамента Правительствующаго Сената Семень *Соболевскій.*

Эстляндскій губернскій прокуроръ баронъ Федоръ *Штакельбергъ.*

Товарищъ предсѣдателя Вятской палаты уголовного суда Георгій *Куцевъ.*

Состоящій въ должности товарища предсѣдателя Черниговской палаты гражданскаго суда Викторъ *Баршевскій.*

Старшій секретарь С. Петербургскаго сенатскаго архива Василій *Кобылинъ.*

Надворные совѣтники:

Оберъ-секретарь 1-го отдѣленія 6-го департамента Правительствующаго Сената Александръ *Любимовъ.*

Въ должности оберъ-секретаря 4-го департамента Правительствующаго Сената Амвросій *Заборовскій.*

Исправляющій должность оберъ-секретаря 1-го отдѣленія 6-го департамента Правительствующаго Сената Павелъ *Зубовъ.*

Исправляющій должность оберъ-секретаря 7-го департамента Правительствующаго Сената Елисей *Люминарскій.*

Исправляющій должность оберъ-секретаря 8-го департамента Правительствующаго Сената Афанасій *Горяиновъ.*

Товарищъ герольдмейстера Александръ *Лустоно.*

Губернскіе прокуроры:

Екатеринославскій—Карлъ *Поппе.*

Подольскій—Антоникъ *Крушинекій.*

Симбирскій—Левъ *Ланге.*

Ярославскій—Федоръ *Вишняковъ.*

Въ должности товарища предсѣдателя С. Петербургской палаты уголовного суда Николай *Погорьльскій*.

Надворные совѣтники:

Исправляющій должность товарища предсѣдателя Кіевской палаты уголовного суда Николай *Лаше*.

Исправляющіе должность товарищей предсѣдателей гражданскихъ палатъ:

Полтавской—Василій *Юнинъ*.

Симбирской—Александръ *Ольшевскій*.

Столоначальникъ департамента министерства юстиціи Давидъ *Алферовъ*.

Коллежскіе ассессоры:

Товарищъ предсѣдателя 1-го департамента С. Петербургской палаты гражданского суда Георгій *Мотовиловъ*.

Товарищъ предсѣдателя Вольнской палаты гражданского суда Сергій *Бологовскій*.

Исправляющій должность товарища предсѣдателя Самарской палаты гражданского суда Николай *Селивановъ*.

Столоначальникъ департамента министерства юстиціи Николай *Семифонтовъ*.

Св. СТАНИСЛАВА 2-й СТЕПЕНИ.

Старшій учитель въ константиновскомъ межевомъ институтѣ статскій совѣтникъ Александръ *Ламовскій*.

Коллежскіе совѣтники:

Экзекуторъ 2 отдѣленія 6-го департамента Правительствующаго Сената Владиміръ *Акновъ*.

Старшій членъ Таганрогскаго коммерческаго суда Константинъ *Знаменскій*.

Надворные совѣтники:

Воспитатель и преподаватель въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія Веніаминъ *Фазръ*.

Директоръ писцоваго архива межевой канцеляріи Дмитрій *Егоровъ*.

Старшій Секретарь департамента герольдіи Правительствующаго Сената Василій *Мальшевъ*.

Судья отъ короны Заславскаго, Волынской губерніи, уѣзднаго суда Иванъ *Усиковъ*.

Засѣдатель отъ короны Могилевской палаты уголовного суда Маврикій *Пальковский*.

Бухгалтеръ департамента министерства юстиціи Алексѣй *Зайцевъ*.

Письмоводитель хозяйственнаго комитета, при Правительствующемъ Сенатѣ учрежденнаго, Трофимъ *Крищенко*.

Судья Клинскаго, Московской губерніи, уѣзднаго суда штабсъ-ротмистръ Викентій *Дембовскій*.

Судья Кромскаго, Орловской губерніи, уѣзднаго суда штабсъ-капитанъ Иванъ *Филиповъ*.

Св. анны 3-й степени.

Секретарь межеваго департамента Правительствующаго Сената надворный совѣтникъ Василій *Альевъ*.

Коллежскіе ассесоры:

Младшій секретарь канцеляріи министерства юстиціи Владиміръ *Лавровъ*.

Столоначальникъ департамента министерства юстиціи Яковъ *Славинскій*.

Секретарь 1-го департамента Правительствующаго Сената Всеволодъ *Ратьковъ*.

Секретарь межевого департамента Правительствующаго Сената *Василій Алексѣевъ*.

Секретарь департамента герольдіи Правительствующаго Сената *Николай Лорисъ-Меликовъ*.

Могилевскій губернскій землемѣръ *Михаилъ Дворецкій*.

Младшій контролеръ департамента министерства юстиціи *Михаилъ Петровъ*.

Помощникъ кастеляна при Московскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената маіоръ *Михаилъ Евреиновъ*.

Титулярные совѣтники:

Секретарь департамента министерства юстиціи *Михаилъ Григорьевъ*.

Секретарь 1-го отдѣленія 3-го департамента Правительствующаго Сената *Василій Васильевъ*.

Секретарь того же отдѣленія *Николай Граве*.

Секретарь 4-го департамента Правительствующаго Сената *Василій Бялевъ*.

Исправляющій должность Новгородскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, коллежскій секретарь *Богданъ Крейтеръ*.

Св. станица 3-й степени.

Коллежскіе ассесоры:

Протоколистъ 2-го департамента Правительствующаго Сената *Павель Дьяконовъ*.

Секретарь межевой канцеляріи *Дмитрій Березинъ*.

Уѣздные стряпчіе:

Ковровскій, Владимірской губерніи, *Павель Беземотовъ*.

Дмитровскій, Московской губерніи, *Михаилъ Богольповъ*.

Херсонскій *Трофимъ Склифасовскій*.

Ржевскій, Тверской губерніи, Андрей *Чаплинъ*.

Секретарь Московской палаты уголовного суда Александръ *Кудрявцевъ*.

Титулярные совѣтники:

Секретарь С. Петербургской палаты уголовного суда Хрисанфъ *Филиповъ*.

Письмоводитель канцеляріи С. Петербургскаго губернскаго прокурора Михаилъ *Соколовъ*.

Надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ и приходорасходчикъ Нижегородской гражданской палаты Алексѣй *Пельскій*.

Протоколистъ 2-го отдѣленія 3-го департамента Правительствующаго Сената, коллежскій секретарь Ефимъ *Михневичъ*.

С. Петербургскій губернскій прокуроръ, статскій совѣтникъ Николай *Богуславскій*, удостоенъ обыкновеннаго подарка изъ суммъ сенатской типографіи въ 1000 рублей серебромъ.

Сверхъ того предоставлено въ распоряженіе г. министра юстиціи въ раздѣлъ на одновременныя денежныя выдачи:

- 1) Изъ государственнаго казначейства—12,000 руб.
- 2) Изъ суммъ сенатской типографіи—1,986 руб.

Всего - - - 13,986 р. сер.

2. *чинами.*

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ присутствіи своемъ въ Царскомъ Селѣ, 23-го ноября 1859-го г., Высочайше соизволилъ отдать слѣдующій приказъ по министерству юстиціи (*Лѣ. 14*):

Производятся за отличіе по службѣ: изъ статскихъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: состоящій въ должности оберъ-прокурора втораго отдѣленія третьяго департамента Правительствующаго Сената Михаилъ Гедда.

Вице-директоръ департамента министерства юстиціи баронъ Егоръ *Врангель*.

Состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ во второмъ отдѣленіи шестаго департамента Правительствующаго Сената князь Николай *Шаховской*.

Предсѣдатель Екатеринославской палаты гражданскаго суда Акимъ *Ковалевскій*.

Всѣ четверо со старшинствомъ съ 6-го ноября 1859 года.

Изъ коллежскихъ въ Статскіе Совѣтники: инспекторъ классовъ и профессоръ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія Федоръ *Витте*, со старшинствомъ съ 25-го сентября 1859 года.

Начальникъ отдѣленія департамента министерства юстиціи Отто фонъ *Эссенъ*, со старшинствомъ съ 6-го ноября 1859 года.

Изъ надворныхъ въ Коллежскіе Совѣтники: оберъ-секретарь перваго отдѣленія третьяго департамента Правительствующаго Сената Александръ *Половцовъ*, со старшинствомъ съ 14-го мая 1859 года.

Изъ коллежскихъ ассесоровъ въ Надворные Совѣтники: оберъ-секретарь седьмаго департамента Сената князь Аркадій *Юсуповъ*, со старшинствомъ съ 4-го января 1859 года.

Исправляющій должность оберъ-секретаря втораго отдѣленія пятаго департамента Сената Александръ *Проворовъ*, со старшинствомъ съ 23-го ноября 1858 года.

Исправляющій должность Астраханскаго губернскаго прокурора Эдуардъ *Фришъ*, со старшинствомъ съ 13-го мая 1859 года.

Редакторъ департамента министерства юстиціи Константинъ *Арсеньевъ*, со старшинствомъ съ 6-го ноября 1859 года.

Изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ Коллежскіе Ассесоры: исправляющій должность помощника юрисконсульта консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, Дмитрій *Беръ*, со старшинствомъ съ 9-го января 1859 года.

Столовачальникъ департамента министерства юстиціи Константинъ *Зеленскій*, со старшинствомъ съ 18-го апрѣля 1859 года.

Состоящій при означенномъ департаментѣ Петръ *Орловъ*, со старшинствомъ съ 25-го августа 1859 года.

Секретарь втораго отдѣленія третьаго департамента Правительствующаго Сената Петръ *Андреевъ*, со старшинствомъ съ 9-го декабря 1858 года.

Б. Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

1) по ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА:

Назначенъ: старшій секретарь 1-го отдѣленія 5-го департамента Правительствующаго Сената, надворный совѣтникъ *Васильевъ*—исправляющимъ должность помощника юрисконсульта консультаціи, при министерствѣ учрежденной (29-го октября 1858 г.).

(Приказъ отъ 31-го октября за № 20).

Уволенъ отъ службы, по прошенію: состоящій при департаментѣ, статскій совѣтникъ *Мухачевъ*, съ правомъ носить въ отставку мундирный полукафтанъ, должности губернскаго прокурора присвоенный (2-го октября 1859 г.).

(Приказъ отъ 29-го октября № 19).

2) по 1-МУ ДЕПАРТАМЕНТУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА:

Назначенъ: старшій помощникъ секретаря, титулярный совѣтникъ *Колчинъ*—секретаремъ (15-го октября 1859 г.).

(Приказъ отъ 29-го октября № 19).

3) по 2-му отдѣленію 3-го департамента:

Назначенъ: старшій помощникъ секретаря, титулярный совѣтникъ *Бениславскій*—секретаремъ (30 октября 1859 г.).

(Приказъ отъ 20-го ноября № 21).

4) по 1-му отдѣленію 5-го департамента:

Назначенъ: старшій помощникъ секретаря, титулярный совѣтникъ *Серебряковъ*—секретаремъ (1 сентября 1859 г.).

(Приказъ отъ 29 октября № 19).

5) по 2-му отдѣленію 5-го департамента:

Назначенъ: редакторъ департамента министерства юстиціи, коллежскій совѣтникъ *Московъ*—оберъ-секретаремъ (16 октября 1859 г.).

(Приказъ отъ 29-го октября № 19).

6) по департаменту герольдіи:

Утвержденъ въ должности: секретаря, исправлявшій эту должность, титулярный совѣтникъ *Финдейзенъ 1-й* (29 октября 1859 г.).

(Приказъ отъ 20 ноября № 21).

7) по 1-му отдѣленію 6-го департамента:

Назначенъ: секретарь, надворный совѣтникъ *Симапскій*—старшимъ секретаремъ (16-го октября 1859 г.).

(Приказъ отъ 31-го октября № 20).

8) по московскому сенатскому казначейству.

Произведенъ за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента герольдіи Правительствующаго Снмата, въ Надворные Совѣтники: бывшій казначей, нынѣ находящійся въ отставкѣ, кол-

лежскій ассесоръ Николай *Толмачевъ*, со старшинствомъ съ 30 декабря 1858-го года.

(Приказъ отъ 20-го ноября № 21).

9) по императорскому училищу правовѣдѣнія:

Опредѣленъ: состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коллежскій совѣтникъ *Ликіеръ*—преподавателемъ гражданскаго права, съ оставленіемъ на службѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (10-го сентября 1859 года).

Уволены по прошенію: заслуженный профессоръ, тайный совѣтникъ *Шульгинъ*—отъ преподаванія въ семь училищъ всеобщей исторіи, съ оставленіемъ на службѣ въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ, съ 17-го августа 1859 года, т. е. съ открытія учебнаго курса въ училищѣ правовѣдѣнія.

Инспекторъ классовъ и профессоръ мѣстныхъ законовъ и гражданскаго права, коллежскій совѣтникъ *Витте*—отъ преподаванія гражданскаго права, съ оставленіемъ въ прочіихъ должностяхъ (10-го сентября 1859 года).

(Приказъ отъ 20-го ноября № 21).

10) по губернскимъ учрежденіямъ:

Назначены: члены Курляндскаго оберъ-гофгерихта, канцлеръ баронъ *Гедонъ фонъ-Стеммель*, оберъ-бургграфъ баронъ *фонъ-Медемъ*, ландмаршалъ баронъ *фонъ-деръ-Ховенъ*, второй младшій совѣтникъ *фонъ-Коскуль*, и Митавскій оберъ-гауптманъ *фонъ-Фитингофъ-Шель*—членами въ означенный оберъ-гофгерихтъ: *фонъ-Стеммель*—ландгофмейстеромъ, *фонъ-Медемъ*—канцлеромъ, *фонъ-Ховенъ*—оберъ-бургграфомъ, *фонъ-Коскуль*—первымъ младшимъ совѣтникомъ, и *фонъ-Фитингофъ-Шель*—вторымъ младшимъ совѣтникомъ, всѣ пятеро 3-го ноября 1859 г.

(Высочайшій Приказъ отъ 23-го ноября № 14).

Состоящій при департаментѣ министерства юстиціи, надзорный совѣтникъ *Сергеевъ*—товарищемъ председателя Могн-

левской палаты гражданского суда (30-го октября 1859 года).

Исправляющій должность помощника юрисконсульта консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, коллежскій ассесоръ *Синицынъ*—Виленскимъ губернскимъ прокуроромъ (29-го октября 1859 года).

Коллежскіе ассесоры: столоначальникъ департамента министерства юстиціи *Шестаковъ*, старшій помощникъ столоначальника сего департамента *Рейнфельдъ* и Калужскій губернский уголовныхъ дѣлъ стряпчій *Гавриловъ*—товарищами предсѣдателей: *Шестаковъ*—Рязанской палаты уголовного суда, *Рейнфельдъ*—Архангельскаго коммерческаго суда, а *Гавриловъ*—Калужской палаты уголовного суда (30-го октября 1859 года).

Утверждены въ должностяхъ: Черниговскаго губернскаго прокурора, исправлявшій эту должность, статскій совѣтникъ *Сokolovъ* (26-го октября 1859 года).

Предсѣдателя Тобольскаго губернскаго суда, исправлявшій эту должность, коллежскій совѣтникъ *Паткевичъ* (30-го октября 1859 года).

Товарища предсѣдателя Виленской палаты уголовного суда, исправлявшій эту должность, коллежскій совѣтникъ *Бреннеръ* (30-го октября 1859 года).

Переведены: товарищъ предсѣдателя Пензенской палаты уголовного суда, статскій совѣтникъ *Протопоповъ*, на такую должность въ Тульскую палату уголовного суда.

Исправляющій должность товарища предсѣдателя Харьковской палаты уголовного суда, коллежскій ассесоръ *Долинскій*—исправляющимъ должность товарища предсѣдателя Пензенской палаты уголовного суда.

Оба 30-го октября 1859 года.

Уволены отъ должностей товарищей предсѣдателей: Могилевской палаты гражданского суда, статскій совѣтникъ *Тукмачевъ* (30-го октября 1859 года) и

Тульской палаты уголовного суда, коллежскій совѣтникъ *Халютинъ* (29-го октября 1859 года).

Исправлявшіе должности товарищей председателей:

Архангельскаго коммерческаго суда, надворный совѣтникъ *Сергеевъ* (22-го октября 1859 года) и

Калужской палаты уголовнаго суда, коллежскій ассесоръ *Иваньковъ* (30-го октября 1859 года).

Виленскій губернский прокуроръ, коллежскій ассесоръ *Слпцовъ* (27-го октября 1859 года).

Всѣ пятеро съ причисленіемъ къ департаменту Министерства Юстиціи.

(Приказъ отъ 31-го октября № 20).

Ландгофмейстеръ Курляндскаго оберъ-гофгерихта баронъ Фридрихъ *фонъ-Стемпель* (3-го ноября 1859 г.).

Уволенъ отъ службы, по прошенію: Витебскій совѣстный судья, поручикъ *Дьяхановецкій* (3-го ноября 1859 г.).

(Высочайшій Приказъ отъ 23 ноября № 14).

Произведены за выслугу лѣтъ, журналомъ департамента герольдіи Правительствующаго Сената, со старшинствомъ: въ Статскіе Совѣтники: коллежскіе совѣтники: председатель Саратовской палаты гражданскаго суда Гавріилъ *Воскресенскій* съ 28 августа 1858 года и товарищъ председателя Вятской палаты уголовнаго и гражданскаго суда Георгій *Куцевъ* съ 13-го іюля 1859 года.

Въ Коллежскіе Совѣтники: председатель Новгородской палаты гражданскаго суда, надворный совѣтникъ графъ Федоръ *Головинъ* съ 13-го мая 1854 года.

(Приказъ отъ 28-го ноября № 22).

Московскій совѣстный судья, въ званіи камеръ-юнкера двора его императорскаго величества надворный совѣтникъ князь Борисъ *Мещерскій*, съ 2-го ноября 1858-го г., съ оставленіемъ въ придворномъ званіи.

(Приказъ отъ 31-го октября № 20).

Въ Надворные совѣтники: Оренбургскій губернский прокуроръ, коллежскій ассесоръ Григорій *Амантовъ* съ 25-го октября 1855 года.

Въ Коллежскіе Ассесоры: товарищъ председателя Курской палаты гражданскаго суда, титулярный совѣтникъ Владиміръ *Панафидинъ* съ 15-го мая 1859 года.

(Приказъ отъ 23-го ноября № 22).

II.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

СТІСЯ

ТАСІВ НЕОФІНІАНІА

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХЪ

ПРОТИВЪ ЧЕСТИ ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ

ПО УЛОЖЕНІЮ О НАКАЗАНИЯХЪ 1845 года.

Человѣкъ-существо свободное, то есть самоопредѣляющееся въ дѣйствіяхъ. Въ сообразности его дѣйствій съ идеею правды, въ согласіи его нрава съ сознаніемъ долга заключается его нравственное достоинство. Увѣренность человѣка въ собственномъ своемъ достоинствѣ, уваженіе его къ собственной своей личности, какъ къ живому воплощенію нравственнаго закона, составляетъ чувство чести личной. Но это чувство—одна лишь субъективная сторона понятія чести, такъ называемая внутренняя честь. Она не принадлежитъ къ области юридической, она недосыгаема, неотъемлема, и не можетъ быть предметомъ преступления.

Другую, объективную сторону понятія чести составляетъ признаніе въ лицѣ достоинства другими лицами, членами того же общества. Самоуважающаяся личность можетъ требовать, чтобы ее уважали какъ человѣка и какъ гражданина, чтобы ей не оказывали незаслуженнаго пренебреженія, чтобы ее не порочили въ общественномъ мнѣніи клеветою. Такъ какъ это требованіе разумно, естественно и вытекаетъ изъ существа природы человѣка, то законъ положительный превращаетъ его въ

право, обеспечивасть за каждою личностію пзвѣстную мѣру уваженія, въ которой никто не долженъ ей отказывать, и нарушеніе этого уваженія ставитъ подъ угрозою наказанія. Опреѣленная закономъ честь становится благомъ внѣшнимъ, которое личность можетъ отстаивать, какъ и всѣ другія права свои, и которое, при пзвѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть отнято у нея въ силу закона.

Объемъ чести юридической, формальной, не всегда совпадаетъ съ господствующими въ обществѣ и правахъ представленіями о чести. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ шире, въ пныхъ онъ тѣснѣе. Законъ имѣетъ дѣло съ отвлеченными личностями. Измѣряя всѣ личности одинаковою мѣркою, онъ обеспечиваетъ право на честь и за такими лицами, которыя хотя и подверглись лишенію чести уголовному, но уже уронили себя окончательно въ общественномъ мнѣніи и образомъ своихъ дѣйствій доказали, что чувство собственного достоинства въ нихъ погасло. Съ другой стороны законъ можетъ обеспечить за каждою личностію только меньшую часть ея субъективныхъ, часто преувеличенныхъ, притязаній на уваженіе въ обществѣ. Онъ долженъ оставить безъ вниманія всѣ двусмысленности, всѣ полунамски на презрѣніе въ отношеніи къ пзвѣстному лицу, какъ бы язвительны они ни были по господствующимъ понятіямъ, и наказываетъ только за такія дѣйствія, въ которыхъ съ несомнѣнною очевидностію просвѣчиваетъ намѣреніе оскорбить.

Хотя собственно одни только физическія лица способны ощущать оскорбленія, неуваженіе, оказываемое ихъ достоинству, безчестіе, но по свойственной человѣку способности отвлеченія, идеализированія явленій жизни, умъ переноситъ понятіе о чести на лица собирательныя и присвоиваетъ право на честь семьѣ, роду, сословію, государству. Такъ какъ отношенія лица къ обществу и государству, чести личной къ чести собирательной могутъ быть безконечно различны, не только у разныхъ народовъ, но и у одного и того же народа въ разные возрасты его жизни, и такъ какъ перемѣнами въ этихъ отношеніяхъ обу-

словляется и ходъ законоположеній о преступленіяхъ противу чести, то прежде чѣмъ приступить къ критической оцѣнкѣ постановленій уложенія 1845 г. по этому предмету, укажемъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ на главнѣйшіе моменты развитія понятія о чести въ важнѣйшихъ законодательствахъ, получившихъ всемірно-историческое значеніе и въ Россіи.

Такъ какъ честь коренится въ личности, то она можетъ тамъ только разцвѣсти, гдѣ личность съ ея правами признана въ области права, гдѣ свободны мысль и воля человѣка. Государствамъ востока недостаетъ этихъ условій. Въ еократіяхъ и деспотіяхъ восточныхъ человѣкъ не достигъ самосознанія, онъ поглощается совершенно общественною средою, онъ безсознательно и рабски покоренъ управляющей имъ власти, но съ другой стороны онъ деспотически взыскателенъ ко всѣмъ подвластнымъ ему лицамъ и требуетъ отъ нихъ безусловнаго поклоненія.

Въ республикахъ греческихъ и въ Римѣ личность, еще не выдѣляясь изъ государства, приходитъ къ сознанію своей свободы и своего достоинства, не какъ человѣка, а какъ гражданина, какъ живой частицы государства, участвующей въ верховной власти. Честью пользуется одинъ только гражданинъ. Честь по римскимъ понятіямъ есть тотъ внѣшній почетъ (*existimatio*), который удѣляется государствомъ каждому изъ гражданъ и котораго нарушеніе причиняетъ лицу обиженному существенный ущербъ въ его правахъ, въ свободѣ его дѣйствій и въ его общественномъ положеніи, производя въ лицахъ, состоящихъ съ нимъ въ связяхъ, невыгодное для него впечатлѣніе. При оцѣнкѣ обиды обращалось вниманіе не столько на проглядывающее въ обидѣ презрѣніе къ лицу, сколько на внѣшніе, матеріальные результаты дѣянія, а такъ какъ эти результаты болѣе или менѣе измѣримы внѣшнимъ образомъ, то для возстановленія нарушенной чести обиженный обращался къ суду и получалъ въ видѣ удовлетворенія денежное вознагражденіе. Законы 12 таблицъ, воспрещая подъ угрозою весьма стро-

гихъ наказаній публичныя ругательства (*oscentare*), пасквильныя сочиненія (*carmina famosum*) и тѣлесныя поврежденія, которыя еще смѣшпваются съ обидами (*os fractum aut collisum*), за всѣ остальные виды обидъ полагають однообразную пеню въ 25 ассовъ. Эти постановленія 12 таблицъ вышли изъ употребленія и замѣнены впоследствии системою преторскаго эдикта. Въ эдиктѣ преторскомъ всевозможныя виды обидъ включены въ область частнаго права и разсматриваются какъ *delicta privata*; всѣ наказанія за обиды приведены къ одному только денежному вознагражденію, но количество этого вознагражденія опредѣляется различно, смотря по особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая. Преторъ давалъ обиженному право самому оцѣнить свою обиду на деньги (*actio injuriarum aestimatoria*), послѣ чего или соглашался съ этою оцѣнкою, или, считая ее преувеличенною, могъ ее понизить по своему усмотрѣнію. Со времени Суллы *lege Cornelia de injuriis* по нѣкоторымъ особенно тяжкимъ видамъ обидъ, въ особенности по такимъ, въ которыхъ нападеніе на честь соединялось съ насиліемъ, допущенъ былъ искъ уголовный. Въ періодъ императоровъ законодательство пришло къ тому заключенію, что и въ самой тяжелой обидѣ обиженный имѣетъ выборъ между искомъ гражданскимъ и искомъ уголовнымъ. Въ первомъ случаѣ обидчикъ подвергался денежному взысканію по оцѣнкѣ истца, утвержденной судьей, во второмъ наказанію уголовному по усмотрѣнію судьи (*extra ordinem*). Это начало перешло изъ законодательства римскаго въ законодательства позднѣйшія и остается до сихъ поръ въ силѣ во многихъ кодексахъ современныхъ.

У христіанскихъ народовъ западной Европы право развивается, на основаніи самыхъ субъективныхъ элементовъ: личность уважается сама по себѣ, независимо отъ государства, какъ воплощеніе правды, какъ органъ нравственнаго закона.—Идея чести получаетъ глубокое субъективное значеніе. Честь не кроется въ общественномъ положеніи лица, она не вытекаетъ изъ ея гражданской обстановки, она содержится въ самомъ лицѣ, въ

его безукоризненности нравственной, и обнаруживается въ добровольномъ, безпрекословномъ признаніи этой безукоризненности со стороны всѣхъ членовъ общества. Такъ какъ честь отъ государства не зависитъ, такъ какъ правительственная власть не въ состояніи укрѣпить ее за лицомъ, то лицо защищаетъ ее отъ всякаго отрицанія и упрека собственными своими силами и средствами и готово отстаивать ее ежеминутно, какъ самое драгоценное благо, съ пожертвованіемъ всего, что имѣетъ, даже своей собственной жизни. Таково основаніе поединка, явленія неизвѣстнаго грекамъ и римлянамъ, чисто германскаго, протестующаго изъ воинственнаго настроенія древне-германскихъ нравовъ и изъ пнаго, новаго взгляда на положеніе лица въ государствѣ: явленіе, которое еще не исчезло въ нашемъ современномъ обществѣ, потому что идея, которая въ немъ обнаруживается, еще не отжила и не перестала дѣйствовать.

Естественно, что въ обществѣ средневѣковомъ, лишенномъ политическаго единства, раздробленномъ на кастообразно замкнутыя корпорации, эти понятія о чести развивались и распространялись только внутри тѣхъ сословныхъ круговъ, въ которыхъ дѣйствовала и двигалась личность, что они имѣли прямое примѣненіе только къ отношеніямъ лицъ, принадлежавшихъ къ одному и тому же сословію, что они созрѣвали раньше въ высшихъ слояхъ общества и потомъ медленно опускались въ низшія званія и классы. Такъ напримѣръ, рыцарь отрицалъ всякое судебное вмѣшательство въ дѣла чести и для защиты ея прибѣгалъ всегда къ мечу; въ то же время для мѣщанъ муниципальные статуты опредѣляли подробно наказанія за многообразныя преступленія противу чести; наконецъ простолюдинъ, крестьянинъ, правомъ на честь совѣмъ почти не пользовался. Право на честь отгѣнялось, такимъ образомъ, сословнымъ началомъ; различалась честь обыкновенная, простая, и честь высшая, свойственная только привилегированнымъ сословіямъ; одно и то же дѣйствіе, которое рыцарь считалъ себѣ вполне дозволеннымъ въ отношеніи къ мѣщанину, могло имѣть зна-

ченіе кроваваго оскорбленія, когда его совершалъ мѣщанинъ въ отношеніи къ рыцарю. Эта постепенность въ чести по сословіямъ сохранялась до тѣхъ поръ, пока съ развитіемъ государственныхъ понятій, верховная власть не привела сословіи къ одному уровню, къ равенству передъ закономъ.

Западно европейскія законоположенія объ обидахъ вытекаютъ изъ древне германскихъ обычаевъ, значительно видоизмѣненныхъ вліяніемъ римскаго права. *Leges barbarorum* полагаютъ денежныя пени за личныя обиды, побои, ругательства, рядомъ съ композиціями за смертоубійство и увѣче, но главное средство противу обидъ заключалось въ самоуправствѣ, въ поединкѣ. Когда въ обществахъ началъ устанавливаться политическій порядокъ, то правительства стали всячески ограничивать самоуправство. Главнымъ ихъ орудіемъ было римское право, которое юристы-практики, судьи стали примѣнять и къ личнымъ обидамъ. Но денежныя взысканія римскаго права за обиды не были достаточны для оскорбленной личности. Обычай дополнилъ этотъ недостатокъ, подвергая обидчика, сверхъ денежнаго безчестія, обязанности отозвать свои слова, отречься отъ своихъ дѣйствій, испросить у обиженнаго прощеніе (*Wiederruf, Abbitte, palinodia deprecatio, declaratio honoris*), то есть обидчикъ подчиняемъ былъ такому униженію, которымъ, какъ равносѣрнымъ съ виною возмездіемъ, могла бы удовольствоваться оскорбленная личность и затѣмъ отказаться отъ самоуправства. Въ новѣйшихъ кодексахъ замѣтно стремленіе преобразовать систему наказаній за личныя обиды. Съ одной стороны денежное безчестіе теряетъ мало по малу свое значеніе, становится второстепеннымъ элементомъ въ наказаніи; законодатель сознаетъ, что честь—благо неоцѣнимое на деньги. Съ другой стороны испрашиваніе прощенія у обвиненнаго, отозваніе оскорбительныхъ словъ замѣняется арестомъ, тюремнымъ заключеніемъ или денежнымъ штрафомъ. Законодатель сознаетъ, что вся сила испрашиванія прощенія или отозванія произнесенныхъ словъ заключается въ искренности этихъ дѣйствій, которой они лиш-

ны, когда совершаются по принужденію. Въ противномъ случаѣ они не имѣютъ надлежащей цѣны и для обиженной стороны неудовлетворительны.

Перейдемъ къ Россіи. Основы русскаго общественнаго быта очевидно восточныя, то есть личность не приходитъ еще къ самосознанію въ теченіи древнерусской исторіи. Весь смыслъ допетровскаго періода заключается въ томъ, что быть общественный бытъ первоначально основанъ на чисто родовыхъ, патриархальныхъ отношеніяхъ; потомъ эти родовыя отношенія разлагаются сами собою, путемъ историческаго развитія, и, прошедши чрезъ цѣлый рядъ постепенныхъ преобразованій, замѣняются новымъ порядкомъ вещей, основаннымъ на идеѣ государственной, которой представителями являются самодержцы Московскіе. Этому ходу исторіи соответствуетъ и развитіе понятій о чести. Такъ какъ личность не приходитъ къ самосознанію, то нѣтъ и слѣда чести личной, существуетъ только понятіе о чести *родовой*, а потомъ, съ усиленіемъ монархіи Московской, о чести *чиновной*. Отдѣльное лицо въ отношеніи къ верховной власти не пользуется никакою самостоятельностью. Князь и бояринъ считаются и пишутся царскими холопами. Первѣйшій бояринъ наравнѣ съ послѣднимъ простолудинномъ, провинившійся или подвергшійся опалѣ, бываетъ казнимъ торговою казнью или батогами на площади, въ Разрядѣ или на царской конюшнѣ, но каждое лицо стережетъ неусыпно и отстаиваетъ до послѣдней крайности противу всѣхъ и cadaго, кто ему равенъ или ниже чиновомъ, свое мѣсто въ составѣ силъ государственныхъ и сопряженный съ этимъ мѣстомъ внѣшній почетъ. Свои притязанія на первенство и почетъ лицо основываетъ не на своемъ внутреннемъ достоинствѣ, не на принадлежности къ извѣстному сословію, но на своихъ кровныхъ связяхъ, на значеніи своей породы и на томъ чинѣ, въ который оно возведено по милости царской. Борьба стариннаго родоваго понятія о чести съ новѣйшимъ чиновнымъ понятіемъ о чести самымъ рѣзкимъ образомъ от-

ражается въ мѣстничествѣ и въ его постепенномъ искорененіи. Юридическія понятія отживаютъ мало по малу и въ новыхъ формахъ остается долгое время старинная подкладка. Родовыя понятія о чести продолжаютъ жить и дѣйствовать, не смотря на свою несовмѣстность съ новыми условіями жизни общественной. Каждое лицо требовало, чтобы въ чиновной іерархіи дано было ему мѣсто, соотвѣтствующее мѣсту, которое занимали его предки по родословцу или разряду, а не по его способностямъ и довѣрію къ нему царя. Мѣстничались воеводы по областямъ, полкамъ и въ строю ратномъ, царедворцы въ церемоніяхъ, до тѣхъ поръ, пока самодержцами Московскими не было введено начало, что на службѣ царской всѣмъ слѣдуетъ быть безъ мѣстъ, пока на Соборѣ земскомъ 1682 года не были преданы сожженію разрядныя книги. Съ тѣхъ поръ понятіе чиновное о чести сдѣлалось господствующимъ.

Каждое лицо имѣло честь особенную, отличную отъ чести всѣхъ другихъ лицъ, смотря по своему разстоянію отъ источника всякой чести—царя. Нескончаемая лѣстница чиновосостояній начиналась съ Патриарха. Выше другихъ располагались въ ней бояре, окольные, думные люди, дворяне и другія званія служилого класса. Въ одномъ съ ними уровнѣ помѣщались различныя чины духовныя. Непосредственно за служилыми слѣдовали различныя разряды людей неслужилыхъ и тяглыхъ, гости, торговые люди и такъ дальше до черныхъ сотенъ и крестьянъ различныхъ наименованій. Нарушеніе слѣдующей кому-нибудь по чину чести называлось безчестіемъ. Такъ какъ честь была благомъ вѣншимъ, жалуемымъ государствомъ и отъ него только зависѣвшимъ, то, для возстановленія ея, обиженному не зачѣмъ было прибѣгать къ самоуправству, къ поединку; онъ просто только билъ челомъ о безчестіи, заводилъ искъ. Наказаніе за обиду состояло въ денежномъ взысканіи въ пользу обиженного, называемомъ тоже *безчестіемъ*; иногда, если обидчикъ былъ значительно ниже обиженного по чину, денежное безчестіе замѣнялось тѣлѣснымъ наказаніемъ кнутомъ, батога-

мп. Иногда оно сопровождалось выдачею обидчика головою обиженному, заключеніемъ въ тюрьму, или, въ случаѣ особенно тяжкихъ оскорбленій, и иными уголовными средствами. Уже по второму судебнику 1550 г., количество безчестія опредѣлялось для служилыхъ классовъ количествомъ годоваго жалованія или дохода съ кормленія. Это постановленіе очень важно потому, что на основаніи его до послѣднихъ временъ за обиду чиновнаго лица взыскивался годовой окладъ его жалованья. За обиду жены взыскивалось вдвое, за обиду дочери незамужней вчетверо, а за обиду сына въ половину противу жалованья мужа или отца. Обида податныхъ классовъ оцѣнялась сообразно ихъ промысламъ. По городовому положенію Екатерины II-й 1785 г., содержащему только обращеніе начать древняго права и примѣненіе ихъ къ податнымъ состояніямъ, — принять за основаніе при оцѣнкѣ обидъ годовой окладъ ихъ податей. Глава X соборнаго Уложенія 1649 г. содержитъ подробную тавсу обидъ для лицъ всѣхъ состояній, которой масштаб измѣряется: 1) званіемъ обиженнаго и 2) званіемъ обидчика, то есть оффиціальнымъ между ними по чину разстояніемъ. При такой системѣ законодательства объ обидахъ, тщеславіе и корыстолюбіе порождали множество исковъ, ябеда и страсть къ сутяжничеству могли свободно разыгрываться, дѣламъ объ обидахъ не было конца. Страшная грубость и крайняя простоватость въ обращеніи даже высшихъ классовъ общества чередуются въ тогдашнихъ нравахъ съ чопорною щепетильностью и невѣроятною раздражительностью въ отношеніи правъ на честь, такъ что правительство, при дворѣ котораго не разъ бояре расправлялись кулаками и пощечинами, законодательнымъ путемъ должно было обуздывать излишнюю обидчивость, предписывая, чтобы выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «злюдѣй, трусь, смартынушокъ, мартышко, шпынкъ турецкій, робенокъ», или

«онъ смотритъ звѣрообразно», или простыя описки въ титулѣ или прозвищѣ, не считались обидами (*).

Со времени Петра Великаго законодательство русское объ обидахъ развивалось подъ вліяніемъ западно-европейскихъ понятій о чести. Съ одной стороны верховная власть организуетъ по западному образцу сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ русской прививаются и укореняются извнѣ заимствованныя понятія о чести сословной, чести воинской, дворянской, чести мундира. Съ другой стороны въ обычаяхъ высшихъ, болѣе воспримчивыхъ къ нововведеніямъ слоевъ общества, войска, дворянства, а потомъ и другихъ сословій, проникаютъ выработанныя западно-европейскою цивилизаціею понятія о личности и о чести, основанной на внутреннемъ достоинствѣ челоуѣка, а не на его чинѣ и званіи, которая уже не довольствуется денежнымъ вознагражденіемъ и требуетъ иного удовлетворенія. Вмѣстѣ съ костюмомъ и модами, верхніе слои общества усваиваютъ самыя преувеличенныя, рыцарскія представленія о чести, уже отживавшая свой вѣкъ на западѣ. Поединокъ входитъ въ нравы. *Декретомъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ* въ воинскомъ уставѣ 1716 года, и *манифестомъ о поединкахъ* Екатерины II-ой 21-го апрѣля 1787 года законодательство старается противудѣйствовать наклонности къ самоуправству, объявляетъ, что обида «не можетъ умалить чести обиженнаго», грозитъ попрегающему обиженнаго тѣмъ, что онъ прибѣгнулъ къ судебному разбирательству, наказаніемъ, равнымъ тому, какое полагается за обиду, и вводитъ, кромѣ денежнаго безчестія, нныя способы удовлетворенія за причиненное оскорбленіе: арестъ, испрашиваніе у обиженнаго прощенія. Эти новыя мѣры уголовныя берутъ верхъ надъ гражданскимъ вознагражденіемъ за обиду—безчестіемъ, оттѣняютъ его на задній планъ, превращая его во второстепенный

(*) Указы 1675 и 1700 г. въ П. С. З. I, № 597, IV, № 1809, Дворц. Разр. IV стр. 1136. Подробности можно найти въ прекрасной монографіи Борнеа Утина: *Ueber die Ehrenverletzung nach russischem Recht seit dem XVII Jahrhundert* Dorpat 1837.

элементъ наказанія. Наконецъ указъ 21-го марта 1851 г. совершаетъ коренной переворотъ въ законоположеніяхъ объ обидахъ и знаменуетъ окончательный разрывъ настоящаго съ съдою старинною московскаго періода. Этимъ указомъ значительно умалено количество безчестія и установленъ размѣръ его, однообразный для лицъ всѣхъ состояній и классовъ, независимый ни отъ оклада ихъ жалованія, ни отъ оклада ихъ податей.

Приступая къ догматическому изложенію законоположеній объ обидахъ, содержащихся въ уложеніи 1845 г., нужнымъ считаю предупредить читателя, что для правильной оцѣнки этихъ законоположеній, слѣдуетъ отрѣшиться сколь возможно болѣе отъ индивидуальныхъ своихъ убѣжденій о чести и стать въ положеніе законодателя, который долженъ по необходимости вести счеты и съ предрассудками, завѣщанными прошедшимъ, коренящимися въ обычаяхъ большинства народа, и съ новыми стремленіями, обнаруживающимися въ томъ просвѣщенномъ меньшинствѣ, которое составляетъ цвѣтъ общества и залогъ будущаго его развитія. Центръ тяжести понятія чести еще не установился въ общественныхъ нравахъ. Для низшихъ слоевъ народа понятіе чести слишкомъ отвлеченное и мало кто о ней заботится; въ среднихъ кругахъ господствуетъ обычная, бессознательная склонность къ чинопочитанію; между тѣмъ какъ въ тѣхъ просвѣщенныхъ классахъ, которыхъ органомъ служить литература и которые сильнѣе пропитаны западно-европейскими понятіями, преобладаетъ мнѣніе, что всякъ въ дѣлѣ своей чести судья и взыскатель, и недовѣріе къ судебному въ этихъ дѣлахъ разбирательству. При такомъ разладѣ и пестротѣ въ воззрѣніяхъ на честь, при безпрестанныхъ столкновеніяхъ суровой грубости съ изысканною утонченностью въ обычаяхъ, отношеніе законодателя къ обществу должно состоять въ слѣдующемъ. Оцѣнщикомъ и распределителемъ индивидуальной чести, подобающей каждому лицу, по его достоинству, онъ быть не можетъ; подобная задача находится внѣ предѣловъ его компетенціи; но онъ можетъ обезпечить безъ разбора всякую

личность, не смотря на ея нравственные свойства, отъ грубыхъ и нахальныхъ нападокъ со стороны постороннихъ, и тѣмъ самымъ удержать ее отъ самоуправства. Между людьми порядочными большая часть столкновений въ дѣлѣ чести будетъ рѣшаться помимо суда, но бываютъ и такіе случаи, въ которыхъ и благороднѣйшій человекъ до того презираетъ обидчика, что не можетъ отъ него требовать ниаго удовлетворенія, кромѣ уголовнаго. Въ этихъ случаяхъ законъ, по требованію обиженнаго, долженъ ему оказать надежную защиту.

На практикѣ всѣ преступленія противу чести обозначаются терминомъ: *обиды личныя*. Такъ какъ терминологія уголовная тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе она отвлеченна, чѣмъ она вразумительнѣе и ближе къ дѣйствительности, то мы должны принять этотъ терминъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны точнѣе опредѣлить значеніе этого слова, которому въ обществѣ придется тотъ или другой смыслъ.

Обида въ самомъ обширномъ смыслѣ обозначаетъ вообще всякую неправду въ отношеніяхъ одного лица къ другому, всякое правонарушеніе какъ гражданское, такъ и уголовное, всякое нападеніе какъ на чужую личность, такъ и на чужую собственность. Если изъ общей массы правонарушенийъ исключимъ всѣ преступленія противу правъ имущественныхъ, то останутся одни только нападенія на чужую личность, которыя, для отличія ихъ отъ нападеній на собственность, именуется *обидами личными*. Но и при этомъ ограниченіи обида остается понятіемъ слишкомъ неопредѣленнымъ, потому что содержитъ въ себѣ всевозможныя нападенія на всѣ тѣ нематеріальныя блага, которыми пользуется личность: жизнь, здоровье тѣлесное и душевное, неприкосновенность тѣлесную, свободу, честь. Чѣмъ болѣе специализируются понятія въ народѣ вслѣдствіе его умственнаго развитія, тѣмъ самостоятельнѣе разсматривается каждое изъ этихъ благъ и даетъ начало цѣлому ряду преступленийъ, особыхъ и по мѣсту въ системѣ уголовной, и по названію. Наконецъ *обида личная* въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ

которомъ мы исключительно будемъ ее употреблять, есть преступленіе прямо и непосредственно направленное противу чужой чести и не содержащее въ себѣ посягательства на другія блага не матеріальныя, охраняемыя болѣе строгими наказаніями въ законѣ уголовномъ, какъ то: жизнь, свободу, здоровье физическое и душевное, принадлежность къ извѣстному семейству или состоянію и т. п.

Сводъ Законовъ Уголовныхъ (1-ая часть XV тома св. зак.) содержитъ подробное и довольно вѣрное опредѣленіе обидъ (ст. 404 по изд. 1842 г.), которое осталось до сихъ поръ дѣйствующимъ въ сводѣ военно-уголовномъ (ст. 416 по изд. 1855 г.): «пренебреженіе къ особѣ ближняго съ намѣреніемъ обидѣть его или оскорбить, или повредить ему лично, или женѣ его, или чаду, или служителю, или ближнему его—есть обида». Это опредѣленіе въ Уложеніи 1845-го года выпущено. Сознавая невозможность включить въ отвѣченную формулу разнообразныя явленія жизни, оно полагается въ этомъ отношеніи на практику судебную и довольствуется подробнымъ перечисленіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя должны быть признаны обидными, оскорбительными для чести. Оскорбить лицо можно двояко: 1, или оказывая ему непосредственно презрѣніе, неуваженіе къ его нравственному достоинству, посредствомъ дѣйствій, которыя по правиламъ общежитія считаются непозволительными въ отношеніяхъ людей между собою; 2, или дѣйствуя на другихъ, разрушая въ ихъ мнѣніи уваженіе и внушая имъ отвращеніе и презрѣніе къ извѣстному лицу. Первый видъ обидъ носитъ характеръ насильственнаго, явнаго посягательства на честь лица, второй—уклончиваго и коварнаго. Первый видъ Уложеніе обозначаетъ названіемъ *непосредственныхъ личныхъ обидъ*, второй мы можемъ назвать *личными обидами заочными*.

СТАТЬЯ I.

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ЛИЧНАЯ ОБИДА.

Непосредственная личная обида есть открытое обнаруженіе извѣстному лицу неуваженія къ достоинству его, въ формѣ, недопускаемой правилами общежитія. Составъ этого преступленія опредѣляется слѣдующими необходимыми условіями.

1., *Предметомъ* преступленія должна быть *честь* извѣстнаго лица. Подъ словомъ *честь* слѣдуетъ разумѣть не субъективную, самоувѣренность лица въ своемъ превосходствѣ, не тѣ притязанія на почетъ, которыя кто—нибудь питаетъ по внутреннему тщеславію, по преувеличенному, фантастическому представленію о своемъ достоинствѣ и своихъ заслугахъ, и не по произвольнымъ, условнымъ понятіямъ извѣстнаго замкнутого кружка людей, но честь объективную, юридическую, то есть ту честь, которая по всеобщему сознанію народному, обнаруживающемуся съ большею или меньшею ясностью въ обычаяхъ какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ его классовъ, и признаваемому въ законодательствѣ, должна принадлежать лицу какъ челоѣку и какъ гражданину. Такъ напримѣръ, еслибы кто—нибудь считалъ себя обиженнымъ, потому что другой на него косился, или посадилъ его за столomъ ниже другихъ лицъ, которыхъ онъ, истецъ, считаетъ значительно ниже себя, то эти мѣстническія притязанія, несогласныя съ духомъ современнаго общества, не могли бы быть уважены судомъ; иное дѣло, если истецъ жалуется, что ему дали пощечину или обругали его подлецомъ. Судья, какъ живой представитель общества и его правовъ, долженъ рѣшить въ каждомъ конкретномъ случаѣ, уважительны ли требованія лица на честь или нѣтъ, и при рѣшеніи этого вопроса онъ долженъ руководствоваться какъ общенародными правилами жизни, такъ и особенными представленіями о чести, имѣющи-

ми ходъ въ состояніяхъ, изъ которыхъ слагается государствен-
ный организмъ. Эти представленія тѣмъ опредѣлительнѣе, чѣмъ
больше распространена въ состояніи образованность, чѣмъ болѣе
развито въ немъ чувство приличія.

Старинные криминалисты различали въ теоріи нѣсколько
видовъ чести: 1) честь общечеловѣческую, 2) честь граждан-
скую, къ которой примыкаетъ и сословная, 3) честь приви-
легированную или законную. Первая изъ нихъ принадлежитъ
всякому лицу, какъ человѣку. Субъектомъ ея можетъ быть и
иностранецъ, и даже человѣкъ по закону признанный безче-
стнымъ, то есть лишеннымъ чести гражданской, потому что и по
отнятіи у него чести гражданской, все таки въ немъ обитаетъ не-
изгладимое достоинство человѣка. Вторая честь принадлежитъ че-
ловѣку какъ гражданину и какъ члену извѣстнаго сословія. Съ
этой точки зрѣнія одно и тоже оскорбительное дѣяніе будетъ
имѣть различную относительную тяжесть въ примѣненіи къ ли-
цамъ различныхъ состояній. Такъ на примѣръ слово трусъ ос-
корбительнѣе для военнаго, нежели для духовнаго, на оборотъ
слово безбожникъ оскорбительнѣе для духовнаго, чѣмъ для лицъ
другихъ состояній; назвать воромъ человѣка, приговореннаго къ
наказанію за воровство, не будетъ обидою, между тѣмъ какъ
этотъ упрекъ должевъ считаться обидою въ отношеніи къ ли-
цу, неопороченному судомъ. Укоръ въ половомъ развратѣ, напра-
вленный противъ честной женщины, несравненно обиднѣе такого
же укора, обращеннаго къ мужчине, и нисколько не обиденъ въ
примѣненіи къ женщине, официально промышляющей непотреб-
ствомъ. Вообще, чѣмъ тѣснѣе сплочены между собою состоянія
въ народѣ, чѣмъ болѣе они взаимно проникаются, чѣмъ болѣе
разлиты въ массахъ просвѣщеніе, тѣмъ незамѣтнѣе становятся
сословные оттѣнки въ понятіяхъ о чести, тѣмъ болѣе распу-
скается честь гражданская и сословная въ чести общечеловѣ-
ческой, которая собственно и составляетъ единственное для вся-
кой иной чести основаніе. Наконецъ честь привилегированная
есть тотъ высшій почетъ, къ изъявленію котораго законъ по-

ложительно обязываетъ всѣхъ или нѣкоторыхъ членовъ общества въ отношеніи къ извѣстному лицу, отличенному особеннымъ саномъ, чиномъ, должностью. Такъ на примѣръ солдатъ обязанъ по закону дѣлать фронтъ офицеру, подчиненные—оказывать уваженіе къ начальнику. Особамъ VI класса или кавалерамъ ордена Св. Владиміра законъ предписываетъ подавать стулъ въ присутствіяхъ городскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ юрисдикцій (ст. 57 т. II св. зак. общ. образ. управленія по губерніямъ). Это дѣленіе чести на виды въ практикѣ большею частію неудобопримѣнимо и бесполезно. Еще можно различить честь привилегированную и честь гражданскую, но какъ отличить честь гражданскую отъ общечеловѣческой? Это тѣмъ невозможно въ нашемъ законодательствѣ, что въ немъ идея личности еще въ зародышѣ, что оно не признаетъ за человѣкомъ, отрѣшеннымъ отъ его гражданскихъ отношеній, никакихъ правъ врожденныхъ и неотъемлемыхъ, исключая права на жизнь и что вслѣдствіе историческихъ причинъ, замедлившихъ ходъ народнаго развитія, большинство народонаселенія незнато отъ наказаній тѣлесныхъ.

Опредѣливъ, какая честь можетъ быть предметомъ преступленія, укажемъ, чья честь защищается закономъ отъ обиды. Предметомъ преступленія можетъ быть: всякое лицо физическое. Слѣдовательно, а) даже и лишенный по приговору суда всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особенно лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, или нѣкоторыхъ особенныхъ по 54 ст. Улож. личныхъ правъ и преимуществъ. Конечно не всѣ дѣйствія, считающіяся въ обществѣ обидами, могутъ быть таковыми признаны въ отношеніи къ подобному человѣку; напримѣръ судъ долженъ отказать ему въ искѣ, когда отъ будетъ жаловаться въ томъ, что кто-нибудь его укорялъ въ преступленіи, за которое онъ заплатилъ наказаніемъ, но данная ему пощечина или ругательство въ неприличной формѣ въ такой же степени въ отношеніи къ нему преступны, въ какой они были бы преступны, если бы отно-

силнсь къ лицу, неопороченному судомъ. б, Подчиненный на службѣ можетъ быть предметомъ обиды со стороны своего начальника (ст. 445). в., Даже и крѣпостной, впрочемъ не въ отношеніи къ своему владѣльцу, а къ другимъ постороннимъ лицамъ, хотя на практикѣ едва ли бываютъ примѣры подобныхъ исковъ. д., Наконецъ даже и такія лица, которыя ощущать нанесенную имъ обиду неспособны по малолѣтству, по недостатку или разстройству физическихъ или психическихъ способностей. Ограждая ихъ личность, законъ ввѣряетъ попеченіе о ненарушимости ихъ чести лицамъ, имѣющимъ надъ ними законную власть или опеку (2091 ст. улож., 265 ст. I ч. X т. св. зак. гражд.).

Но если, разсуждая *in abstracto*, нѣтъ никакой личности, которая бы не имѣла права на честь и не могла быть предметомъ обиды, то бываютъ однако особенныя личныя отношенія, столь тѣсныя, что обида въ юридическомъ смыслѣ между лицами, связанными посредствомъ этихъ отношеній, немислима, или потому, что честь у этихъ лицъ общая и нераздѣльная, или потому, что связь ихъ предполагаетъ полное подчиненіе одной личности законной власти другого лица. Къ первому роду отношеній принадлежитъ связь супружеская, ко второму связь дѣтей съ родителями и крѣпостныхъ людей съ ихъ владѣльцами. Хотя законъ умалчиваетъ объ обидахъ между супругами, но искъ подобные не допускаются на практикѣ, не потому что бы жена, будучи по 107 ст. I ч. X т. Св. Зак. гражд. обязана пребывать въ неограниченномъ у мужа послушаніи, считалась въ отношеніи къ нему безправна,—къ счастью этотъ взглядъ на супружескія отношенія, оставшійся въ законодательствѣ, не существуетъ уже въ нашихъ нравахъ, которые даютъ фактически женѣ въ кругу семьи гораздо болѣе самостоятельности, нежели сколько можно было бы предполагать по буквальному смыслу закона,—но потому, что при нравственномъ соединеніи супруговъ, составляющемъ сущность брака, они суть, въ отношеніи права на честь, какъ бы одно ли-

цо, и должны прощать себѣ взаимно оскорбленія. Законъ не входитъ и не можетъ входить въ разбирательство супружескихъ несогласій до тѣхъ поръ, пока эти несогласія, дошедши до посягательства однимъ супругомъ на жизнь, свободу или невинность тѣлесную другаго, не обнаружатъ, что между супругами существуетъ одна только форма брака безъ внутренняго содержанія. Тогда уголовное правосудіе вступаетъ за личность, затронутую въ неотчуждаемыхъ ея правахъ (ст. 2154 улож. о наказаніяхъ). Законъ отказываетъ безусловно дѣтямъ въ искахъ объ обидахъ на родителей (ст. 168 I ч. X т. Св. Зак. гражд.), какъ несомѣстныхъ съ коренными основаніями семейнаго союза, на которыхъ держится все общественное зданіе. Это запрещеніе тѣмъ понятнѣе, что по всему русскому праву проходить начало повиновенія властямъ, а первообразъ всѣхъ властей есть власть родительская, что власть родительская строга и что законодатель старается всячески укрѣпить ее, вооружая родителей, сверхъ мѣръ домашняго исправленія (ст. 165 I ч. X т.), правомъ подвергать по своему усмотрѣнію дѣтей, безъ формальнаго суда, заключенію въ смиренномъ домѣ на время до 6 мѣсяцевъ (ст. 2164 улож.). Но законъ допускаетъ иски родителей и вообще родственниковъ восходящихъ на дѣтей и на нисходящихъ. Что касается до обидъ между крѣпостными и ихъ владѣльцами, то они потому уже немислимы, что помѣщикамъ предоставлено по закону право настоящей уголовной расправы надъ крѣпостными по всѣмъ преступленіямъ, не влекущимъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы или на поселеніе, и совершеннымъ противу самаго помѣщика или его семейства или противъ другихъ его крестьянъ или дворовыхъ людей (ст. 1052 IX т. св. зак. о сост.).

Кромѣ лицъ физическихъ, предметомъ обиды могутъ быть и всѣ лица *юридическія*, собирательныя, не потому, чтобы лицо юридическое могло собственно чувствовать оскорбленіе, но потому, что обида можетъ быть *одновременная*, то есть можетъ

за одинъ разъ постигнуть всю совокупность лицъ физическихъ, входящихъ въ составъ извѣстнаго лица юридическаго, и послужить источникомъ права на искъ для каждаго изъ этихъ лицъ отдѣльно взятаго, или для центрального органа, въ которомъ воплощается единство юридическаго лица. Къ лицамъ собирательнымъ, которыхъ честь защищается закономъ, слѣдуетъ отнести: а, *семейство*. Каждая семья образуетъ внутри общества живой организмъ, до такой степени солидарный, что обида, нанесенная одному изъ его членовъ, отражается на всѣхъ остальныхъ. На этомъ основаніи ст. 2091 улож. грозитъ наказаніемъ тому, кто обидитъ другаго на счетъ его или жены его или членовъ его семейства, хотя бы даже умершихъ, потому что всякое поношеніе чести умершаго, всякое его имени поруганіе, хотя непосредственно повредить не можетъ этой личности, уже несуществующей въ дѣйствительности и перешедшей въ область прошедшаго, но посредственно наноситъ существенный ущербъ чести тѣхъ третьихъ лицъ, которыя до того по крови ему близки, что честь его считаютъ своею собственною честью. б, *Промышленное товарищество, компанія на акціяхъ, редакція извѣстнаго журнала, профессора извѣстнаго университета, офицеры извѣстнаго полка и всѣ вообще сословія, существующія внутри государства и признаваемые закономъ въ качествѣ лицъ юридическихъ*. Но если и допустить логическую возможность обиды, нанесенной цѣлому сословію, то слѣдуетъ однако строго отличать настоящія сословія отъ простыхъ отвлеченій, отъ неопредѣленныхъ классовъ или разрядовъ лицъ, на которые можетъ быть раздѣлено общество. Предметомъ обиды можетъ быть только лицо юридическое совершенно опредѣленное, *persona certa*, а не *incerta*, лицо, составляющее настоящій живой организмъ, существующее для опредѣленной цѣли; лицо, котораго члены соединены между собою настоящими юридическими правами и обязанностями. Слѣдовательно не будетъ обиды, когда кто нибудь осмѣетъ самымъ язвительнымъ образомъ Псковъ или Петербургъ, или всѣхъ Москвичей или Тверитянъ,

или отзовется, что всё аптекари грабители, или скажетъ, что всё полицейскіе мошенники и взяточники, потому что москвичи, аптекари или полицейскіе,—простой, неопредѣленный разрядъ людей, *personae incertae*. Не будетъ также обиды, когда кто разругаетъ цѣлое состояніе въ народѣ, напримѣръ дворянство, потому что дворянство также не лицо, а просто отвлеченная идея, и что въ дѣйствительности есть только дворянскія собранія Тульское, Минское, Нижегородское и т. п. Очевидно, что на практикѣ случаи исковъ объ обидахъ, нанесенныхъ цѣлымъ корпораціямъ, весьма рѣдки, и что появленіе ихъ обуславливается существованіемъ въ народѣ крѣпкихъ, сплошныхъ, исторически выработавшихся сословій, одушевленныхъ духомъ единства и солидарности, проникающимъ всёхъ ихъ членовъ. Русское общество отличается недостаткомъ корпоративныхъ элементовъ; весьма позднее образованіе въ немъ сословій было дѣломъ государственной централизаціи. Они возникли въ видѣ органовъ правительства и до этихъ поръ носятъ государственный характеръ; они не окрѣпли и сила сцѣпленія между составными ихъ атомами слаба. Вотъ почему обиды, имъ наносимыя, или остаются ненаказанными, или принимаются правительствомъ на свой счетъ и преслѣдуются какъ оскорбленія, наносимыя органамъ правительственной власти (*). въ Само государство, его правительство, суды, административныя установленія и всё вообще органы верховной власти. Всё посягательства на честь государства и правительственныхъ органовъ выходятъ изъ ряда преступленій противу частныхъ лицъ, разсматриваются какъ прямыя нападенія на цѣлое общество, какъ преступленія государственныя, весьма отличныя отъ частныхъ обидъ и по наказуемости, и по вѣщанію объ нихъ исковъ, а потому мы коснемся ихъ только вскользь и мимоходомъ въ настоящей статьѣ, въ рамкахъ коей они умѣститься не могутъ. Высшая кульминаціон-

(*) Напр. въ 328 ст. улож. оскорбленіе лица, принадлежащаго къ волостному или сельскому управленію, причислено къ преступленіямъ противу присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ.

ная точка этихъ посягательствъ заключается въ оскорбленіи Величества (275—282 ст. ул.). За тѣмъ уложеніе опредѣляетъ весьма подробно оскорбленія правительства публичнымъ поруганіемъ его указовъ (313), выставленныхъ нмъ гербовъ, надписей и памятниковъ (314, 315); объявленій мѣстнаго начальства или полиціи (316); оскорбленія ругательными письмами, изображеніями, словами и дѣйствіями должностныхъ мѣстъ и лицъ, какъ высшихъ государственныхъ, такъ и губернскихъ, уѣздныхъ или городскихъ (317—323); обиды, наносимыя чиновникамъ какъ въ присутственномъ мѣстѣ, такъ и внѣ его, но при исполненіи обязанностей службы или въ дѣтствіе исполненія обязанностей службы (314, 325); обиды, наносимыя даже частнымъ лицамъ, но въ присутственномъ мѣстѣ и во время присутствія, слѣдовательно сопряженныя съ преступнымъ неуваженіемъ къ правительственному установленію (826); оскорбленія, направленныя противу нижнихъ блюстителей общественнаго порядка до полицейскихъ стражей и жандармовъ включительно (327). Наконецъ, уложеніе далъ особое мѣсто оскорбленіямъ, причиняемымъ подчиненными начальникамъ по службѣ и подвело ихъ подъ общее понятіе нарушенія долга подчиненности (439—451). г.) *честь иностранныхъ правительствъ* можетъ быть по 294 ст. улож. нарушена явнымъ и публичнымъ оскорбленіемъ иностраннаго посла, посланника или дипломатическаго агента.—д.) *Накопецъ церковь* въ ея правахъ на уваженіе можетъ быть оскорблена обидою, нанесенною ся священнослужителю (ст. 239, 241). Какъ обида, нанесенная иностранному дипломатическому агенту съ цѣлью оказать неуваженіе къ его правительству, такъ и обида, нанесенная священнику съ цѣлью оказать неуваженіе къ церкви, не подлежатъ нашему разсмотрѣнію и должны быть отнесены къ преступленіямъ противу международнаго права и противу церкви.

Второе условіе обиды—*вышнее дѣланіе*, содержащее открытое отрицаніе достоинства извѣстнаго лица и выраженное въ формѣ неприличной этому лицу непосредственно. Законъ по-

нѣдъ навододе. нагобоу унитои. заноннуроздн. отуод. и отъива. ом

ложительный не въ состояніи опредѣлить а priori, какія дѣйствія слѣдуетъ считать оскорбительными, а какія нѣтъ, потому что эти дѣйствія могутъ быть разнообразны до безконечности. Содержитъ ли данное дѣйствіе обиду, это *quaestio facti*, который судъ рѣшаетъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, руководствуясь господствующими въ народѣ представленіями о чести. Слово, письмо, знакъ, изображеніе, простое тѣлодвиженіе могутъ быть оскорбительны. По свойству употребленныхъ преступникомъ средствъ, сводъ зак. угол. дѣлилъ обиду на три рода: 1) обиды словами 2) письмомъ и 3) дѣйствіями (ст. 405 изд. 1842 г.); это дѣленіе, оставшееся въ сводѣ военно-уголовномъ (ст. 418 изд. 1855 г.), измѣнено уложеніемъ 1845 года, которое два первые рода сводитъ въ одно понятіе обиды словесной.

A., *Обида словесная* (*Verbalinjurie*) по 2091 ст. улож. состоитъ въ ругательныхъ или иныхъ словахъ на счетъ обижаемаго, въ попреканіи его тѣмъ, что ему прежде того нанесена была какая-нибудь обида, или въ направленномъ противу него укорѣ въ какомъ-либо дѣлѣ противузаконномъ или безчестномъ. Законъ подвергаетъ одинаковой отвѣтственности обиду словесную, будетъ ли она высказана изустно или въ письмѣ, подписанномъ обидчикомъ, или безымянномъ, подметномъ.

B., *Обида дѣйствіемъ* (*Realinjurie*) бываетъ тогда, когда честь лица нарушена посредствомъ нарушенія инаго какого-нибудь его права, напримѣръ посредствомъ нападенія на его личную свободу, на его неприкосновенность тѣлесную (пощечина, легкіе побои), или на его собственность (разбитіе камнемъ стекло въ его окошкахъ). Обида дѣйствіемъ есть преступленіе смѣшанное и представляетъ всегда стеченіе обиды съ инымъ какимъ-либо правонарушеніемъ; вотъ почему уголовный прусскій кодексъ 1851 г. исключилъ ее совершенно изъ ряда преступленій. Коль скоро дѣяніе оскорбительное для чести содержитъ въ себѣ другое преступленіе болѣе тяжкое, строже наказуемое, то характеръ его измѣняется и оно должно быть разсматриваемо, какъ то и другое преступленіе, противу свободы, здоровья или

собственности, оскорбительное же свойство дѣянія преступнаго является второстепеннымъ признакомъ и обнаруживаетъ вліяніе только на увеличеніе мѣры наказанія. Бываютъ однако случаи, въ которыхъ насиліе противу свободы, здоровья или собственности само по себѣ ничтожно, а вся тяжесть дѣянія заключается въ достигаемомъ посредствомъ него нарушеніи чести насилуемаго, такъ что судья, опредѣляя дѣяніе по главному изъ его составныхъ элементовъ, долженъ признать его преступленіемъ противу свободы, здоровья или собственности лица, противу чести, а не преступленіемъ пострадавшаго отъ дѣянія. Смѣшно, напримѣръ, было бы наказывать за поврежденіе тѣлесное того, кто далъ публично женщинѣ насильственный поцѣлуй, кто выпачкалъ сажею или облилъ помоями ненавистное ему лицо; или наказывать какъ за нарушеніе права собственности того, кто комомъ грязи обрызгалъ чужой экипажъ. Къ обидамъ дѣйствіемъ статья 2086-я уложенія относитъ тѣ случаи, когда кто ударилъ другаго, замахнулся на него или погрозилъ ему рукою или какимъ-либо орудіемъ, а статья 2087-я включаетъ сюда даже тяжкіе побои, если они не принадлежать къ разряду побоевъ, подвергающихъ жизнь обижennaго опасности, то есть если они не подходятъ подъ опредѣленія III гл. X раздѣла уложенія о нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью.

Средину между обидами словесными и обидами дѣйствіемъ занимаютъ обиды *символическія*, то есть оскорбленія посредствомъ тѣлодвиженій и знаковъ, которымъ нравы общественныя приписываютъ значеніе язвительнаго пренебреженія къ чужой личности, напримѣръ плеваніе кому-нибудь въ глаза, выставленіе шиша, вывѣшеніе языка. Уложеніе приурочило обиды символическія къ обидамъ дѣйствіемъ, подвергая по 2086 ст. одинаковому наказанію и того, кто ударилъ другое лицо, и того, кто на него замахнулся или погрозилъ ему рукою или инымъ орудіемъ. Принимать эти дѣйствія за покушеніе на обиду невозможно, потому что вообще въ обидахъ покушеніе немислимо

и совпадаетъ съ совершеиіемъ прѣступленія, но они составляютъ сами по себѣ самостоятельную обиду символическую.

Каковы бы были избранныя для выраженія презрѣнія къ данному лицу средства: слово, письмо или дѣйствіе, для понятія обиды въ смыслѣ юридическомъ необходимо, чтобы эти средства уже по внѣшней своей формѣ были оскорбительны, независимо отъ той цѣли, которую могъ полагать себѣ обидчикъ, то есть, чтобы самое дѣяніе по объективному своему характеру было противно условіямъ общежитія и считалось въ сознаніи народномъ неприличнымъ, непозволительнымъ нападеніемъ на личность. Посему можетъ быть признанъ обидою и основательный укоръ, но выраженный въ неприличной формѣ, напримеръ, если кто-нибудь женщину не безукоризненную въ отношеніи цѣломудрія назоветъ потаскухою. Напротивъ того не наказуемымъ останется высказанное кому-нибудь, но только въ приличной, безукоризненной формѣ презрѣніе, или двусмысленность весьма прозрачная, но которая допускаетъ двойное толкованіе, такъ что оскорбительный ея характеръ не прямо очевиденъ, а можетъ быть постигнутъ только посредствомъ умозаключенія. Для поясненія приведу примѣръ изъ практики. Въ Петербургской губерніи поссорились два помѣщика и одинъ другаго назвалъ дуракомъ. При слѣдствіи, возникшемъ по сему случаю, отвѣтчикъ не сознался въ произнесеніи этого слова, но въ данномъ слѣдователю отзывѣ умышленно сдѣлалъ подчистку для того, чтобы имѣть возможность помѣстить въ концѣ отзыва слѣдующую оговорку: «а что по подчищенному написано N. N. дуракъ, то вѣрно». Суды, освобождая отвѣтчика отъ обвиненія въ обидѣ, не коснулись въ своихъ приговорахъ этой оговорки, которая безукоризненна въ своей оффиціальной формѣ по буквальному ея толкованію.

Слово, письмо, дѣйствіе, тѣлодвиженіе или знакъ—въ эти формы обиды предполагаютъ положительно вторженіе одного лица въ юридическую сферу другаго, но можетъ ли быть обида совершена бездѣйствіемъ, ущемленіемъ? Можно ли допу-

стить искъ объ обидѣ за отказъ кому-нибудь въ титулъ, за не отдачу кому-нибудь поклона, неподачу руки, неснятіе передъ кѣмъ-либо шляпы? Этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно. Не даромъ прожила Россія послѣдніе полтора столѣтія. Въ общественныхъ обычаяхъ глубоко укоренились, въ продолженіи этого петровскаго періода, западно-европейскія понятія о чествованіи лицъ по ихъ достоинству, а не по мѣсту и чину, о чести общечеловѣческой, довольствующейся тѣмъ, чтобы ее не обижали положительно, но не претендующей на то, чтобы ей кланялись по неволѣ. Складъ нашихъ нравовъ таковъ, что въ отношеніяхъ между частными лицами искъ объ обидѣ упущеніемъ просто невозможенъ, что виновнаго въ непочтительномъ упущеніи можно считать невѣжею, грубіяномъ, человѣкомъ незнающимъ свѣтскихъ приличій, но тотъ, кто бы началъ противу него искъ формальный, выставилъ бы себя на смѣхъ всеобщій, сдѣлался бы позорищемъ, да и суды бы вѣроятно ему отказали въ удовлетвореніи, потому что ни въ одной изъ статей уложенія не упоминается объ обидѣ упущеніемъ. Уложеніе исчисляетъ подробно главные виды дѣйствій оскорбительныхъ (2056—2094), но все эти дѣйствія положительныя, а не отрицательныя, и нѣтъ ни одного, подъ которое бы можно, даже съ натяжкой, подвести упущеніе. На практикѣ бываютъ правда случаи, что солдата штрафуютъ за несдѣланіе фронта офицеру, офицера за неотдачу чести генералу, да и въ гражданской іерархіи соблюдаются правила о чинопочитаніи, напоминающія лучшія времена московской старины; но во всехъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ совсѣмъ не объ обидѣ, а о нарушеніи военной дисциплины, долга подчиненности, порядка службы, однимъ словомъ о преступленіи противу государства и его устройства, а не противу чьей-либо чести.

Третье условіе обиды—*преступный умыселъ*, намѣреніе обидѣть (*animus injuriendi*). Обида по существу своему не можетъ быть неумышленная, нельзя по неосторожности никого оскорбить. Это намѣреніе оскорбить, этотъ умыселъ, клонящій-

ся къ отрицанію чьей-либо чести, столь существенны въ составѣ преступленія, что они не предполагаются, но должны быть непременно доказаны. Впрочемъ для вмѣненія юридическаго пѣтъ надобности вникать въ сокровенныя побудительныя причины, руководившія преступникомъ; достаточно простаго знанія преступникомъ о существѣ и свойствахъ его дѣянія, чтобы признать это дѣяніе свободнымъ произведеніемъ его воли и вмѣнить его въ вину. Посему судья долженъ признать обиду умышленною, коль скоро обнаружено, что преступникъ дѣйствовалъ съ самосознаніемъ и коль скоро дѣйствіе уже по объективному своему характеру оскорбительно и неприлично. Для судьи все равно, хотѣлъ ли обидчикъ высказать обижаемому презрѣніе или только причинить ему физическую боль, или повредить ему матеріально, или доставить себѣ извѣстное сладострастное наслажденіе; допскаваться въ обидѣ субъективной цѣли, побудившей преступника къ дѣйствію, не слѣдуетъ потому, что обидчикъ сталъ бы всегда почти отговариваться тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ не съ оскорбительною для чести обижаемаго цѣлью (*protestatio injuriarum*), что онъ въ шутку назвалъ кого-нибудь осломъ, обезьяною, подлецомъ, или потрепалъ его по щекамъ, судья же не можетъ допустить подобныхъ отговорокъ, которыя бы повели къ совершенной почти безнаказанности большей части обидъ.

По степени умысла уложеніе подраздѣляетъ обиды во всѣхъ ихъ видахъ на совершенныя съ обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ и на совершенныя безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія (*ex praemeditatione* и *ex impetu*). Наказаніе соразмѣряется съ этими постепенностями въ умыслѣ

Право на искъ въ непосредственныхъ обидахъ личныхъ. Обида личная стоитъ на границѣ правонарушеній частныхъ и преступленій уголовныхъ. Такъ какъ не государство общааетъ честь лицамъ, но каждое лицо должно свою честь сте-

речь и оберегать, и такъ какъ обида не непосредственно, а только косвенно нарушаетъ общественный порядокъ, то дѣла объ обидахъ возникаютъ не по правительственному розыску, но по частному начпнанію обиженного лица. Правосудіе тогда только берется преслѣдовать обиду, когда этого требуетъ самъ обиженный и на столько за нее взыскиваетъ, на сколько обиженный этого требуетъ, такъ что отъ воли обиженного зависитъ самое направленіе иска (прим. къ ст. 2094 улож. «Всѣ дѣла о нанесеніи личныхъ обидъ и оскорбленій начинаются не иначе, какъ по жалобамъ оскорбленныхъ.»). *Volenti non fit injuria*, говоритъ римское право (L. 1. 85 D. de injuriis); это правило, превратившееся въ аксіому, перешло во всѣ современные законодательства.

Изъ этого частнаго характера обидъ вытекаютъ слѣдующія необходимыя послѣдствія: 1., Обида должна быть односторонняя, а не обоюдная. Прим. къ ст. 2094: кто за обиду ему нанесенную нанесетъ самъ оскорбившему его такую же или не менѣе тяжкую обиду, тотъ теряетъ право приносить за сіе на него жалобу. Въ самомъ дѣлѣ общество непосредственно въ обидѣ не заинтересовано, къ суду обращаются двѣ стороны съ равноспльными другъ на друга притязаніями, которыя уничтожаются взаимно, суду остается обѣимъ отказать въ удовлетвореніи.

2., Обиженному законъ предоставляетъ, по внутреннему сознанію о своемъ достоинствѣ, и выборъ средствъ удовлетворенія, и выборъ путей, ведущихъ къ этому удовлетворенію. По 668 и 669 ст. I ч. X т. св. зак. гражд. обиженный можетъ избрать путь иска гражданскаго, когда требуетъ только такъ называемаго безчестія, т. е. денежнаго удовлетворенія за обиду, или путь иска уголовнаго, когда требуетъ уголовнаго наказанія виновнаго. Въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ сверхъ наказанія домогаться и безчестія или отказаться отъ безчестія. Кто началъ искъ гражданскій объ обидѣ, лишается права иска уголовнаго въ той же обидѣ, на томъ же основаніи, на какомъ въ

искъ гражданскомъ истцу, оцѣнившему на деньги свои притязанія, воспрещается потомъ повысить эти притязанія. Но истцу, начавшему искъ уголовный, законъ дозволяетъ во всякое время обратить этотъ искъ въ искъ гражданскій. Изъ этого правила о выборѣ истцомъ гражданского или уголовного иска существуетъ одно только исключеніе: дѣла объ обидахъ, причиненныхъ духовными лицами, должны идти порядкомъ уголовного иска и въ искъ гражданскій обращаемы быть не могутъ (ст. 43 II ч. XV т. св. зак. уг.).

3., Искъ погашается примиреніемъ обиженного съ обидчикомъ или отказомъ обиженного отъ права на искъ (ст. 41 II ч. XV т. св. зак. ул.). Возможность примиренія продолжается во все время производства дѣла и даже по вступленіи въ законную силу судебного приговора до самой минуты его исполненія (тамъ же). Прекращенный примиреніемъ искъ не можетъ быть возобновленъ. Что касается до отказа, то хотя законъ о немъ умалчиваетъ, но ему слѣдуетъ дать значеніе равносильное примиренію, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся—будетъ ли онъ судебный или внѣ судебный, словесный или письменный, положительный или подразумеваемый и явствующій только изъ образа дѣйствій истца. Отказъ обиженного отъ права на искъ значить, что обиженный чести своей не цѣнитъ, что онъ къ обидѣ равнодушенъ. Странно было бы вступаться за его честь, когда напимѣръ доказано, что до полученія обиды онъ добровольно согласился ей подвергнуться, или что за обиду онъ получилъ деньги, или что онъ отзывался публично, что данная ему пощечина ему нипочемъ, или что по полученіи обиды онъ бывалъ у обидчика въ гостяхъ и велъ съ нимъ хлѣбосольство. Изъ права обиженного мириться статья 43 II ч. XV т. св. зак. уг. дѣлаетъ одно только исключеніе—относительно оскорбленій, нанесенныхъ духовными, когда эти дѣйствія были соединены съ поступками, противными достоинству духовнаго сана. Въ такомъ случаѣ прощеніе не прекращаетъ дѣла и виновный подвергается взысканію по законамъ.

Вопросъ о томъ, кто имѣеть право вчинать искъ объ обидахъ, не представляетъ никакихъ затрудненій, когда обижено одно только лицо и когда это лицо состоитъ въ полномъ обладаніи всѣми правами, обеспечиваемыми за нимъ законами гражданскими. Но если обида была одновременная, то есть если она постигла за однимъ разомъ нѣсколько лицъ физическихъ или была направлена противу лица юридическаго, напримѣръ противу цѣлаго семейства, или если предметомъ ея было лицо не самостоятельное, ограниченное въ пользованіи правами гражданскими по малолѣтству или ненормальному состоянію своихъ физическихъ или психическихъ способностей, то можетъ возникнуть цѣлый рядъ вопросовъ, остающихся нерѣшенными въ законѣ положительномъ. Въ примѣчаніи къ ст. 2094 уложенія сказано, что всѣ дѣла объ обидахъ начинаются иначе, какъ по жалобамъ самихъ оскорбленныхъ или же супруговъ ихъ, родителей и опекуновъ. Итакъ всякій опекунъ можетъ производить искъ за опекуемаго, а отецъ семейства за жену, сыновей и дочерей. Но эти семейства имѣютъ ли право иска, независимое отъ права иска, принадлежащаго отцу семейства, въ обидѣ, которая не посредственно ихъ постигла, а посредственно только коснулась отца семейства, или нѣтъ? Можетъ ли жена искать безчестія за обиду, нанесенную ей мужу, или нанесенную собственно ей, но которую мужъ ея не считаетъ обидою и которой онъ поискивать не хочетъ? Въ законодательствахъ Германскихъ и Романскихъ, женщина не самостоятельна въ своихъ юридическихъ отношеніяхъ, она находится въ постоянной опекѣ, но въ нашемъ законодательствѣ положеніе ея иное. Отецъ семейства имѣетъ ли право на искъ объ обидахъ, наносимыхъ всѣмъ членамъ его семейства, несмотря на ихъ возрастъ и общественное положеніе, или нѣтъ? Можетъ ли онъ искать за сына своего совершеннолѣтняго, за дочь свою вышедшую замужъ или нѣтъ? или только за сыновей своихъ несовершеннолѣтнихъ, за дочерей, не вышедшихъ замужъ? Если допустить право отца неограниченное на производство исковъ, то выйдетъ слѣдующая несообразность, что отецъ

будеть тягаться въ судахъ за сына, который достигъ положимъ 30 лѣтъ, отдѣлился отъ отца, сдѣлался лицомъ вполне самостоятельнымъ и самъ обязанъ оберегать свою честь; или что отецъ будетъ тягаться за честь дочери, между тѣмъ какъ ни она, ни естественный ея защитникъ—мужъ не считаютъ обидою дѣйствія, составляющаго предметъ иска.

Законъ положительный не съ состояніи разрѣшить многообразнѣйшіе случаи жизни, въ немъ всегда останутся пробѣлы; пополнять эти пробѣлы должна судебная практика посредствомъ научнаго толкованія закона. Но на нашу судебную практику сдвали можно въ этомъ отношеніи полагаться, въ особенности потому, что судебныя рѣшенія большею частью остаются неизвѣстны, пропадаютъ безслѣдно и нисколько не способствуютъ къ обогащенію и развитію догмы уголовного права. Для доказательства, что вопросы о правѣ на искъ могутъ поставить наши суды въ весьма серьезныя затрудненія, приведу недавній случай, относящійся правда не къ обидамъ, а къ угрозамъ, но который можетъ легко повториться въ отношеніи къ обидамъ. Въ ст. 2117 уложенія сказано въ примѣчаніи: дѣла объ угрозахъ начинаются лишь по жалобамъ самаго угрожаемаго или угрожаемыхъ или же супруговъ ихъ, родителей и опекуновъ. Въ одной губерніи на основаніи этого закона жена дьячка подала въ уѣздный судъ жалобу на одного мужчину за угрозы, дѣлаемая мужу ея, который между прочимъ самъ не жаловался. Когда это дѣло дошло до уголовной палаты, то палата возбудила законодательный вопросъ: могутъ ли жены начинать искъ объ угрозахъ, дѣлаемыхъ ихъ мужьямъ? Общее присутствіе губернскаго правленія и палатъ нашло, что допущеніе женамъ вчинать искъ за мужей нарушило бы полное повиновеніе женъ мужьямъ, требуемое 107 и 108 ст. 1 ч. X т. св. зак. гр., и что потому подъ словомъ «супруги» въ 2117 ст. ул. слѣдуетъ разумѣть однихъ только мужей. Выводъ былъ вѣрный, но основаніе нецѣлое. Правительствующій Сенатъ утвердилъ этотъ выводъ, но далъ ему другое основаніе. Онъ рѣшилъ, что

въ ст. 2117 право иска предоставляется въ случаѣ несовершеннолѣтїа угрожаемыхъ родителямъ и опекунамъ, то есть лицамъ, обязаннымъ вступаться за несовершеннолѣтнихъ, въ брачномъ же союзѣ возложена на мужа обязанность защищать жену, но не наоборотъ, слѣдовательно заступничество женъ за мужей неумѣстно (*).

Статья 2091 говоритъ: кто обидитъ другаго ругательными словами на счетъ его . . . или членовъ его семейства, хотя бы даже умершихъ. Но защищая честь умершаго, ст. 2091 не говоритъ, на какихъ членовъ семейства простирается право иска объ обидахъ, нанесенныхъ умершему. Семейство, какъ учрежденіе юридическое, заключаетъ въ себѣ родителей, дѣтей и ихъ нисходящихъ. Отсюда слѣдовало бы заключить, что право иска принадлежитъ родителямъ за честь дѣтей и ихъ нисходящихъ, дѣтямъ за честь умершихъ родителей и вообще восходящихъ, братьямъ за сестеръ и сестрамъ за братьевъ. Законъ не рѣшаетъ, можетъ ли быть допущенъ искъ объ обидѣ, нанесенной умершему еще при жизни его, когда онъ самъ этого иска не началъ. Если онъ при жизни началъ искъ, то этотъ искъ переходитъ вмѣстѣ съ правами его имущественными къ ближайшимъ наследникамъ умершаго, при чемъ едвали не слѣдуетъ предположить, что этотъ искъ измѣняется въ своемъ характерѣ, то есть, что изъ уголовного онъ дѣлается чисто гражданскимъ, такъ что наследники могутъ только домогаться безчестїа денежнаго, а не наказанїа уголовного, въ особенности если они съ умершимъ не состояли въ одномъ и томъ же семействѣ. Но если умершій при жизни своей иска не началъ, то казалось бы, что смерть его совершенно погашаетъ право на искъ объ обидѣ. По началамъ римскаго права, принятымъ всѣми современными законодательствами, въ семъ послѣднемъ случаѣ наследники не допускаются къ иску, по тому юридическому предположенію, что

(*) Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1858 годъ № 2.

если умершій самъ иска не началъ, то онъ начинать его не хотѣлъ, то есть, что онъ въ душѣ своей простилъ преступнику обиду.

Что касается до обидъ, наносимыхъ цѣлому сословію, то неизвѣстно, принадлежитъ ли по нимъ право иска всякому изъ членовъ сословія, или только лицамъ снабженнымъ сословною властью и считающимся представителями сословія, или же за оскорбленное сословіе должно вступаться само правительство.

Наказуемость непосредственныхъ обидъ.

Въ наказаніяхъ за обиду отражается двойственный характеръ самаго преступленія, которое составляетъ форму переходную отъ права частнаго къ праву уголовному. Это наказанія сложныя; частную ихъ сторону составляетъ денежное вознагражденіе, извѣстное подъ именемъ безчестія; общественно-уголовную—сопрягаемое съ безчестіемъ испрашиваніе прощенія у обиженнаго. Иногда, смотря по усиливающимъ вину преступника обстоятельствамъ, къ этимъ мѣрамъ присовокупляется лишеніе свободы въ различныхъ видахъ: полицейскаго ареста, тюремнаго заключенія, смирительнаго дома и даже ссылки на житье въ отдаленныя губерніи, или арестантскихъ ротъ.

А. Безчестіе. По древнему правилу, ведущему свое начало отъ судейника Ивана IV, количество безчестія опредѣлялось состояніемъ и чинномъ обиженнаго. Для служилыхъ людей оно равнялось годовому окладу ихъ жалованья, для тяглыхъ годовому окладу податей; за обиду сына безчестіе было половинное, за обиду жены двойное, а за обиду дочери—четверное. Эти положенія подверглись коренному преобразованію въ законѣ 21-го марта 1851 г. (ст. 667 1 ч. X т. св. зак. гр.), которымъ количество безчестія заключено въ слѣдующіе предѣлы: отъ 1 рубля до 50, смотря по состоянію или званію обиженнаго и по особымъ отношеніямъ обидчика къ обиженному. Законъ 1851 г. знаменуетъ несомнѣнный успѣхъ въ законодательствѣ объ оби-

дахъ. Высота безчестія развивала въ нѣкоторыхъ слояхъ народонаселенія, въ особенности въ низшихъ сферахъ чиновнаго, приказнаго быта страсть къ ябедническому вчинанію исковъ, служила приманкою къ сутяжничеству и порождала безчисленное множество дѣлъ. Не разъ канцеляристъ навязывался самъ на обиду, не разъ онъ подстрекалъ къ умышленному заискиванію оскорбленій отъ постороннихъ жену свою или дочь, чтобы воспользоваться деньгами вызываемыхъ лицъ. Законъ 1851 г. полагаетъ конецъ этому злу. Онъ основанъ на болѣе достойномъ понятіи о чести, на томъ, что эта честь не должна составлять предметъ промышленныхъ расчетовъ. Суды въ своихъ приговорахъ тогда только присуждаютъ истцу безчестіе, когда онъ самъ этого именно требуетъ.

Безчестіе не полагается въ слѣдующихъ случаяхъ:

1., За обиду, нанесенную отцу или матери, или инымъ родственникамъ въ прямой восходящей линіи (ст. 2089 и 2093). Взысканіе безчестія противилось бы здѣсь понятію семейнаго союза, не допускающему между кровными подобныхъ расчетовъ.

2., За обиды при ссорахъ и дракахъ въ питейныхъ домахъ, трактирахъ, корчмахъ, на ярмаркахъ и рынкахъ (2090 и 2094 ст. ул.).

3., По 515 ст. устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (ч. II т. XII св. зак.), въ случаѣ оскорбленія, нанесеннаго государственному крестьянину другимъ государственнымъ крестьяниномъ, обидчику предоставляется на выборъ или испросить у обиженнаго прощеніе, или заплатить ему безчестіе.

Кромѣ безчестія по 670 ст. I ч. X т. св. зак. гр. обидчикъ обязанъ вознаградить обиженнаго за вредъ, причиненный ему обидою въ имуществѣ или въ кредитѣ, по усмотрѣнію суда.

В. Испрошеніе прощенія у обиженнаго въ присутствіи суда. Въ простыхъ обидяхъ словесныхъ безъ обдуманнаго за-

ранѣе намѣренія, этимъ испрошеніемъ прощенія и ограничивается вся мѣра уголовного взысканія (ст. 2091); формула испрашиванія прощенія полагается самимъ судомъ въ его приговорѣ. Если обидчикъ отказался отъ произнесенія требуемыхъ судомъ извинительныхъ словъ, то по 2086 ст. улож. ему дѣлается судомъ за упорство строгій выговоръ, и онъ оставляется въ тюремномъ заключеніи или подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не изъявитъ готовности исполнить этотъ обрядъ. Законъ не требуетъ испрашиванія прощенія: 1) въ обидахъ, нанесенныхъ родителямъ или родственникамъ въ линіи восходящей; 2) въ обидахъ, случившихся при ссорѣ или дракѣ въ трактирѣ, корчмѣ, на ярмаркѣ или рынкѣ. Обратимъ вниманіе на безнравственность этого вида наказанія. Испрашиваніе прощенія есть плодъ и признакъ раскаянія въ винѣ, но законъ не властенъ требовать этого раскаянія отъ обидчика, принуждая его къ перемѣнѣ своихъ убѣжденій относительно обиженного угрозой безконечнаго тюремнаго заключенія. Если обидчикъ не жалѣетъ о своемъ поступкѣ, если онъ противника своего по прежнему презираетъ, то произнесеніе имъ извинительныхъ словъ по формѣ, предписанной судомъ, будетъ ложь, а всякая ложь унижительно и для лица, которое должно ее произнести, и для законодательства, которое къ произнесенію ея принуждаетъ.

С. Лишеніе свободы за обиды состоитъ въ кратковременномъ арестѣ: заключеніи въ тюрьмѣ, или даже и въ смирительномъ домѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ (по 54 ст. ул.) личныхъ правъ и преимуществъ. Въ одномъ только случаѣ за обиду полагается наказаніе болѣе строгое, а именно въ случаѣ обиды, нанесенной родителю или родственнику въ прямой восходящей линіи, потому что здѣсь обида сопряжена съ нарушеніемъ святѣйшихъ обязанностей, вытекающихъ изъ существа семейственнаго союза. За подобную обиду полагается 2089 ст. улож. лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ преступнику правъ и преимуществъ, съ ссылкой на житье въ губерніи Томскую или Тобольскую или отдача въ

арестантскія роты на время до двухъ лѣтъ съ прибавкою розогъ до 60 ударовъ. Для людей, неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ, лишеніе свободы не полагается за простую непредумышленную обиду словесную (2091). Въ случаѣ обидъ при дракѣ или ссорѣ въ питейныхъ домахъ и тому подобныхъ мѣстахъ, по маловажности такихъ оскорбленій, законъ предоставляетъ судѣ на выборъ кратковременный арестъ до 3 дней или штрафъ до 10 руб. сер. за обиду дѣйствіемъ, а за обиду только словесную полагаетъ одну лишь пеню отъ 50 коп. до 1 рубля (2090—2094).

Причины, имѣющія вліяніе на опредѣленіе мѣры наказанія за обиды, весьма многообразны. Вообще уложеніе 1845 г. соразмѣряетъ наказаніе:

1., Съ обдуманностью дѣйствія. Обида съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ наказывается одною степенью строже непредумышленной (2087, 2092).

2., Съ формою дѣйствія. Обида дѣйствіемъ наказывается значительно строже обиды словесной.

3., Съ мѣстомъ совершенія обиды. Мѣсто можетъ служить обстоятельствомъ или ослабляющимъ вину и наказуемость (трактиръ, корчма, питейный домъ, ярмарка, рынокъ) или усиливающимъ ихъ (когда обида нанесена во дворцѣ, въ церкви, въ многолюдномъ собраніи, въ публичномъ или въ присутственномъ мѣстѣ).

4., Съ личными свойствами обиженного. Наказаніе возвышается, когда обиженный имѣлъ право на особенное уваженіе со стороны обидчика по состоянію своему, званію или лѣтамъ, или когда обида дѣйствіемъ женщины совершена съ нарушеніемъ правилъ благопристойности и съ оскорбленіемъ въ общественной нравственнаго чувства стыдливости.

СТАТЬЯ II.

ОБИДА ЗАОЧНАЯ

Обида заочная. состоитъ въ нарушеніи чести лица посредствомъ разрушенія въ сознаниі третьихъ лицъ выгоднаго для оскорбляемаго мнѣнія о его достоинствѣ нравственномъ. Обида заочная въ основаніи своемъ сходится съ непосредственною, какъ неуваженіе къ чужой личности, и различается отъ непосредственной только особенною своею формою; посему, не входя въ подробный разборъ состава обиды заочной, укажемъ только на характеристическія ея отличія отъ непосредственной, какъ въ необходимыхъ ея условіяхъ, такъ и въ наказуемости. Уложеніе различаетъ слѣдующіе виды обиды заочной: 1) клевету, 2) распространеніе ругательныхъ и другихъ оскорбительныхъ сочиненій и изображеній, 3) нарушеніе чужихъ тайнъ.

А., клевета. (*Calomnie, Verleumdung*) есть распространеніе ложныхъ, вымышленныхъ противу кого-нибудь обвиненій въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести (ст. 2095). Разберемъ это опредѣленіе на составные его элементы.

Клевета есть 1) *ложное обвиненіе*; слѣдовательно подъ эту статью не подходятъ сужденія о настоящемъ дѣяніи извѣстнаго лица, какъ бы злостны, злонамѣренны и превратны они ни были, потому что эти сужденія нельзя назвать ложнымъ обвиненіемъ; обвиненіе тогда только ложно, когда самое дѣяніе выдуманно; 2) законъ говоритъ: *ложное обвиненіе въ дѣяніи*, слѣдовательно не будетъ составлять клеветы приписываніе лицу неизвѣстнаго дѣйствія, а извѣстныхъ свойствъ или качествъ, хотя бы даже вымышленныхъ, но независящихъ отъ его воли и слѣдовательно подлежащихъ суду закона нравственнаго. Излишнее распространеніе понятія клеветы затемняетъ ея характеръ и опрокидываетъ естественную границу между

клеветою и непосредственною личною обидою. Итакъ, напримеръ, ложное обвиненіе лица въ томъ, что оно трусливаго характера, или что оно неспособно къ супружескому сожитію, не есть клевета, но можетъ составлять обиду. 3) это дѣяніе должно быть *противно правиламъ чести*, не болѣе. Если кто ложно обвиняется въ дѣяніи не только противномъ правиламъ чести, но положительно преступномъ, то клевета превращается въ иное, болѣе тяжкое преступленіе, въ ябеду, въ ложный доносъ, въ дѣйствіе преступное, направленное не только противу чьей-либо чести, но и противу спокойствія общественнаго, въ преступленіе, которому уложеніе даетъ особое мѣсто въ главѣ III раздѣла VIII въ статьѣ 1206-ой и послѣдующихъ. 4) наконецъ клевета предполагаетъ *распространеніе* ложныхъ обвиненій въ публикѣ, то есть сообщеніе ихъ третьимъ лицамъ. Слѣдовательно, произнесеніе ложнаго обвиненія въ глаза лицу, котораго оно касается, будетъ составлять не клевету, а обиду; клевета собственно только потому и страшна, что вкрадывается тайкомъ, коварно, въ общественное мнѣніе и поражаетъ чловѣка своимъ ядовитымъ жаломъ, такъ сказать, въ пяту, а не въ лицо, такъ что оклеветанный часто и защищаться не можетъ, не зная откуда идетъ нападеніе. Клевета предполагаетъ всегда умысленность дѣянія, то есть преступникъ долженъ знать о томъ, что взводимое имъ обвиненіе ложно, легкомысленное же повтореніе слышанной клеветы не можетъ подвергать виновнаго уголовной отвѣтственности.

По формѣ своей клевета можетъ быть словесная или письменная. Въ этомъ послѣднемъ видѣ она можетъ быть совершенна или посредствомъ подачи присутственному мѣсту или должностному лицу дѣловой бумаги, или посредствомъ письма частнаго, пущеннаго въ ходъ, или посредствомъ печати (ст. 2095. 2096).

Такъ какъ вся сила клеветы заключается въ живости обвиненія и обвиненіе перестаетъ быть клеветою, коль скоро обнаружено, что оно правдиво, то искъ о клеветѣ прекращается

доказательствомъ истины со стороны лица, обвиняемаго въ распространеніи клеветы (*exceptio veritatis*). Законъ не можетъ отказать въ этомъ средствѣ обвиненному въ клеветѣ, потому что передъ свѣтомъ истины должны замолкнуть всѣ частныя незаслуженныя притязанія на доброе имя и честь, въ мнѣніи общественномъ. Общественное мнѣніе—это мнѣніе всѣхъ порядочныхъ людей въ обществѣ, *res nullius*, предметъ безличный, на который каждый неопороченный членъ общества имѣетъ равное притязаніе. Оно тогда только будетъ прочною опорой общественного порядка и органомъ истины, когда свободно. Законъ не долженъ стѣснять его, не долженъ воспрещать называть вещи по имени, подлца подлецомъ, ханжу ханжою, не долженъ превращать ложь въ положительную обязанность и заставлять людей, чтобы они другъ друга только хвалили, но отнюдь не порицали. По манифесту о поединкахъ 1787 г. (ст. 324 т. XV св. з. уг. изд. 1842 г.) сочинитель ругательнаго письма или пасквиля подлежалъ наказанію, хотя бы и доказалъ, что обвиненіе, въ пасквилѣ содержащееся, истинно, потому что для объявленія преступленія онъ употребилъ средство закономъ запрещенное. Это постановленіе ставило въ безвыходное положеніе человѣка, не желающаго сдѣлать формальный доносъ, но хотящаго открыто выразить свое мнѣніе, потому что есть дѣйствія собственно не преступныя и неупоминаемыя въ кодексѣ уголовномъ, которыя однако до того скверны и гадки, что стоятъ того, чтобы ихъ виновникъ заклеименъ былъ позоромъ. Уложеніе 1845 г. отмѣнило этотъ законъ, пропустивъ его въ своемъ текстѣ. Оно умалчиваетъ о доказательствѣ истины—*de exceptioe veritatis*, а такъ какъ все то дозволено, о чемъ умалчиваетъ законъ уголовный, то посему судьи должны допускать доказательство истины обвиненія лицомъ, обвиняемымъ въ клеветѣ. Однако хотя законъ допускаетъ выражать порицаніе относительно чужихъ дѣйствій и доказывать справедливость этого порицанія, но все таки безнаказанность этого поступка будетъ зависѣть отъ формы, въ которой оно высказано. Эта

форма должна быть прилична. Въ противномъ случаѣ обвиняемый въ клеветѣ, хотя бы и доказалъ, что онъ не клеветникъ, долженъ быть наказанъ какъ обидчикъ.

Наказанія за клевету почти одинаковы съ наказаніями за обиды. Они состоятъ въ уплатѣ оклеветанному безчестія, испрошенію у него прощенія и полицейскомъ арестѣ или заключеніи въ тюрьмѣ (ст. 2095, 2096). Наказанія возвышаются одною степеню, когда клевета направлена противу опекуновъ, учителей или начальниковъ клеветника или лицъ, у которыхъ онъ находился въ услуженіи, и тремя степенями, когда клевета направлена противу родителей, или иныхъ родственниковъ въ прямой восходящей линіи (2102). Клевета словомъ наказывается легче, нежели клевета письмомъ. Въ случаѣ если клевета совершена подачею официальной бумаги присутственному мѣсту или чиновнику, или посредствомъ получившаго гласность сочиненія или письма, судебный приговоръ объ изобличенномъ въ клеветѣ можетъ быть, по желанію оклеветаннаго, опубликованъ на счетъ виновнаго въ столичныхъ или мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (2095).

В. Распространеніе ругательныхъ и другихъ оскорбительныхъ сочиненій и изображеній. Брань и ругательства, произнесенныя изустно за глаза, не наказуемы. Св. зак. уг. содержалъ положительное на этотъ счетъ опредѣленіе въ ст. 406 (изд. 1842 г.): «заочная же брань ни во что не вмѣняется и обращается въ поношеніе тому, кто ее произнесъ». Это правило, вошедшее въ прим. къ 515 ст. XII св. зак. въ уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, хотя не повторено въ уложеніи, но подразумѣвается, потому что исчисляя всѣ виды обидъ заочныхъ, уложеніе не упомянуло о ругательствахъ изустныхъ заочныхъ (*). Оно воспрещаетъ только оскорбленія

(*) Это правило вполне основательно потому, что прекращаетъ множество ябедническихъ исковъ объ обидахъ, основанныхъ на сплетняхъ, не лишая чести обижаемаго защиты; онъ можетъ потребовать отъ обидчика повторенія

заочныя письменныя и образныя, то есть посредствомъ сочиненій или изображеній рукописныхъ, литературныхъ, печатныхъ, высѣченныхъ или вылитыхъ изъ какого-нибудь вещества. Особенный видъ заочной письменной обиды составляетъ пасквиль, то есть распространяемое въ публикѣ сочиненіе безымянное или псевдонимное, содержащее оскорбительныя для чести лица выраженія (*). Совершеніе обиды заочной или образной совпадаетъ не съ составленіемъ сочиненія или карикатуры, но съ сообщеніемъ имъ гласности посредствомъ пущенія ихъ въ ходъ. Составленіе пасквиля или карикатуры есть не болѣе какъ приготовленіе къ преступленію. По 2098 ст. ул. виновные въ распространеніи оскорбительныхъ сочиненій и изображеній, сверхъ наказанія за обиду, должны подъ надзоромъ полиціи принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для отобранія или уничтоженія составленныхъ или распространенныхъ ими оскорбительныхъ сочиненій или изображеній.

С., Нарушеніе чужихъ тайнъ. По ст. 2097-ой наказанію за клевету подвергается и тотъ, кто хотя и не дозволяя себѣ настоящей клеветы, но съ намѣреніемъ оскорбить честь какого либо лица или повредить ему, распространить такое свѣдѣніе, которое было сообщено по званію его или особой къ нему довѣренности, съ обѣщаніемъ сохранить его въ тайнѣ. Наказанія возвышаются одною степенью, если виновный узналъ открываемую имъ тайну чрезъ вскрытіе чужаго письма, пакета, шкафа, ящика или инымъ противузаконнымъ образомъ.

заочно произнесенныхъ оскорбительныхъ словъ, и если обидчикъ ихъ повторитъ, то обижаемый будетъ имѣть полное право начать искъ о непосредственной обидѣ личной.

(*) Пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовитъ, напишетъ или напечатаетъ и въ томъ кого въ какомъ дѣлѣ обвинитъ и оной ясно прибѣтъ или прибить велитъ, а имени своего и прозвища въ ономъ не изобразитъ. Морск. Уставъ 13 января 1720 г. кн. V, гл. XIV ст. 103. Слово пасквиль происходитъ отъ имени сапожника римскаго Pasquino, который пріобрѣлъ въ XVI ст. извѣстность своими язвительными островами на счетъ духовенства; отсюда Pasqunade и Pasquill.

Ни одно изъ запрещаемыхъ въ этой статьѣ дѣяній не можетъ собственно считаться преступленіемъ противу чести. Разглашеніе секретовъ, сообщаемыхъ по личной довѣренности, принадлежитъ къ разряду тѣхъ мелкихъ обыденныхъ грѣховъ общежительныхъ, которые слишкомъ обыкновенны, чтобы за нихъ взыскивать судебнымъ порядкомъ. Есть однако лица, для которыхъ по особому роду ихъ занятій храненіе частныхъ, вѣряемыхъ имъ тайнъ составляетъ одну изъ святѣйшихъ обязанностей ихъ званія, такъ что за нарушеніе ея они должны подлежать уголовной отвѣтственности. Священникъ, медикъ, адвокатъ служатъ службу общественную. Ихъ званіе даетъ имъ возможность проникать въ такія семейныя и домашнія тайны, которыхъ бы они никогда не узнали, еслибы ихъ званіе не внушало къ нимъ обществу, которому они посвящаютъ свои услуги, полного довѣрія. Разглашеніе ими этихъ тайнъ не можетъ быть преслѣдуемо правосудіемъ какъ преступленіе противу чести лица, которому оно повредило въ общественномъ мнѣніи, раскрывъ его въ его нравственномъ безобразіи, потому что разглашаемый фактъ самъ по себѣ истиненъ, слѣдовательно притязанія демаскируемаго лица на доброе имя и почтеніе не заслуживаютъ уваженія и правосудіе вступаться за нихъ не можетъ. Но разгласившій тайну наказуемъ въ другомъ смыслѣ, а именно за нарушеніе особыхъ обязанностей своего званія въ отношеніи къ обществу, котораго члены прибѣгали къ нему за содѣйствіемъ, совѣтомъ и заступничествомъ, за противузаконную частную измѣну и предательство.

Чтоже касается до разглашенія тайны, открытой посредствомъ распечатанія чужаго письма, вскрытія чужаго шкафа, ящика и. т. п., то это преступленіе слѣдовало бы причислить къ разряду преступленій противу собственности и поставить на ряду съ опредѣляемымъ въ 2242 ст. похищеніемъ чужихъ бумагъ для узнанія чужихъ семейныхъ тайнъ, составляющее особый видъ воровства-кражи. Главный характеръ этого престу-

пленія заключается не въ посягательствѣ на чужую честь разглашеніемъ тайны, но въ противузаконности средствъ, употребленныхъ для открытія тайны. Эти средства столь преступны, что сами по себѣ достаточны для наказанія виновнаго, хотя бы разглашеніе тайны и не послѣдовало.

Кромѣ клеветы, распространенія ругательныхъ и оскорбительныхъ сочиненій и изображеній и нарушенія чужихъ тайнъ, уложеніе различаетъ еще одинъ видъ обидъ заочныхъ, а именно поддѣлку письма или иной бумаги отъ имени другаго лица, или подписаніе ихъ именемъ того лица (ст. 2099, 2100, 2101). Если подобная поддѣлка совершена съ корыстною цѣлью, если поддѣланъ какой-нибудь актъ юридическій, въ такомъ случаѣ поддѣлка или подписаніе бумаги чужимъ именемъ становится подлогомъ или воровствомъ-мошенничествомъ. Если же поддѣлка составлена съ цѣлью оскорбить кого-нибудь или очернить его въ общественномъ мнѣніи, въ такомъ случаѣ она ничто иное, какъ обида или клевета. Но уложеніе наказываетъ поддѣлку и подписаніе чужимъ именемъ бумаги даже и тогда, когда она совершена безъ всякаго намѣренія оскорбить кого-нибудь и безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей, а для другихъ какихъ-либо видовъ, напримѣръ просто въ шутку. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, виновный подвергается по 2101 ст. уложенія строгому выговору въ присутствіи суда.

В. СПАСОВИЧЪ.

ВЛАДѢНІЕ

КАКЪ

УСЛОВІЕ ПЕРЕХОДА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

Владѣніе—фактическое отношеніе лица къ вещи, какъ простое и непосредственное выраженіе положеннаго въ основаніе земной жизни человѣческихъ обществъ начала подчиненія вещей, для удовлетворенія нашихъ потребностей, предшествуетъ всѣмъ опредѣленіямъ обычнаго и положительнаго права. Такъ, исторія не даетъ намъ представленія того общества, въ которомъ бы не было владѣнія вещами. Въ дальнѣйшемъ развитіи юридическаго быта обществъ, человѣчество переноситъ въ этотъ міръ фактовъ свой внутренній міръ, начала свободы и разума, при дѣйствіи которыхъ только и можетъ сохраняться и совершенствоваться общественный союзъ. Соединяя, подраздѣляя и умозаключая, животворящая мысль устанавливаетъ въ сферѣ физическаго обладанія различныя категоріи, получающія свое значеніе отъ соотвѣствующихъ имъ отношеній лицъ по поводу вещей. Однѣмъ изъ этихъ категорій народное возрѣніе усволяетъ характеръ правомѣрности, на другія смотритъ какъ на болѣе

или менѣ случайныя, болѣе или менѣ терпимыя, или совѣтъ нетерпимыя уклоненія отъ идеи права. Народный обычай и законъ являются какъ хранителями и указателями тѣхъ условій, по которымъ факты юридической дѣйствительности получаютъ свое мѣсто въ той или другой категоріи права, такъ и опредѣлителями послѣдствій, которыми должны сопровождаться эти факты. Подобно тому, какъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, развитіе есть результатъ индивидуальныхъ усилій, совершаемыхъ при помощи общественныхъ учреждений, недоступныхъ средствамъ отдѣльныхъ лицъ, открытій мысли и изобрѣтеній, составляющихъ общее достояніе человѣчества, такъ и въ творествѣ юридическаго быта взаимно-дѣйствуютъ личная свобода и воля всеобщая, выражаемая въ обычаяхъ и законахъ. Имущественныя отношенія, которыя постоянно творитъ наша свободная воля, независимо отъ всѣхъ легальныхъ установленій, могутъ соответствовать или несоответствовать такой или иной категоріи отношеній, признанныхъ закономъ. Въ первомъ случаѣ имъ принадлежитъ значеніе права. На нихъ законъ дѣйствуетъ своею опредѣлительною и охранительною сторонами; и въ случаѣ нарушенія, они возстановляются и защищаются общественною властію противъ тѣхъ дѣйствій чуждой воли, которыя законъ не признаетъ правомѣрными. Такимъ образомъ социальное развитіе приводитъ насъ отъ физическаго владѣнія, этой исходной точки всякаго творчества юридическаго быта, къ понятію права собственности (*dominium rerum ex naturali possessione coevisse*), котораго содержаніе заключается не въ случайномъ видоизмѣненіи способовъ самаго владѣнія, въ такомъ или иномъ направленіи воли владѣльца, а въ признаніи воли всеобщей, выражаемой въ опредѣленіяхъ положительнаго закона. Нарушеніе его считается нарушеніемъ самаго закона, за исполненіемъ котораго блюдетъ общественная власть. Владѣніе, какъ фактическое отношеніе лица къ вещи, подчиняется понятію права и защищается только въ томъ случаѣ, когда на сторонѣ его есть предположеніе послѣдняго. Изъ самостоятельнаго на-

чала обладанія вещами, оно дѣлается одною изъ составныхъ частей права собственности (*dominium legitimum*); а полное содержаніе послѣдняго представляетъ такое господство лица надъ вещью, въ силу котораго можно какъ владѣть, такъ и пользоваться и распорядиться ею.

При двойственности элементовъ, участвующихъ въ созданіи каждаго права: личной свободы человѣка и опредѣленной закона, или воли всеобщей, владѣніе и право собственности или имѣютъ своего представителя въ одномъ лицѣ,—и тогда право собственности является вполне осуществленнымъ и безспорнымъ, или они бываютъ разъединены, такъ что владѣніе принадлежитъ одному лицу, а право по закону другому. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ во владѣніи или предполагается какое-нибудь право, иногда спорное, а иногда и безспорное, но всегда требующее доказательства (юридическое владѣніе),—и тогда оно не только охраняется общественною властію отъ нарушеній, но даже, по истеченіи установленнаго по закону времени, обращается въ право собственности; или же оно, какъ неподходящее ни подъ одно изъ опредѣлений института о правѣ собственности (*detentio, naturalis possessio*), не сопровождается никакими юридическими послѣдствіями. Такое раздѣленіе факта и права представляется ненормальнымъ въ юридическомъ быту обществъ. И вотъ задача юрисдикціи—примирять разрозненные начала, и создавать изъ нихъ одно право собственности, въ которомъ бы соединялось полномочіе закона съ дѣйствительнымъ владѣніемъ лица собственника.

Не имѣя намѣренія входить въ полное изложеніе опредѣлений законовъ, касающихся владѣнія и права собственности въ различныхъ ихъ проявленіяхъ, мы ограничимся тѣмъ моментомъ, когда право собственности переходитъ отъ одного лица къ другому, и постараемся разсмотрѣть: 1) какое юридическое значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ владѣніе передавателя, представляющее передачу, а равно 2) на сколько необходимо для

приобрѣтенія права собственности начинающееся владѣніе въ лицѣ приобретателя.

Оставаясь при нашемъ предположеніи, что владѣніе и право на вещи имѣютъ своихъ представителей въ двухъ различныхъ лицахъ, мы встрѣчаемся съ двумя вопросами: а) можетъ ли владѣлецъ вещи, право собственности на которую принадлежитъ другому, передать права, принадлежащія ему по владѣнію, третьему лицу и б) можетъ ли лицо, которому должна принадлежать по закону (*ex justa causa*) вещь, находящаяся во владѣніи другаго, передать право собственности по ней третьему лицу.

Что касается перваго изъ поставленныхъ нами вопросовъ, то вѣтъ повода думать, чтобы владѣлецъ—несобственникъ могъ передать другому право собственности на вещь, право, котораго онъ и самъ не имѣетъ. Но если онъ представитель юридическаго и давностнаго владѣнія, то, при перемѣнѣ лицъ владѣльцевъ, къ преемнику переходятъ права его предшественника по владѣнію. Въ этомъ случаѣ новому владѣльцу, для того чтобы обратить свое владѣніе въ право собственности, нужно провладѣть вещью только то время, котораго недоставало его предшественнику до срока давности (*successio in usucapionem, accessio possessionis*). Нельзя при этомъ не замѣтить, что наше законодательство въ настоящемъ случаѣ представляется очень снисходительнымъ къ незаконному владѣльцу. Такъ, по Римскому праву для давности владѣнія требовались условія—добросовѣстность и законное основаніе владѣнія: купля и продажа, дареніе и проч. (*bona fides et justus titulus*). И потому всякій переходъ владѣнія безъ *justus titulus* не могъ вести обладателя вещи къ приобретению права собственности по давности владѣнія. Полученіе же имущества по покупке, по дару, хотя бы при совершеніи этихъ сдѣлокъ имъ недоставало какихъ-либо установленныхъ закономъ условій, дѣлало приобретателя владѣнія давностнымъ владѣльцемъ. Равнымъ образомъ и преемникъ правъ его, къ

которому переходило владѣніе по наслѣдству или другому юридическому отношенію, считался давностнымъ владѣльцемъ въ томъ смыслѣ, что къ времени его владѣнія присчитывалось владѣніе предшественника (*). Но приобрѣтеніе вещи безъ означенныхъ условій разсматривалось какъ совершенно новое владѣніе, и только продолжаясь 30 или 40 лѣтъ, на основаніи позднѣйшихъ установленій Юстиніана, оно могло обратиться въ право собственности. По нашимъ же законамъ отъ давностнаго владѣнія требуется только, чтобы оно было на правѣ собственности, или въ видѣ собственности. Потому, всякое владѣніе, которое удовлетворяетъ этому условію, какого бы оно свойства ни было, т. е. будетъ ли оно самовольное, насильственное или подложное, считается давностнымъ владѣніемъ. Отсутствие *justus titulus* при переходѣ такого владѣнія къ другимъ лицамъ не препятствуетъ въ свою очередь присчитывать къ владѣнію послѣдняго приобрѣтателя время владѣнія его предшественниковъ, при предположеніи, что всѣ эти лица владѣли въ видѣ собственности.

Право собственности на вещь, отрѣшенное отъ владѣнія, представляютъ намъ: законный наслѣдникъ, непринявшій еще имущества наслѣдователя, или не воспользовавшійся имъ, по причинѣ перехода къ наслѣдникамъ по завѣщанію; наслѣдники по завѣщанію, доказывающіе свое право противъ принявшихъ наслѣдство ближайшихъ родственниковъ завѣщателя; супруги, отыскивающіе свои указныя части изъ владѣнія наслѣдниковъ умершихъ ихъ сожителей или сожительницъ; собственники имѣній, находящихся по актамъ предшественниковъ или ихъ собственнымъ въ пожизненномъ владѣніи другихъ лицъ; лица, отыскивающія имущества, которыя перешли въ постороннее владѣніе по укрѣпленіямъ, въ то

(*) Передачи собственно владѣнія, по свойству его чисто фактическому, не существуетъ: владѣль прежде одинъ, а послѣ владѣеть другой, и между фактами того и другаго владѣнія нѣтъ никакой связи. Но съ передачею юридического владѣнія переходятъ права, съ нимъ соединенныя. (Puchta's institutio-
nen, В. 2. D. r. Ve itz.

время, когда они по малолѣтству или по причинѣ другихъ физическихъ недостатковъ, не были способны свободно распоряжаться своими правами; равно всѣ лица, которыхъ имущества во время ихъ отсутствія и по другимъ причинамъ, перешли, безъ всякихъ актовъ укрѣпленія, въ постороннее самовольное, насильственное и даже подложное владѣніе. Къ этимъ указаннымъ категоріямъ можно прибавить много другихъ случаевъ, имѣющихъ ту общую черту, что владѣніе вещью не принадлежитъ тому лицу, которое на нее имѣетъ право собственности. Спрашивается: могутъ ли лица, которымъ принадлежитъ право собственности на вещь, не соединенное съ владѣніемъ, распоряжаться имъ въ пользу другихъ лицъ, или говоря иначе слѣдуетъ ли считать тѣхъ приобретателей, которымъ бы они уступили свои права по подобнымъ имуществамъ, собственниками послѣднихъ?

Напримѣръ: если допустимъ такой случай, что лицо, передавшее свое право по имуществу, находящемуся въ постороннемъ владѣніи, или его наследники въ послѣдствіи, когда ихъ право будетъ признано по судебному рѣшенію, или вотчинникъ имѣнія, находящагося въ пожизненномъ владѣніи другаго лица послѣ смерти пожизненнаго владѣльца, захотѣли бы сами вступить во владѣніе имѣніемъ и отстраняли бы отъ онаго приобретателя ихъ правъ, то слѣдуетъ ли вводить послѣдняго во владѣніе по имѣющемуся у него документу, или же ему остается тогда предъявить искъ къ собственникамъ имѣнія о вознагражденіи? Не представляетъ-ли въ этомъ послѣднемъ случаѣ документъ, находящійся въ рукахъ истца, съ одной стороны, обязательство лица, выдавшаго его, передать своему контрагенту имѣніе, когда его вотчинныя права будутъ утверждены приговоромъ судебной власти, и съ другой стороны право противной стороны обратиться, въ случаѣ неисполненія условія, къ нарушителю или его наследникамъ съ искомъ о вознагражденіи? И не слѣдуетъ-ли изъ этого, что имущество, не находящееся во владѣніи собственника, можетъ быть только предметомъ дого-

вора, которымъ устанавливается право на дѣйствія, а не уступка вотчинныхъ правъ?

Въ разрѣшеніи этого вопроса юридическая практика и наши немногіе авторитеты науки русскаго права представляютъ весьма мало единодушія. Сколько намъ извѣстно, большинство судебныхъ мѣстъ отказываютъ наслѣдникамъ по закону и по завѣщаніямъ, не принявшимъ еще наслѣдственнаго имущества въ совершеніи актовъ объ уступкѣ принадлежащихъ имъ правъ на наслѣдство. По дѣламъ тяжбымъ, основаннымъ на подобныхъ документахъ, они постановляютъ рѣшенія въ пользу наслѣдниковъ по закону, а случай такой коллизіи, что владѣлецъ спорнаго имущества и признанный въ послѣдствіи по судебному рѣшенію собственникъ его одновременно передали свои права двумъ различнымъ лицамъ, разрѣшаютъ присужденіемъ имѣнія тому лицу, которому оно досталось отъ фактическаго владѣльца. Документамъ объ уступкѣ истцомъ права на имущество, с которымъ производится тяжба, они даютъ значеніе адвокатскихъ условій, и только въ этомъ смыслѣ принимаютъ ихъ къ совершенію. Даже намъ извѣстенъ случай отказа наслѣднику имѣнія, находившагося въ пожизненномъ владѣніи его матери, въ совершеніи, при жизни послѣдней, акта объ отчужденіи этого имѣнія, при чемъ отчуждателю было объяснено, что подобный актъ, по смыслу 521 ст. I ч. X т. св. зак., въ такомъ только случаѣ могъ бы быть совершенъ, если бы проситель самъ былъ вотчинникомъ имѣнія, передавшимъ его въ пожизненное владѣніе

Но нѣтъ правила безъ исключенія, и въ настоящемъ случаѣ всякій, кто слѣдилъ за судебною практикою, не затруднится приискать примѣры актовъ, которыми отчуждалось такъ называемое голое право собственности (*nudum jus domini*), и судебныхъ рѣшеній, по которымъ присуждались, на основаніи подобныхъ актовъ, вотчинныя права. Практика въ этомъ послѣднемъ случаѣ, сколько намъ извѣстно, допускаетъ изъясненіе закона

по аналогіи. Такимъ образомъ говорятъ: если 521 ст. 1-й ч. X т. св. зак. допускается совершеніе актовъ о передачѣ собственниками своихъ правъ по имуществамъ, находящимся въ пожизненномъ владѣніи другихъ лицъ, то нѣтъ никакого основанія воспрещать въ другихъ случаяхъ отчужденіе права собственности на вещь, не находящуюся въ дѣйствительномъ владѣніи отчуждателя. Въ подкрѣпленіе этого прибавляютъ, что если для владѣльца имущества, состоящаго въ спорѣ, все равно, будетъ ли его противникомъ въ тяжбѣ одно лицо или другое, и если, при такой перемѣнѣ въ лицахъ участивъ тяжбы, не нарушаются ничьи права, то воспрещеніе совершенія подобныхъ актовъ не можетъ имѣть никакой цѣли, или по крайней мѣрѣ, въ противномъ случаѣ, воля законодателя не упустила бы положительно выразить себя въ этомъ отношеніи.

Изъ извѣстныхъ намъ авторитетовъ науки Мейеръ полагаетъ, что во всѣхъ вообще договорахъ, не исключая купли-продажи, нѣтъ перехода права собственности, и предоставляетъ покупщику, не получившему по купчей купленной имъ вещи, только право требовать отъ продавца вознагражденія за убытки, понесенные имъ отъ несоблюденія договора (*). Подводя подъ этотъ взглядъ указанные нами случаи передачи собственности по имуществамъ, находящимся въ дѣйствительномъ владѣніи передавателя, мы не встрѣчаемъ никакой разницы между ними и всякими другими случаями сдѣлокъ объ отчужденіи имуществъ, принадлежащихъ намъ, какъ собственникамъ и владѣльцамъ. Слѣдовательно, по принятому Мейеромъ началу, собственникъ вещей можетъ по договорамъ обязываться передачею ихъ, не дѣлая никакого различія въ томъ, осуществилось ли уже его право на вещи, и состоятъ ли онѣ въ его владѣніи, или же только въ послѣдствіи онѣ ихъ получить; но для перехода самаго права собственности необходимое условіе, — чтобы

(*) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1859 г., февраль, право собственности по Русскому праву.

совершилась передача владѣнія. Этотъ взглядъ ученаго профессора еще янѣе высказывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ объ ограниченіяхъ права собственности относительно составныхъ частей. По словамъ его, собственникъ не можетъ выдѣлить изъ права собственности всѣ составныя части; но для него возможно выдѣлить ту или другую составную часть, и быть ограниченнымъ относительно остальной составной части. Выдѣлъ всѣхъ составныхъ частей права собственности не удобо-мыслимъ, но ограниченіе всѣхъ ихъ возможно, и иногда представляется въ дѣйствительности. Слѣдовательно лицу, которому принадлежит такъ называемое профессоромъ голое право собственности на вещь (*nudum jus domini*), отдѣленное отъ владѣнія и пользованія, нельзя отказать въ распоряженіи его правомъ, и произведенное имъ отчужденіе своего права собственности должно быть дѣйствительнымъ передъ закономъ, въ томъ смыслѣ, что пріобрѣтатель такого права сдѣлается собственникомъ вещи, когда его право осуществится возвращеніемъ послѣдней изъ незаконнаго владѣнія.

Въ сочиненіяхъ Неволлина мы не встрѣчали разсужденій, прямо относящихся къ настоящему предмету, но судя по взгляду на способы пріобрѣтенія права собственности, котораго онъ держится въ своей исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ, можно заключать, что вопросъ о возможности передачи права собственности на имущества, не находящіяся въ нашемъ владѣніи, онъ разрѣшилъ бы отрицательно.

Обратимся за разрѣшеніемъ этого вопроса къ законамъ положительнымъ. Въ статьяхъ св. зак. 1-й ч. X т., мы находимъ слѣдующее: 1384. Продавать можно токмо то имущество, коимъ владѣлецъ можетъ распоряжаться по праву собственности. 1389. Продавать дозволяется токмо то имѣніе, которое состоитъ въ дѣйствительномъ владѣніи, или на которое продавецъ имѣетъ право собственности; посему продажа имущества, которое впредь можетъ принадлежать продавцу по наслѣдству,

недѣйствительна (*). Кн. III разд. II гл. II, во 2 отдѣленіи «о принятіи наслѣдства и отреченіи отъ онаго», ст. 1255. Наслѣдники властны принять наслѣдство или отречься отъ онаго, и въ слѣдующей за нею ст. 1256: въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, если наслѣдники, по бѣдности своей, или другимъ какимъ-либо причинамъ, не будутъ въ состояніи или не захотятъ отыскивать открывшагося наслѣдства, то имъ дозволяется право на такое наслѣдство передать или уступить кому-либо другому, по ихъ прозволу.—Здѣсь постановленіе, относящееся до губерній Черниговской и Полтавской, по буквальному смыслу изложенія представляется исключеніемъ изъ общаго правила, что наслѣдники, по открытіи наслѣдства, могутъ принять послѣднее или отъ него отречься; слѣдовательно, по общимъ законамъ, наслѣдникъ, до принятія открывшагося наслѣдства, не можетъ передать кому-либо другому право свое на оно. Вотъ тѣ опредѣленія положительныхъ законовъ, на основаніи которыхъ практика не допускаетъ передачи права собственности на имущество, не находящіяся во владѣніи отчуждателей. Прибавимъ къ этому, что въ уложеніи (гл. X ст. 244) и въ св. зак. т. X ч. 1-й ст. 1392, гдѣ говорится о продажѣ и закладѣ спорныхъ имуществъ, предполагается, что имѣніе въ данный моментъ находится во владѣніи продавца или закладчика, и что ни въ уложеніи, ни въ сводѣ, въ статьяхъ, относящихся къ случаямъ перекрѣпленія права собственности,—нигдѣ, кромѣ указанной нами ст. 521 X т. св. зак., не высказано положительнаго намека на случай передачи права собственности на вещь, не находящуюся во владѣніи передавателя. Между тѣмъ постановленіями свода предписывается, какъ

(*) Изъ приведенныхъ здѣсь постановленій, въ ст. 1389 хотя и установлено, что дозволяется продавать имущество только состоящее въ дѣйствительномъ владѣніи, но какъ за этимъ слѣдуетъ иносказательное выраженіе, или продавецъ имѣетъ право собственности, то при такой неточности выраженій выводы изъ нея представляются сблѣчивыми.

необходимое условие при утверждениі актовъ и перекрѣпленіи вотчинныхъ правъ, взиманіе пошлинъ по дѣйствительной цѣнѣ отчужденнаго недвижимаго имѣнія, что не всегда бываетъ возможно при совершеніи договоровъ о голомъ правѣ собственности. Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что взглядъ на настоящій предметъ большинства судебныхъ мѣстъ, отказывающихся подобнымъ актамъ въ способности передачи права собственности, имѣетъ достоинство вѣрности буквальнаго изъясненія законовъ, и что ему долженъ уступить противоположный взглядъ нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстъ, какъ основанный на толкованіи по аналогіи.

Сопоставляя эти выводы съ сейчасъ высказаннымъ нами взглядомъ профессора Мейера на ограниченія права собственности относительно составныхъ частей, мы не можемъ признать его догматически вѣрнымъ выраженіемъ мысли, проведенной въ нашемъ законодательствѣ. Если по общимъ законамъ собственникъ можетъ передать право собственности на имущество, находящееся въ пожизненномъ владѣніи другого лица, а по законамъ мѣстнымъ, дѣйствующимъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, наследнику предоставляется уступить постороннему лицу право его на наследственное имущество, то въ этихъ обоихъ случаяхъ подразумѣвается возможность для отчуждателя права собственности, въ настоящее время, или въ послѣдствіи, получить въ свое владѣніе принадлежащія имъ имущества. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ запрещеніи нашего законодательства отчуждать имущества, не состоящія въ дѣйствительномъ владѣніи, нельзя не видѣть выраженія той мысли, что собственникамъ такихъ имуществъ принадлежитъ только титулъ права собственности, парализованнаго во всѣхъ составныхъ частяхъ, и пребывающаго какъ бы мертвымъ до тѣхъ поръ, пока оно признаніемъ общественной власти не будетъ призвано къ юридической жизни.

Но бываютъ случаи, когда возвращеніе вещи собственнику ея становится невозможнымъ по самому объекту права. Въ такомъ отношеніи находится собственникъ по поводу вещи, которая передана незаконнымъ владѣльцемъ ея третьему лицу. Хотя указанная нами, при настоящемъ условіи, невозможность для собственника обратнаго полученія вещи, отчужденной незаконнымъ владѣльцемъ ея, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть возведена въ абсолютное начало, которое бы безусловно исключало законность всякаго требованія подобной вещи отъ фактическаго владѣльца ея; тѣмъ не менѣе подъ опредѣленія гражданскаго права подходитъ множество случаевъ, въ которыхъ лицо, признанное по судебному рѣшенію собственникомъ вещи, не возстанавливается во владѣніи ею, а удовлетворяется лишь возвращеніемъ ему отъ незаконнаго владѣльца денежной цѣны предмета спора (*restitutio*).

Изъ постановленій закона, сюда относящихся, одни касаются движимаго имущества, другія недвижимаго.

Требовать отъ каждаго приобрѣтателя движимаго имущества, чтобы онъ справлялся о правѣ собственности отчуждателя на передаваемую вещь, и наказывать неосмотрительныхъ уничтоженіемъ передачъ, совершенныхъ отъ лица незаконнаго владѣльца, было бы несовмѣстнымъ съ условіями промышленности, которой, какъ самостоятельной и свободной силѣ общественной дѣятельности, принадлежатъ свои воззрѣнія, независимо отъ права, и этимъ послѣднимъ не чуждо значеніе въ области юридическихъ опредѣленій.

Сообразно тому, какъ незаконное владѣніе движимыми вещами бываетъ юридическимъ, давностнымъ въ видѣ собственности владѣніемъ, и владѣніемъ преступнымъ, нарушающимъ неприкосновенность личныхъ и имущественныхъ правъ, такъ и опредѣленія права относительно вещей, отчужденныхъ незаконнымъ владѣльцемъ, могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ: къ одной изъ нихъ подойдутъ всѣ постановленія объ отчужде-

ніяхъ добросовѣтнаго и недобросовѣтнаго владѣльца, а къ другой о пріобрѣтеніяхъ отъ преступниковъ.

Что касается движимыхъ вещей, подлежащихъ отчужденію незаконнаго владѣльца, то сіи послѣднія могутъ быть плодами другихъ вещей; имъ можетъ принадлежать отдѣльное существованіе отъ недвижимой собственности, или онѣ представляются въ связи съ послѣднею. Въ Русскомъ правѣ замѣчается численный перевѣсъ на сторонѣ постановленій, касающихся добросовѣтнаго и недобросовѣтнаго владѣнія движимыми вещами, находящимися въ связи съ недвижимою собственностью. Это объясняется тѣмъ преимущественнымъ вниманіемъ, которое наше законодательство вообще обращало на недвижимую собственность.

Произведенія, составляющія доходъ имѣнія, орудія труда, предметы потребленія и животныя, вотъ тѣ движимыя вещи, о которыхъ говорится кн. II разд. II гл. VI, въ отд. 2 св. зак. гражд. о вознагражденіи частномъ. Статьи 610, 620 и 626 этого свода возлагаютъ какъ на добросовѣтнаго, такъ и на недобросовѣтнаго владѣльца обязанность возвращать законному владѣльцу доходы, полученные ими съ имѣнія натурою, если они еще не проданы, или другимъ какимъ-либо образомъ не переданы, или деньгами по оцѣнкѣ, а по ст. 613 и 634 они должны вознаграждать законнаго владѣльца за вывезенныя изъ имѣнія вещи и за все то, что ими отдѣлено для передачи, подарка или продажи. При такомъ отношеніи отчуждателей движимыхъ вещей къ законному собственнику ихъ, новый пріобрѣтатель этихъ вещей получаетъ право собственности на нихъ и собственникъ не можетъ обратиться къ нему съ искомъ о выдачѣ вещи.

При передачѣ незаконнымъ владѣльцемъ имущества, доставшагося ему чрезъ преступленіе, казалось бы, это преступленіе (преступленіе) нисколько не должно имѣть вліянія на юридическія отношенія новаго владѣльца

къ прибрѣтенной имъ вещи. Послѣдній, покупая движимое имущество, можетъ совершенно не знать о преступленіи, и по большей части онъ не имѣетъ никакого повода подозрѣвать о существованіи его. Какъ добросовѣстный прибрѣтатель движимой вещи, онъ можетъ владѣть въ видѣ собственности, и имѣть все условія для того, чтобы сейчасъ же сдѣлаться собственникомъ. Но законодательство смотритъ на это иначе. Наказывая внутреннюю сторону преступленія, оно отказываетъ въ юридическомъ значеніи и тѣмъ отношеніямъ по имуществамъ, которыя образовались при участіи преступной воли. Таковы передачи, признаваемые по закону недействительными: продажа имущества краденнаго, купленнаго завѣдомо у малолѣтнаго и подвергнутаго секвестру (св. зак. т. X. ч. I ст. 1406, 1408, 1410 и 1415).

Собственникъ, лишившійся чрезъ преступленіе принадлежащихъ ему вещей, которыя отчуждены преступникомъ третьему лицу, можетъ осуществить свое право по нимъ, только доказавъ преступленіе, а обязанность послѣдняго прибрѣтателя возратить ихъ законному владѣльцу дѣйствуетъ до тѣхъ поръ, пока по законамъ о давности въ дѣлахъ уголовныхъ продолжается вѣрность преступленія. Такимъ образомъ право отношенія по поводу вещей, составляющихъ предметъ преступленія, при допущенномъ нами условіи перехода ихъ изъ владѣнія преступника, по русскимъ законамъ выходятъ изъ круга опредѣленій гражданскаго права.

Допустивъ теперь, что собственникъ движимыхъ вещей, выбывшихъ изъ его владѣнія по одной изъ указанныхъ нами двухъ категорій, передалъ свое право по нимъ другому лицу, и что незаконный владѣлецъ, по предъявленіи къ нему иска, основаннаго на такой передачѣ, но до наложенія ареста на имущество, составляющее предметъ спора, уступилъ оное въ постороннее владѣніе, мы приходимъ къ вопросу: при какихъ условіяхъ и въ какой мѣрѣ лицо, вступившее въ новое юридиче-

ское отношеніе по поводу этихъ вещей съ собственникомъ ихъ, пріобрѣтаетъ право на полученіе вознагражденія за вещь отъ незаконнаго владѣльца?

Что касается въ этомъ случаѣ права на вознагражденіе отъ преступника, которымъ собственникъ довольствуется при неотысканіи похищенной у него вещи, то хотя практика уголовнаго суда не допускаетъ лицо, получившее такое право, заступать по производству дѣла о преступленіи лица собственника, обиженнаго преступленіемъ, но въ отношеніи собственно вознагражденія за имущество, настоящій случай, думаемъ, нисколько не отличается отъ другихъ случаевъ перехода права на вознагражденіе за вещи, выбывшія изъ незаконнаго владѣнія.

Относительно отчужденія этого права однимъ лицомъ въ пользу другаго мы замѣчаемъ, что переходъ его, равно какъ и переходъ всякаго права собственности на имущества, находящіяся въ дѣйствительномъ владѣніи отчуждателя, по законному наслѣдству и завѣщаніямъ возможенъ и не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ. Но наслѣдство по закону и по завѣщаніямъ много отличается отъ другихъ юридическихъ отношеній, по которымъ пріобрѣтаются имущественныя права, каковы: купля и продажа, дареніе и проч. Существенная черта наслѣдства, какъ способа пріобрѣтенія собственности, та, что въ этомъ юридическомъ отношеніи на первомъ планѣ выступаетъ замѣна наслѣдникомъ лица умершаго владѣльца, въ силу которой первый принимаетъ на себя какъ права, такъ и обязанности своего предмѣтника (обязанность платить долги), тогда какъ въ сдѣлкахъ о продажѣ и дареніи юридическое отношеніе договаривающихся сторонъ заключается главнымъ образомъ въ однихъ ихъ имущественныхъ правахъ. Что же касается перехода по этимъ послѣднимъ сдѣлкамъ права на вознагражденіе за вещи, выбывшія изъ незаконнаго владѣнія, то вопросъ этотъ на практикѣ представляется запутаннымъ, при томъ условіи, что одни судебныя мѣста, какъ мы сказали, совер-

шают акты объ отчужденіи правъ на имущества, не находящіяся въ дѣйствительномъ владѣніи отчуждателей, а другія не совершаютъ. Прибавимъ къ этому, что по поводу подобныхъ отчужденій имущественныхъ правъ пишутся домашніе акты, которымъ вообще не можетъ быть чуждо юридическое значеніе.

Существенное содержаніе всѣхъ этихъ актовъ то, что собственникъ передаетъ свое право на имущество, или, на вознагражденіе, которое онъ долженъ получить отъ незаконнаго владѣльца. Казалось бы, что для собственника, выдавшаго такой актъ другому лицу за уплаченную послѣднимъ денежную цѣну вещей, не можетъ быть различія въ томъ, предоставитъ ли полученіе вознагражденія за вещи отъ незаконнаго владѣльца этому лицу, или получить его самому, и потомъ вознаградитъ пріобрѣтателя права. Но соображенія, которыми руководствуется человѣкъ въ его стремленіи къ достиженію матеріально-полезнаго, не всегда подчиняются высказанному нами началу, и потому юридическая практика представляетъ множество дѣлъ, по которымъ собственникъ, передавшій право свое на вещи, за которыя можно получить вознагражденіе отъ незаконнаго владѣльца, или его наследники оспариваютъ силу выданнаго акта въ тѣхъ видахъ, чтобы самимъ получить денежную цѣну имущества отъ отвѣтчика. Если такой споръ ихъ уваженъ, то пріобрѣтателю права остается искать по имѣющемуся у него акту вознагражденія своихъ убытковъ на спорщикахъ.

Основаніемъ спора противъ названныхъ нами актовъ можетъ быть ихъ недѣйствительность: фальшивая подпись, существованіе другой позднѣйшей сдѣлки, которою уничтожается прежній договоръ, обратное полученіе пріобрѣтателемъ акта своихъ денегъ и многія другія обстоятельства, или же предъяввшій споръ, не отвергая воли собственника, выраженной въ актѣ, возражаетъ противъ иска неформальностію акта, какъ то: что онъ не принадлежитъ къ числу актовъ, закономъ устано-

вленныхъ, что онъ домашній и не получилъ утвержденія ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ.

При недействительности акта, владѣлецъ его не можетъ получить вознагражденія какъ отъ незаконнаго владѣльца вещи, такъ и отъ лица собственника, выдавшаго ему актъ, и потому въ разрѣшеніи споровъ этой категоріи, не могутъ имѣть при мѣненія существующіе въ нашей юридической практикѣ взгляды на передачу права собственности на вещи, не находящіяся въ дѣйствительномъ владѣніи отчуждателя. Но когда спорятъ противъ акта на томъ основаніи, что онъ не принадлежитъ къ числу дозволенныхъ по закону, то тогда является вся несостоятельность нашей практики, чуждой прочнаго принципа въ разрѣшеніи подобныхъ споровъ. Если нельзя передавать права собственности на имущества, не находящіяся во владѣніи отчуждателя, то предъявителю акта слѣдуетъ сейчасъ отказать въ выдачѣ вознагражденія съ лица незаконнаго владѣльца, предоставивъ ему, не теряя времени, обратиться съ своимъ искомъ къ выдавшему актъ. Если же, при указанномъ условіи, можетъ быть передаваемо право собственности, то приведенное возраженіе собственника и его наследниковъ противъ акта не уничтожаетъ силы послѣдняго, и предъявитель акта, говоря терминомъ изъ римскаго права, имѣетъ *exceptio juris* противъ спорщиковъ, которымъ слѣдуетъ въ искѣ отказать, не вовлекая противника ихъ въ производство дѣла. Таковы логическіе выводы, которымъ практика слѣдовала бы въ разрѣшеніи настоящаго случая, при существованіи точнаго опредѣленія права относительно силы актовъ объ имуществахъ, выбывшихъ изъ владѣнія собственника. Но судебная практика обыкновенно принимаетъ безъ возраженій, и даетъ производство приведенному нами спору о неформальности акта, все равно какъ бы это былъ споръ о недействительности акта. По окончательнымъ рѣшеніямъ такихъ дѣлъ, судебныя мѣста, сколько намъ извѣстно, денежное взысканіе съ незаконнаго владѣльца присуждаютъ

лицу, представившему актъ. Въ этомъ случаѣ судьи слѣдуютъ тому убѣжденію, что если по акту, составляющему предметъ спора, и нельзя приобрести права собственности на вещь или на денежное вознагражденіе съ незаконнаго владѣльца, то при неоспоримой дѣйствительности этого акта, нѣтъ надобности предоставлять приобретателю его вновь обращаться съ своимъ требованіемъ къ собственнику, когда полученіемъ взысканныхъ денегъ съ отвѣтчика можно покончить между ними счеты. Такимъ образомъ дѣятельность нашихъ судебныхъ мѣстъ въ отношеніи споровъ о неформальности названныхъ актовъ, какъ неуставленныхъ закономъ, находятъ свое выраженіе въ слѣдующей дилеммѣ: если подобными актами возможно передавать право собственности на вещь, то А, представившій одинъ изъ нихъ, долженъ получить денежное взысканіе съ В, незаконнаго владѣльца; если же актъ А не имѣетъ такого значенія, то и въ этомъ случаѣ А слѣдуетъ выдать деньги, взысканныя съ В, поелику ему по акту принадлежитъ право требовать вознагражденія отъ собственника вещи (*).

Прослѣдимъ теперь явленія, которыя представляетъ намъ указанный случай отчужденія права собственности незаконны-

---

(*) Для повѣрки и нагляднаго представленія нашихъ выводовъ, предлагаемъ читателямъ обратиться къ тяжбному дѣлу объ указанной части вдовы вотчинника Андрея Б-ва, напечатанному въ отдѣлѣ судебной практики Журнала Министерства Юстиціи, въ книгѣ за августъ мѣсяцъ 1859 г.— По дѣлу этому на указанную часть вдовы Матрены Б-вой предъявили права: наследники Андрея младшаго Б-ва, на основаніи записи 1806 г., и Никита З-нъ, на основаніи духовнаго завѣщанія, составленныхъ Матреною Б-ею въ то время, когда она, впродъ до рѣшенія дѣла по спору о дѣйствительности брака ея съ умершимъ вотчинникомъ Андреемъ Б-вымъ, не могла вступить во владѣніе слѣдующею ей вдовьею частію.— Хотя въ настоящемъ дѣлѣ, въ числѣ возраженій Никиты З-на, кромѣ спора о неформальности записи 1806 г., какъ акта, по которому Матрена Б-ва не могла отказать имѣнія, не находившагося въ ея владѣніи, заключается также и споръ о недѣйствительности сдѣлки, но и безъ этого послѣдняго спора, судебныя мѣста не могли бы ни отвергнуть безъ суда права Никиты З-на на указанную часть, какъ основанныя на завѣщаніи, со-

ми владѣльцами въ примѣненіи къ недвижимымъ имѣніямъ. Съ перекрѣпленіемъ этихъ послѣднихъ законъ соединяетъ извѣстныя формальности, соблюденіе которыхъ, равно какъ и важность значенія недвижимой собственности въ юридическомъ быту, приписываемая ей нашимъ законодательствомъ и народнымъ воззрѣніемъ, дѣлаютъ возможною и необходимою въ сдѣлкахъ большую степень осмотрительности сторонъ. Если отъ покупателя или другаго пріобрѣтателя движимой вещи трудно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайне несправедливо требовать, чтобы онъ удостовѣрился о правѣ собственности на нее отчуждателя, то въ тоже время, въ большей части случаевъ, ничѣмъ нельзя извинить оплошности владѣльца недвижимаго имѣнія, который не знаетъ правоотношеній по этому имѣнію своего предшественника. Посему, если всякій пріобрѣтатель движимой вещи отъ незаконнаго владѣльца, за исключеніемъ доставшейся отчуждателю чрезъ преступленіе, съ точки зрѣнія права есть собственникъ ея и законный обладатель, то преемникъ правъ по недвижимымъ имуществамъ незаконнаго владѣльца, при тѣхъ же условіяхъ, можетъ быть только продолжателемъ незаконнаго

оставленномъ уже по отчужденіи Матреною Б-вою права на указную часть, ни отказать въ искѣ наследникамъ Андрея младшаго Б-ва, отыскивающимъ свое право по записи 1806 г. Тяжебное производство дѣла необходимо при высказанномъ нами условіи, также точно, какъ оно неизбѣжно и въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что послѣ умершаго вотчинника Андрея Б-ва не осталось недвижимаго имѣнія, и что указная часть Матрены Б-вой заключалась въ движимыхъ вещахъ, принадлежавшихъ ея супругу въ день его смерти, какъ то: драгоценностяхъ, животныхъ и проч.—При такомъ положеніи дѣла, для Никиты З-на, который, какъ наследникъ Матрены Б-вой по завѣщанію, обязанъ денежнымъ вознагражденіемъ наследникамъ Андрея младшаго Б-ва, въ случаѣ доказанной неформальности записи 1806 г., уничтоженіе послѣдней по судебному рѣшенію можетъ быть желательно между прочимъ и тогда, когда показанная въ записи цѣна указной части ниже дѣйствительной стоимости вещей. Если сверхъ высказанныхъ нами предположеній допустимъ еще и то, что движимыя вещи, составляющія указную часть Матрены Б-вой, во время производства спорнаго дѣла, переданы незаконнымъ владѣльцемъ въ постороннее владѣніе, то выводы наши нисколько не измѣнятся.

владѣнія, обязаннымъ по требованію собственника возвратить ему прибрѣтенное имущество, если только искъ послѣдняго предъявленъ до истеченія установленныхъ закономъ сроковъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что споры о недвижимыхъ имѣніяхъ предъявляются по мѣстоположенію ихъ. Слѣдовательно отвѣтчиками въ такого рода искахъ представляются какъ первый незаконный владѣлецъ, такъ и всѣ преемники правъ его, которымъ бы онъ успѣлъ до начатія спора, или во время производства дѣла, передать имущество, — равно обязанные возвратить послѣднее въ натурѣ по присужденію. Всѣ эти условія относительно недвижимыхъ имуществъ имѣютъ то значеніе, что наша юрисдикція представляетъ гораздо меньше случаевъ взысканія денежнаго вознагражденія за недвижимую собственность, находившуюся въ незаконномъ владѣніи, чѣмъ сколько ихъ бываетъ по поводу движимыхъ вещей. Тѣмъ не менѣе, такое вознагражденіе за недвижимыя имущества, при извѣстныхъ условіяхъ, предписывается закономъ и постановляется судебными рѣшеніями. Такъ, по ст. 612 I ч. X т. св. зак. владѣлецъ добросовѣстный обязанъ заплатить за отчужденную имъ изъ имѣнія землю цѣну оной тому, кому возвращается имѣніе. Какъ въ этой и ближайшихъ статьяхъ имѣтъ постановленія о томъ, при какихъ условіяхъ собственнику возвращается самое имущество, и когда онъ вознаграждается денежною цѣною его, то отвѣтъ на это въ нашей практикѣ предоставляется выводамъ изъ сопоставленія настоящаго законоположенія съ другими статьями свода. Напримѣръ: ст. 1524-ю воспрещается вчинаніе споровъ о проданныхъ имѣніяхъ по истеченіи 2 лѣтъ со дня опубликованія въ вѣдомостяхъ о совершеніи купчей, и статьею 1098-ю объявляются ничтожными споры о духовныхъ завѣщаніяхъ, предъявленные по пропусценіи того же срока со времени припечатанія объявленій о ввѣдѣ во владѣніе. Но какъ такими запрещеніями вчинанія споровъ о недвижимомъ имѣніи не можетъ быть уничтожено право законнаго владѣльца или его за-

конныхъ наслѣдниковъ по завѣщанію на искъ въ теченіи общей 10 лѣтней земской давности о денежномъ вознагражденіи, то въ случаѣ предъявленія этого иска по истеченіи показаннаго выше двухлѣтняго срока, незаконный владѣлецъ долженъ удовлетворить истца, на основаніи приведенной нами 612 ст., денежною цѣною отчужденнаго имущества.

Не пужно прибавлять, что сейчасъ высказанное нами начало недостаточно для разрѣшенія всѣхъ принадлежащихъ къ этому разряду случаевъ, какіе представляетъ намъ практика, что судебныя мѣста, при обсужденіи недобрыхъ дѣлъ, должны примѣнять къ нимъ еще и другія опредѣленія права, и что часто, не находя въ законахъ положительнаго разрѣшенія данныхъ случаевъ, они руководствуются въ семъ отношеніи обычаемъ. Для примѣра укажемъ дѣла по отысканію законными владѣльцами имѣній, проданныхъ завѣдомо у малолѣтнихъ. Такая продажа и купля, на основаніи ст. 1407 и 1410 1 ч. X т. св. зак., считаются недействительными и подвергаются продавца, равно какъ и покупателя, ответственности по законамъ уголовнымъ. Ближайшій выводъ изъ этихъ постановленій тотъ, что споръ о такихъ имуществахъ, предъявленный до истеченія срока давности по дѣламъ уголовнымъ, долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе договора купли и продажи и соединенное съ нимъ возвращеніе собственнику имѣнія, отнятаго у него преступленіемъ. Но когда срокъ для начатія дѣла о преступленіи будетъ пропущенъ, то съ момента его пропущенія, безъ сомнѣнія, открывается возможность для подложнаго приобретателя имѣнія обратить свое владѣніе, по истеченіи давностнаго срока, въ право собственности. Съ какого же именно времени начинается этотъ давностный срокъ? слѣдуетъ-ли къ нему присчитывать то время, въ которое еще дѣйствовала вѣняемость преступленія, или онъ начинается только тогда, когда уже пропущена давность для иска по законамъ уголовнымъ, а равно подлежитъ-ли удовлетворенію гражданскій искъ о по-

добныхъ имуществъ, предъявленный въ промежуткѣ между моментомъ прекращенія вѣняемости преступленія и окончаніемъ 10—лѣтняго срока со времени незаконнаго перехода имѣнія, или законный владѣлецъ въ этомъ случаѣ вознаграждается только денежною цѣною его имѣнія? Все это вопросы, на которые положительные законы, сколько намъ извѣстно, не даютъ категорическаго отвѣта. Судебная же практика, кажется, придерживается правила допускать въ подобныхъ дѣлахъ искъ о вотчинномъ правѣ въ теченіи 10 лѣтъ со времени незаконнаго перехода имѣнія.

Допустимъ теперь, что собственникъ недвижимаго имѣнія, находящагося въ его владѣніи, уступилъ свое право другому лицу, для котораго, за переходомъ имѣнія отъ незаконнаго владѣльца по укрѣпленію, возможно только полученіе денежнаго вознагражденія, но не самаго имущества, и что переходъ права по этому имуществу отъ собственника оспаривается самимъ собственникомъ или его наследниками, по ничтожности уступки, какъ неустановленной закономъ. При одинаковости условій такого спора съ исками о вознагражденіи за движимыя имущества, отчужденныя незаконными владѣльцами, для нашей юрисдикціи представляется безусловная необходимость принять этотъ споръ и производить дѣло. Опять таже дилемма, которая отъ двухъ противоположныхъ сужденій приходитъ къ одному неизмѣнному заключенію, что денежное взысканіе слѣдуетъ присудить тому, кому сдѣлана уступка права на имущество законнымъ владѣльцемъ, и опять прежнее недоумѣніе на счетъ того, для какой цѣли, при такомъ рѣшеніи, весь спорный процессъ, судебныя издержки и продолжительная неизвѣстность права.

Разсматривая опредѣленія положительныхъ законовъ о переходѣ права собственности на имущества, не находящіяся въ дѣйствительномъ владѣніи отчуждателей, мы старались, по возможности, прослѣдить практическую сторону

этого института, и пришли къ тому убъжденію, что съ одной стороны, по буквѣ дѣйствующихъ законовъ, передача права собственности на имущество, не состоящее въ дѣйствительномъ владѣніи передавателя, невозможна, что такое имущество можетъ быть только предметомъ договора, опредѣляющаго право на дѣйствіе, имѣющее совершиться въ послѣдствіи, и что съ другой стороны, въ юридическомъ быту нашего общества замѣчается стремленіе совершать акты о передачѣ права собственности на подобныя имущества, а судебныя мѣста, при отсутствіи прочнаго взгляда на настоящій предметъ, то утверждаютъ ихъ, то неутверждаютъ, то присуждаютъ по нимъ право собственности, то рассматриваютъ ихъ лишь какъ договоры о правѣ на дѣйствіе.

Эта борьба юридической дѣйствительности съ догмою положительнаго закона замѣчательна, и, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія науки права и вниманія законодательной власти. Убѣжденные въ томъ, что опредѣлить дѣйствительную потребность нашего юридическаго быта въ уступкѣ со стороны безусловнаго запрещенія положительнаго закона передавать право собственности при указанныхъ нами условіяхъ, и проектировать соответственныя измѣненія дѣйствующихъ постановленій, не нарушая строгости логическихъ построеній въ развитіи идеи права, составляетъ трудную задачу специально-образованной мысли, мы не беремъ за выполненіе ея.

Но при этомъ позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ, выражающихъ нашъ взглядъ на догматическое значеніе рассматриваемаго института.

Происхожденія его, намъ кажется, слѣдуетъ искать въ общемъ источникѣ положительныхъ законодательствъ гражданскаго права европейскихъ народовъ—римскомъ правѣ.

Римское право представляетъ два способа приобрѣтенія права собственности, различныя между собою, смотря потому,

лежить ли въ основаніи ихъ привилегированное право римскихъ гражданъ (*jus civile*), или общечеловѣческое право, входившее въ кругъ римскаго законодательства съ постепенностію, соотвѣтствовавшею расширенію государства и соотношеній частныхъ лицъ по имуществамъ съ иностранцами и подданными негражданами (*jus gentium*). При соблюденіи формальностей, которыми закрѣплялось юридическое отношеніе, служащее основаніемъ къ переходу права собственности (купля, продажа дареніе и проч.) по *jus civile*, требовалось присутствіе движимыхъ вещей, произносились лицомъ, облеченнымъ общественною властію, слова, которыми выражалось условіе отчуждаемаго имущества пріобрѣтателю; пріобрѣтатель налагалъ руку на вещь, составляющую предметъ договора, чѣмъ символически выражалось его овладѣніе послѣднею. Во всѣхъ случаяхъ отчужденіе права собственности по *jus civile*, независимо отъ того, сопровождалось ли оно актомъ передачи самой вещи отъ одного лица другому, и была ли послѣдняя замѣнена какимъ нибудь символомъ или нѣтъ, предпологалось, что право собственности переходитъ къ пріобрѣтателю его вполне. Вступившій въ юридическое отношеніе по вещи своего предшественника, на основаніи одной сдѣлки о передачѣ права собственности, пріобрѣталъ и составную часть послѣдняго—владѣніе, уступка котораго собственникомъ подразумѣвалась, такимъ образомъ, въ самомъ совершеніи договора. Понятно, что такое значеніе способовъ пріобрѣтенія права собственности по *jus civile* исключало возможность передачи права собственности по имуществамъ, не находящимся во владѣніи отчуждателя. Тѣже самыя условія въ этомъ отношеніи представляютъ намъ и способы пріобрѣтенія права собственности по *jus gentium*. На переходъ владѣнія оно смотритъ какъ на существеннѣйшую часть юридической сдѣлки объ уступкѣ права собственности—*dominia rerum non nudis pactis transferuntur*. Изъ составныхъ элементовъ послѣдней физическому обладанію вещью оно усволяетъ пре-

имущественное значеніе по отношенію къ *justa causa*. Какъ безъ владѣнія по *jus gentium* нѣтъ перехода права собственности, то, безъ сомнѣнія, собственникъ, не владѣющій вещью, не могъ передать преемнику своего права на нее, такъ какъ подобная сдѣлка была бы чужда существеннаго условія передачи—владѣнія.

Эти опредѣленія римскаго права о передачѣ права собственности не представляютъ ничего исключительнаго и чуждаго логической необходимой связи съ другими началами, принятыми законодательствомъ. Дѣйствительно, если вникнуть въ существо мысли, проведенной въ институтѣ о правѣ собственности вообще и въ особенности по *jus civile*—то кажется, не можетъ быть, чтобы въ юридическомъ быту римскаго народа были часты случаи передачи права собственности на имущества, вышедшія изъ владѣнія отчуждателей (*nudum jus quiritium*), и чтобы въ юридическомъ быту общества существовала дѣйствительная потребность узаконенія подобныхъ сдѣлокъ. Приобрѣтеніе права собственности по давности владѣнія законодательство дѣлало крайне затруднительнымъ, и даже по отношенію къ иностранцамъ было постановленіе, что никакой срокъ ихъ владѣнія не можетъ уничтожить право собственности (*adversus hostem aeterna auctoritas*). Принадлежности владѣнія, необходимые для того, чтобы оно было давностнымъ—добросовѣстность и юридическое отношеніе, какъ то: купля, продажа, дареніе, завѣщаніе, оставленіе вещи хозяиномъ (*derelictio*) должны были привести число владѣній, которыми приобрѣталось право собственности на вещи, къ весьма ограниченной цифрѣ; и при существованіи этихъ условій давностное владѣніе не имѣло значенія самостоятельнаго способа приобретенія права собственности, а являлось лишь въ помощь другимъ способамъ, въ случаяхъ ихъ недостаточности. Владѣніе же вещью безъ *justus titulus*, какъ чуждое юридическаго характера, не охранялось судебнымъ порядкомъ противъ собственника, почему послѣдній легко и скоро

могъ быть возстановленъ въ потерянномъ имъ владѣніи. Понятно, что при такихъ условіяхъ, собственникъ, желающій уступить кому-либо свое право собственности, не долженъ былъ встрѣтить большаго затрудненія отложить совершеніе сдѣлки до тѣхъ поръ, пока возвратится въ его владѣніе принадлежащая ему вещь. Оставался такимъ образомъ одинъ отдѣлъ имущества, находящихся въ незаконномъ владѣніи, относительно которыхъ для собственниковъ могло бы быть желательное отчужденіе, во время состоянія ихъ въ постороннемъ владѣніи. Это имущества, находящіяся въ давностномъ владѣніи, возвращенію которыхъ собственнику должно предшествовать производство тяжёбнаго процесса. Но для того, чтобы угадать напередъ судьбу процесса, знать до рѣшенія дѣла несомнѣнный исходъ его, требуется опытный и специально-образованный юридическій взглядъ, недоступный большинству, почему мы думаемъ, что юридическій бытъ какъ римскаго, такъ и другихъ народовъ представляетъ относительно небольшое число случаевъ передачи права собственности на подобныя имущества.

Къ такимъ умозаключеніямъ приводитъ насъ бѣглый взглядъ на постановленія римскаго права, относящіяся къ настоящему предмету. Но мы далеки отъ убѣжденія въ томъ, чтобы въ римскомъ обществѣ совсѣмъ не было передачи права собственности на вещь безъ владѣнія ею; чтобы при разрѣшеніи случаевъ подобной передачи, возникавшихъ въ дѣйствительной жизни, не было попытокъ обходить строгое исполненіе закона путемъ обычая или изъясненіемъ законодательной мысли, не согласнымъ съ сейчасъ высказаннымъ нами пониманіемъ ея. Быть можетъ римскій институтъ о правѣ собственности не былъ безукоризненно вѣрнымъ выраженіемъ юридическаго быта народа и дѣйствитель-

ность его складывалась еще и по другим началам и формамъ.

Во всякомъ случаѣ мы не можемъ пройти безъ вниманія той симетріи логическихъ построеній, которая замѣчается между постановленіями римскаго права, дѣлавшими невозможною передачу права собственности на имущества, выбывшія изъ владѣнія отчуждателей, — и узаконенными принадлежностями давностнаго владѣнія. Какъ при дѣйствіи послѣднихъ кругъ вещей, приобретаемыхъ въ собственность по давности владѣнія, не предполагается обширнымъ, такъ и нѣтъ надобности расширять для собственниковъ условія передачи ихъ вотчинныхъ правъ по имуществамъ, находящимся въ чуждомъ незаконномъ владѣніи. Когда въ послѣдствіи постановленіями Юстиніана, независимо отъ давности владѣнія, основанной на прежнихъ началахъ, были установлены 30 лѣтній и 40 лѣтній сроки владѣнія, которыми приобреталось право собственности съ болѣе легкими условіями относительно свойствъ владѣнія, когда такимъ образомъ незаконный владѣлецъ даже и безъ *justus titulus* владѣнія могъ сдѣлаться собственникомъ вещи, то едва ли могла оставаться ненарушенной логическая соотвѣтственность указанныхъ нами постановленій.

Совершенно другое явленіе представляетъ наше законодательство въ его постановленіяхъ объ отчужденіи права собственности и о давности владѣнія. Освобождая послѣднюю отъ всѣхъ принадлежностей, кромѣ владѣнія на правѣ собственности или въ видѣ собственности, оно облегчаетъ путь къ приобретенію права собственности посредствомъ давностнаго владѣнія, и расширяетъ тѣмъ кругъ дѣйствія послѣдняго; а возлагая на собственника, пропустившаго 10 недѣльный срокъ на подачу про-

шенія о возвращеніи его имущества изъ незаконнаго владѣнія, предъявлять искъ въ судебномъ мѣстѣ, отнимаетъ у него возможность слишкомъ быстрого восстановленія владѣнія. Между тѣмъ отчужденіе вотчинныхъ правъ, какъ мы уже видѣли, заключено по нашимъ законамъ въ тѣсный кругъ распоряженія имуществами, состоящими въ дѣйствительномъ владѣніи собственниковъ.

Недавно въ одной изъ статей Журнала Министерства Юстиціи мы встрѣтили мысль, что всякое право на имущество, могущее въ послѣдствіи осуществиться дѣйствительнымъ полученіемъ самага имущества, имѣетъ свою цѣнность, и какъ всякая другая цѣнность можетъ быть уступаемо другому лицу. Потому всякое законодательство обязано содѣйствовать куплѣ и продажѣ такихъ правъ и стараться какъ можно болѣе облегчать средства къ ихъ приобрѣтенію. Кто хотя поверхностно наблюдалъ юридическій бытъ нашего общества, тотъ не будетъ видѣть въ этихъ словахъ одного отвлеченнаго кабинетнаго взгляда, но узнаетъ въ нихъ воззрѣніе, которое примѣняется на дѣлѣ совершеніемъ множества подобныхъ актовъ и высказывается въ домашнихъ кружкахъ, съ профессорскихъ кафедръ и въ присутственныхъ камерахъ судовъ.

А. ПЕСТРЖЕЦКІЙ.

(Продолженіе обѣцано.)

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

А. РУССКАЯ.

І.

Частная переписка лиц, неприкосновенных къ долгу, не имѣетъ никакой доказательной силы, равно какъ и письмо, писанное къ одной изъ тяжущихся сторонъ лицомъ, неучаствующимъ въ дѣль. Наоборотъ, письмо, писанное тяжущимся къ лицу, не участвующему въ дѣль, можетъ быть принято въ соображеніе при ршеніи дѣла.—Безденежныя заемныя письма, выданныя добровольно, безъ принужденія, могутъ быть признаны недѣйствительными, хотя бы о безденежности ихъ и не было заявлено въ семидневный срокъ, установленный ст. 703 и 909 т. X ч. I св. зак. гражд.—Соблюденіе вѣсть законныхъ формъ при выдачѣ заемныхъ писемъ само по себѣ не можетъ служить препятствіемъ къ предъявленію спора о безденежности ихъ.

Въ 1849 г. жена генераль-маіора Елисавета Ш. предъявила сначала въ С. Петербургской управѣ благочинія, а потомъ въ судебныхъ мѣстахъ споръ о безденежности семи дол-

говыхъ заемныхъ писемъ, выданныхъ ею 15-го августа 1848 г. на 100,000 р. сер. полковнику Валеріану Ш., и кромѣ того искъ объ истребованіи отъ него принадлежащихъ ей денегъ 9983 р. сер.

Валеріанъ Ш. доказывалъ, что заемныя письма выданы ему въ 1848 г. Елисаветою Ш. на расходы по дѣлу о выдѣлѣ ей наслѣдственной доли изъ имѣнія отца, и во время производства дѣла передалъ заемныя письма 1848 г. купцу И., а сей послѣдній сестрѣ Валеріана Ш., вдовѣ маіора Еленѣ Б.

Такимъ образомъ участвующими въ дѣлѣ семь лицамъ, кромѣ Елисаветы и Валеріана Ш., сдѣлались еще купецъ И. и Елена Б.

Дѣло сіе рѣшено въ С. Петербургскомъ гражданскомъ надворномъ судѣ 28-го августа 1852 г., въ гражданской палатѣ 15-го февраля 1854 г. и по апелляціоннымъ жалобамъ полковника Валеріана Ш. и Елены Б. представлено было на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената.

Существо рѣшенія гражданской палаты по предметамъ, подлежащимъ ревизіи Правительствующаго Сената, состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Заемныя письма, выданныя Елисаветою Ш. полковнику Валеріану Ш. на 100,000 р. сер., признать безденежными и, освободивъ Елисавету Ш. отъ ответственности по онымъ, предоставить Еленѣ Б. съ требованіемъ удовлетворенія обратиться къ передавшему ей обязательства купцу И., и

2) признать полковника Ш. обязаннымъ возвратитъ Елисаветѣ Ш. полученныя имъ изъ Калужскаго городского сиротскаго суда 9983 р. сер., предоставивъ ему объ удовлетвореніи за расходы по дѣлу о выдѣлѣ Елисаветѣ Ш. наслѣдственной части изъ имѣнія отца развѣдаться съ нею установленнымъ порядкомъ.

По содержанию принесенных на означенное рѣшеніе апелляціонныхъ жалобъ разрѣшенію Правительствующаго Сената подлежали собственно два предмета:

1) Споръ о безденежности семи долговыхъ заемныхъ писемъ 15-го августа 1848 г. на 100,000 р. сер.

2) Искъ Елисаветы Ш на 9983 р. сер. къ Валеріану Ш.

По первому предмету изъ дѣла видно, что Елисавета Ш, предъявивъ настоящій споръ, объясняла, что заемныя письма высланы были ею въ 1848 г. Валеріану Ш въ г. Калугу, по его требованію, только для окончательнаго расчета по раздѣлу ея наслѣдства съ братомъ, на тотъ случай, если бы при выдѣлѣ ей изъ имѣнія части, превышающей цѣнность слѣдующей ей доли, потребовалась отъ нея какая-либо доплата; но за учиненіемъ съ братомъ миролюбнаго о раздѣлѣ акта, выданныя Валеріану Ш заемныя письма остались безъ употребленія, не нужны ни для какой надобности и подлежатъ возвращенію ей по принадлежности.

Въ доказательство безденежности заемныхъ писемъ Елисаветы Ш представила собственноручное письмо Валеріана Ш, писанное къ ея мужу изъ Калуги 11-го августа 1848 г.

Въ этомъ письмѣ Валеріанъ Ш просилъ выслать на его имя отъ Елисаветы Ш для окончанія ея дѣла о наслѣдствѣ заемное письмо въ 100,000 р. сер., обѣщая не употреблять во зло довѣрія и присовокупляя, что заемное письмо изъ его рукъ не выйдетъ, а лишь съ выгодною рѣшить дѣло.

Полковникъ Ш не только не отвергалъ показанія Елисаветы Ш о томъ, что денегъ подъ долговыя ея обязательства въ займы не давалъ, но напротивъ того въ апелляціонной жалобѣ гражданской палатѣ на рѣшеніе надворнаго суда положительно изъяснилъ, что Елисавета Ш въ сущности не получила изъ рукъ въ руки отъ полковника Ш той суммы, на которую выданы ею заемныя письма. Затѣмъ Валеріанъ Ш и вступившая въ его права сестра его вдова Елена Б доказываютъ

обязательную силу заемных писемъ, выданныхъ Елисаветою Ш, слѣдующими доводами:

1) Заемныя письма Елисаветы Ш на 100,000 р. сер. были выданы для обезпеченія уплаты сдѣланныхъ издержекъ и собственныхъ потерь полковника Ш, понесенныхъ для окончанія дѣла о выдѣлѣ Елисаветѣ Ш доли изъ наслѣдства послѣ отца.

2) Елисавета Ш соглашалась произвести уплату по тѣмъ заемнымъ письмамъ, на сей конецъ передала Валеріану Ш, чрезъ своего мужа, 47 билетовъ коммерческаго банка; кромѣ того она предоставила Валеріану Ш полученные имъ изъ Калужскаго сиротскаго суда 9983 р. сер. зачестъ въ уплату слѣдующихъ по означеннымъ заемнымъ письмамъ денегъ, что подтверждается учиненною имъ на обязательствѣ платажною надписью, а генералъ Ш предлагалъ брату своему отъ имени своей жены, чрезъ постороннихъ людей, сдѣлать уступку изъ 90000 р. сер. и обѣщалъ доставить Валеріану Ш въ уплату по заемнымъ письмамъ сперва 72000 р. сер., а потомъ предлагалъ получить 75-т. р. сер.

3) Письмо Валеріана Ш отъ 11-го августа 1848 г. показываетъ только обѣщаніе его не передавать заемныхъ писемъ въ постороннія руки безъ достиженія пользы по дѣлу. Письмо сіе, какъ писанное не къ Елисаветѣ Ш, а къ ея мужу, не уполномоченному отъ Елисаветы Ш довѣренностію, должно быть признано ничтожнымъ. Если же Елисавета Ш признаетъ письмо Валеріана Ш къ ея мужу какъ бы писаннымъ къ ней самой, то обязаца признать писанныя мужемъ ея къ Валеріану Ш письма, въ которыхъ изъясняется неограниченное право сего послѣдняго дѣйствовать по дѣлу и не жалѣть при ономъ расходовъ, и

4) Елисавета Ш имѣла право заявить о безденежности заемныхъ писемъ въ назначенный законами семидневный срокъ (ст. 703 и 909 т. X ч. I св. зак. гражд.), но, неучинивъ се-

го и не обжаловавъ въ установленный 4 недѣльный срокъ постановленія управы благочинія о взысканіи денегъ по заемнымъ письмамъ, потеряла право на возраженіе противу оныхъ.

При рассмотрѣніи каждаго изъ означенныхъ доводовъ обнаруживается:

1) Валеріанъ Ш, въ удостовѣреніе дѣйствительности издержекъ, понесенныхъ имъ по дѣлу о наслѣдствѣ Елисаветы Ш представилъ четыре письма къ нему ея мужа Павла Ш и одно письмо Павла Ш къ сестрѣ своей Еленѣ Б.

Письма, писанныя къ Валеріану Ш мужемъ Елисаветы Ш, безъ законнаго отъ нея на сіе уполномочія, не могутъ быть обязательны для сей послѣдней.

Письмо Павла Ш, писанное къ Еленѣ Б 27-го августа 1848 г., т. е. до передачи ей заемныхъ писемъ, послѣдовавшей лишь въ 1849 г., составляетъ частную переписку между двумя лицами совершенно посторонними по отношенію къ настоящему дѣлу и потому равнымъ образомъ не можетъ быть обязательно для Елисаветы Ш.

Содержаніе упомянутыхъ писемъ Павла Ш скорѣе указываетъ на нравственную признательность, изъявляемую Валеріану Ш отъ имени его жены. Въ письмахъ сихъ упоминается только въ однихъ общихъ выраженіяхъ о дѣлѣ, порученномъ Валеріану Ш, о слѣдствіи и комиссіи, учрежденной по дѣлу, о необходимости имѣть довѣренныхъ людей и не жалѣть расходовъ, съ объясненіемъ, что Павелъ Ш и его жена не знаютъ, какъ выразить ихъ благодарность Валеріану Ш, но объ обязанности денежнаго вознагражденія Валеріана Ш за ходатайство ничего не упомянуто. Слѣдовательно письма сіи ни по формѣ, ни по содержанію своему не представляютъ несомнѣннаго доказательства въ пользу Валеріана Ш.

Независимо отъ сего изъ дѣла видно, что полковникъ Ш чрезъ 12 дней послѣ отправленія къ нему заемныхъ писемъ на 100-т. р., и именно 27-го августа 1848 г., получилъ отъ Ели-

саветы Ш 2-г. р., посланные ему по почтѣ на расходы по дѣлу. Обстоятельство это указываетъ на то, что заемныя обязательства 1848 г. не предназначались на расходы: ибо если бы заемныя письма выданы были на покрытие расходовъ, то не предстояло болѣе надобности въ посылкѣ наличныхъ денегъ.

Въ письмѣ Валеріана Ш отъ 11-го августа 1848 г. равнымъ образомъ не изъяснено, чтобы заемныя письма были выданы въ вознагражденіе за труды и издержки по дѣлу. Валеріанъ Ш просилъ въ этомъ письмѣ довѣрить ему заемное письмо въ 100-т. р. сер. единственно для успѣшнаго окончанія дѣла о наслѣдствѣ Елисаветы Ш, положительно обѣщая не употреблять во зло сдѣланнаго ему довѣрія и не передавать заемныхъ писемъ въ постороннія руки. Съ окончаніемъ дѣла о наслѣдствѣ Елисаветы Ш уничтожилась и цѣль, для которой она довѣрила Валеріану Ш заемныя письма, и самая передача тѣхъ писемъ отъ сего послѣдняго въ постороннія руки была прямымъ нарушеніемъ добровольно даннаго имъ въ упомянутомъ письмѣ отъ 11-го августа 1848 г. обѣщанія.

Законнаго условія о вознагражденіи Валеріана Ш за ходатайство по дѣлу не было заключено и съ его стороны не представлено никакихъ доказательствъ относительно обязанности Елисаветы Ш на денежное его вознагражденіе за окончаніе ея дѣла. Въ довѣренности Елисаветы Ш, данной Валеріану Ш на ходатайство по дѣлу, ничего неупомянуто о его вознагражденіи, и потому онъ не имѣлъ законнаго основанія произвольно обращать довѣренныя ему Елисаветою Ш заемныя письма въ вознагражденіе за окончаніе дѣла ея о наслѣдствѣ.

2) Ссылка Валеріана Ш на свидѣтелей въ данномъ генераломъ Ш обѣщаніи дѣлать уплату по заемнымъ письмамъ не можетъ доказывать обязательной для Елисаветы Ш силы означенныхъ писемъ, ибо мужъ ея не былъ уполномоченъ отъ нея законопою на сей предметъ довѣренностію. По отсутствію тако-

вой довѣренности и за сплюю законовъ о раздѣльности имущества супруговъ (ст. 109, 110 и 115 X т. ч. I св. гр. зак.) объясняемая Валеріаномъ III общанія, данныя будто бы ему генераломъ III при свидѣтеляхъ объ уплатѣ по заемнымъ письмамъ Елисаветы III, не могутъ быть обязательны для сей послѣдней.

Приводимое Валеріаномъ III обстоятельство о предоставленіи ему Елисаветою III билетовъ коммерческаго банка для получения по онимъ денегъ на полную уплату по ея заемнымъ письмамъ не можетъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе вопроса объ обязательной силѣ заемныхъ писемъ. Валеріанъ III, кромѣ личнаго объясненія своего, не представилъ никакихъ доказательствъ, чтобы тѣ билеты были отданы ему для получения по онимъ денегъ въ уплату по заемнымъ письмамъ, а при отсутствіи такихъ доказательствъ, непризнаніе Елисаветою III сего показанія Валеріана III равносильно представляемому Валеріаномъ III по сему предмету объясненію.

Въ доказательство предоставленія Елисаветою III полковнику III употребить полученную изъ сиротскаго суда сумму 9983 р. сер. въ уплату по одному изъ заемныхъ писемъ, Валеріанъ III сослался только на платежную надпись, сдѣланную имъ на томъ обязательствѣ. Надпись сія, какъ учиненная самимъ Валеріаномъ III и притомъ на обязательствѣ, которое находилось у него же до представленія въ судъ, не можетъ доказывать согласія Елисаветы III на обращеніе упоминаемой въ надписи суммы въ уплату по заемному письму.

3) Письмо отъ 11-го августа 1848 г. не отвергается въ подлинности Валеріаномъ III, отъ коего оно писано, и потому, на основаніи ст. 329 т. X ч. II. св. гр. зак., составляетъ совершенное противъ него доказательство. По содержанію своему оно заключаетъ въ себѣ положительное общаніе Валеріана III не передавать заемныхъ писемъ въ постороннія руки и не нарушать сдѣланнаго ему довѣрія.

Хотя письмо сіе писано не къ Елисаветѣ Ш, а къ ея мужу Павлу Ш, не имѣвшему отъ нея законной довѣренности, но это обстоятельство не можетъ лишить означеннаго документа силы существеннаго къ настоящему дѣлу доказательства, ибо оно писано собственноручно Валеріаномъ Ш, на имя котораго были выданы самыя заемныя письма, и подлинность онаго не отвергается симъ послѣднимъ. При такихъ обстоятельствахъ и письма генерала Ш къ Валеріану Ш, и къ Еленѣ Б не могутъ уничтожить несомнѣнности письма Валеріана Ш, тѣмъ болѣе, что письма генерала Ш, составляя, какъ выше было объяснено, частную переписку лица посторонняго въ дѣлѣ, по формѣ своей не обязательны для Елисаветы Ш, а по содержанию не заключаютъ въ себѣ обязанности вознагражденія Елисаветою Ш Валеріана Ш за труды и услуги по ея дѣлу; и

4) По собственному сознанию Валеріана Ш, онъ не давалъ денегъ Елисаветѣ Ш подъ выданныя ею заемныя письма, слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ не было дѣйствительнаго займа денегъ. Равнымъ образомъ не было и принужденія, ибо заемныя письма были довѣрены Елисаветою Ш полковнику Ш добровольно для предназначенной цѣли успѣшнаго окончанія дѣла. Посему Елисавета Ш не могла и не была обязана заявлять въ установленные въ законахъ сроки (ст. 703 и 909 т. X ч. I св. гр. зак.) ни о несостоявшемся займѣ, ни о принужденіи, а приводимая Валеріаномъ Ш ст. 749 ч. II т. X, на основаніи которой обязательство, надлежащимъ порядкомъ засвидѣтельствованное и должникомъ подписанное, считается яснымъ и разбору не подлежащимъ актомъ, къ настоящему случаю примѣнена быть не можетъ, ибо Елисавета Ш доказываетъ безденежность довѣренныхъ ею своему повѣренному домовыхъ актовъ, а доказывать судомъ безденежность домовыхъ заемныхъ писемъ, къ числу которыхъ по 2036 ст. ч. I т. X принадлежатъ и настоящія, явленныя у нотариуса обязательства, статьею 2014-ю не воспрещается.

Наконецъ возраженіе Валеріана Ш относительно 4-хъ недѣльнаго срока на предъявленіе спора, было въ виду Правительствующаго Сената при разсмотрѣніи въ частномъ порядкѣ настоящаго дѣла и не было уважено, какъ видно изъ указа 4-го департамента Сената 7-го сентября 1850 г., коимъ предписано было, приостановивъ полицейское взысканіе по заемнымъ письмамъ Елисаветы Ш, передать возникшее объ оныхъ дѣло на судебное разсмотрѣніе. За силою сего указа, означенное обстоятельство не можетъ подлежать въ настоящее время новому обсужденію Правительствующаго Сената.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что всѣ приведенныя Валеріаномъ Ш доказательства не могутъ уничтожить силы сдѣланнаго имъ признанія въ безденежности спорныхъ заемныхъ писемъ. Признаніе сіе, выраженное имъ въ апелляціонной жалобѣ гражданской палатѣ, какъ представленное въ самый судъ на письмѣ, по точному разуму ст. 315 т. X гр. зак., составляетъ совершенное доказательство, и потому заемныя письма, выданныя Елисаветою Ш 15-го августа 1848 г. полковнику Ш на сумму 100 т. р. сер., какъ безденежныя и данныя не въ вознагражденіе за услуги, за силою ст. 2014 и 2017 т. X гр. зак., не могутъ быть признаны дѣйствительными, но вдовѣ маіора Еленѣ Б, получившей означенные акты по передачѣ отъ купца И, слѣдуетъ, на основаніи закона о передачѣ заемныхъ обязательствъ (ст. 2058 т. X ч. 1 гражд. зак.), предоставить въ расчетахъ своихъ по приобрѣтенію заемныхъ писемъ вѣдаться съ лицомъ, отъ котораго ей заемныя письма были переданы.

По второму предмету настоящаго производства—объ истребованіи, по иску Елисаветы Ш, отъ Валеріана Ш суммы 9983 р. сер., полученной имъ изъ сиротскаго суда, надлежитъ принять во вниманіе, что съ признаніемъ необязательными для Елисаветы Ш всѣхъ семи заемныхъ писемъ, выданныхъ ею на 100 т. руб. сер. Валеріану Ш, не можетъ быть оставлено въ силѣ и обращеніе Валеріаномъ Ш въ уплату по одному изъ тѣхъ заемныхъ писемъ суммы 9983 р. сер., получен-

ной имъ по довѣренности Елисаветы Ш изъ Калужскаго городского сиротскаго суда. Посему сумма сія должна быть возвращена Валеріаномъ Ш, съ причитающимися на оную со времени получения изъ сиротскаго суда процентами.

По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ, рѣшеніе, состоявшееся по настоящему дѣлу въ 1-мъ департаментѣ С. Петербургской гражданской палаты 15-го февраля 1854 г., признано было правильнымъ и съ точною сплюю существующихъ узаконеній согласнымъ, а апелляціонныя жалобы полковника Валеріана Ш и вдовы Елены Б оставлены были безъ уваженія.

При производствѣ настоящаго дѣла заявлены были еще слѣдующія два другія мнѣнія: 1) обратитъ дѣло въ гражданскую палату для допроса Павла Ш и выставленныхъ Валеріаномъ Ш свидѣтелей, и за тѣмъ предоставить ей постановитъ новое, на законномъ основаніи, рѣшеніе, и 2) такъ какъ заемныя письма Елисаветы Ш составлены съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ, а представленное къ дѣлу письмо Валеріана Ш писано къ Павлу Ш, не участвующему въ настоящемъ дѣлѣ, то произвести по заемнымъ письмамъ взысканіе съ Елисаветы Ш въ пользу Елены Б, къ которымъ они перешли по надписямъ отъ купца П и Валеріана Ш.

Въ опроверженіе этихъ мнѣній достаточно напомнить слѣдующія, выведенныя въ рѣшеніи соображенія: 1) обѣщаніе Павла Ш заплатить Валеріану Ш означенную въ заемныхъ письмахъ сумму не могли имѣть обязательной силы для Елисаветы Ш, потому что Павелъ Ш не участвовалъ въ дѣлѣ и не имѣлъ законной довѣренности отъ жены своей. По той же причинѣ представлялось излишнимъ допрашивать выставленныхъ Валеріаномъ Ш по поводу этого обстоятельства свидѣтелей. 2) Письмо Валеріана Ш, къ кому бы оно ни было писано, во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ сознаніе, внѣ суда письменное учиненное, и потому не могло быть оставлено безъ вниманія. Соблюденіе всѣхъ законныхъ формъ при составленіи за-

емныхъ писемъ само по себѣ не можетъ служить препятствіемъ къ предъявленію спора о безденежности ихъ, а въ настоящемъ случаѣ Валеріанъ Ш сверхъ того самъ удостовѣрилъ безденежность обязательствъ Елизаветы Ш въ апелляціонной жалобѣ, поданной имъ гражданской палатѣ.

II.

Поручителями по векселямъ могутъ быть и лица, принадлежащія къ торговому сословію. Они могутъ, въ случаѣ несостоятельности векселедателей, участвовать въ конкурсѣ наравнѣ съ кредиторами, принадлежащими къ торговому сословію. Лица, обязавшіяся векселями, не имѣя на то законнаго права, не могутъ быть освобождаемы отъ ответственности по нимъ, но взысканіе съ нихъ должно производиться не по вексельнымъ, а по общимъ гражданскимъ законамъ.

Купецъ Гиппіусъ выдалъ купцу Брузи въ 1850 г. три векселя на сумму 15000 руб. сер., за поручительствомъ швейцарскаго консула Самуэля Буркарта.

Векселя эти перешли по подписямъ къ почетному гражданину Чельшеву и купцу Курочкину, которые, за несостоятельностью векселедателя Гиппіуса и бланконадписателя Брузи, предъявили векселя ко взысканію съ поручителя Буркарта.

По спору Буркарта, настоящее дѣло поступило на разсмотрѣніе Московскаго коммерческаго суда, который нашелъ, что векселя Гиппіуса и Брузи въ отношеніи къ Буркарту, какъ не

принадлежащему къ торговому сословію, за сію ст. XI т. уст. торг. и 4 п. 1529 ст. т. X ч. I св. зак. гражд., должны быть почитаемы договорами недѣйствительными, а потому и поручительство Буркарта должно быть признано ничтожнымъ и не можетъ подвергать его никакой отвѣтственности предъ Курочкинымъ и Чельшевымъ.

Курочкинъ и Чельшевъ на рѣшеніе коммерческаго суда принесли апелляціонныя жалобы Правительствующему Сенату.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ Правительствующемъ Сенатѣ найдено было слѣдующее:

Въ уставѣ о векселяхъ нѣтъ такого правила, что поручителемъ по векселю можетъ быть только лицо, имѣющее право обязываться векселями. Вообще въ торговыхъ законахъ нашихъ нигдѣ не означено, кому дозволяется и кому воспрещается быть поручителемъ по векселямъ. Посему и въ томъ вниманіи, что по ст. 1555 т. X. ч. I св. зак. гр. «въ поручительство могутъ вступать всѣ тѣ лица, кои въ правѣ обязываться договорами вообще,» нельзя отказывать лицамъ неторговаго званія въ правѣ вступать въ поручительство и по векселямъ, ибо они, также какъ и всѣ другіе, на основаніи ст. 1561 т. X ч. I св. зак. гражд., заплативъ долгъ по обязанности поручительства, могутъ участвовать въ конкурсной массѣ, какъ обыкновенные кредиторы. Обстоятельство, что такимъ образомъ лицо неторговаго званія можетъ сдѣлаться изъ поручителя по векселю векселедержателемъ, не противорѣчитъ правилу ст. 595 т. XI св. зак. торгов., по которой обязываться векселями могутъ лишь тѣ лица, коимъ существующими законами сіе предоставлено. Векселедержателемъ можетъ быть всякій, безъ различія состояній, потому что быть залогодавцемъ по векселю не значитъ обязываться векселемъ. Изъ соображенія ст. 1562 ч. 1 св. зак. гражд. и ст. 635 зак. торг. явствуетъ, что законодательство наше сдѣлало одинаково нѣкоторое различіе между поручительствомъ по простымъ обязательствамъ и поручительствомъ по векселямъ. Пору-

чительство совершается, на основаніи ст. 1562-ой ч. 1 св. зак. гражд., собственноручною подписью поручителя на обязательствѣ послѣ рукоприкладства должника; по ст. же 63-й торг. зак. поручительство не только можетъ быть означено или на самомъ векселѣ, или въ особенномъ актѣ, но по силѣ той же статьи въ первомъ случаѣ поручитель отвѣтствуетъ по всей строгости вексельнаго права, между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ онъ отвѣтствуетъ лишь на основаніи общаго порядка, для всѣхъ обязательствъ установленнаго.

На основаніи ст. 544, 637 и 651 уст. торг. св. зак. т. XI, вексель можетъ потерять силу вексельнаго права, сохраняя однако силу долговаго обязательства вообще, и если вексель данъ отъ такого лица, которое не имѣло права онымъ обязываться, то по возраженію о семъ должника, взысканіе только пріостанавливается, съ отсылкою дѣла въ коммерческой судъ, а по 749 ст. ч. II св. зак. гражд. т. X, всѣ роды обязательствъ, гдѣ есть подпись должника собственноручная или его законнаго повѣреннаго, буде отъ оной нѣтъ отрицанія, считаются ясными и разбору неподлежащими требованіями.

Примѣненіе означенныхъ соображеній къ настоящему дѣлу приводитъ къ заключенію, что Буркартъ не можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности по своему поручительству, отъ котораго онъ не отрицается: но эта отвѣтственность должна имѣть мѣсто на основаніи общаго порядка, для всѣхъ обязательствъ установленнаго.

Заключение сіе нисколько не опровергается возраженіемъ Буркарта, будто бы въ случаѣ платежа имъ долга за несостоятельныхъ купцовъ Гиппіуса и Брузи онъ не можетъ, по непринадлежности его къ торгующему купечеству, участвовать въ конкурсной массѣ, ибо такое участіе въ претензіяхъ противъ несостоятельныхъ должниковъ, на основаніи св. зак. т. XI уст. торг. ст. 1859—62 и 1980—82 предоставляется въ равной степени кредиторамъ по векселямъ и кредиторамъ по заемнымъ

письмамъ, слѣдовательно какъ лицамъ торговаго сословія, такъ и всѣмъ прочимъ лицамъ, и причисленіе претензіи къ одному изъ трехъ разрядовъ долговъ зависить не отъ различія между векселями и заемными письмами, а отъ другихъ условій, въ тѣхъ законахъ опредѣленныхъ.

Коммерческій судъ призналъ поручительство Буркарта ничтожнымъ за силою п. 4 ст. 1529 т. X ч. I св. зак. гр., по которому договоръ недѣйствителенъ и обязательство ничтожно, если побудительная причина къ заключенію онаго есть достиженіе цѣли, законами запрещенной, какъ то: когда договоръ клонится къ присвоенію частному лицу такого права, котораго оно по состоянію своему имѣть не можетъ; но правило сіе не можетъ быть примѣнено къ настоящему дѣлу. Въ противномъ случаѣ каждый могъ бы, не имѣя торговаго свидѣтельства, выдать вексель за купленный имъ товаръ и въ послѣдствіи отказать отъ платежа по оному на основаніи сего закона.

Право обязываться векселями есть распространеніе въ пользу нѣкоторыхъ лицъ и сословіи силы общаго для всѣхъ права вступать въ обязательства, и посему тотъ, кто обязался векселемъ, не имѣвъ на сіе права, остается должникомъ на общемъ основаніи въ слѣдствіе подписаннаго имъ обязательства, если только онъ имѣлъ право вступать въ обязательства вообще; но взысканіе долговой суммы производится съ него уже не по вексельнымъ, а по общимъ гражданскимъ законамъ.

На основаніи сихъ соображеній Правительствующій Сенатъ опредѣлялъ: рѣшеніе коммерческаго суда 7-го мая 1854 года о недѣйствительности поручительства бывшаго швейцарскаго консула Буркарта по векселямъ купца Гиппиуса, отмѣнить, а апелляціонныя жалобы почетнаго гражданина Чельшева и купца Курочкина признать уважительными, и удовлетворить ихъ по тремъ спорнымъ векселямъ въ 15,000 руб. сер. взысканіемъ съ поручителя по онымъ, иностранца Самуила Буркарта, на основаніи общаго порядка, изъясненнаго св. зак. гр. ч. I

т. X въ ст. 1536, 1538, и предоставивъ Буркарту, по учиненіи платежа за несостоятельныхъ должниковъ, купцовъ Гинніуса и Брузи, участвовать въ конкурсной массѣ, вмѣстѣ съ прочими ихъ кредиторами, на точномъ основаніи 1561-ой ст. тѣхъ же законовъ.

III.

Если заемныя письма, выданныя несовершеннолѣтнимъ, по вступленіи его въ совершеннолѣтіе будутъ имъ предъ судомъ подтверждены и признаны, то они получаютъ для него полную обязательную силу, а заимодавцы должны быть удовлетворены какъ капитальною суммою, такъ и процентами на общемъ законномъ основаніи.

Ротмистръ Никфоръ Л-въ выдалъ 5-го февраля 1851 года графу Карлу В три заемныя письма срокомъ по 1-ое апрѣля того же года суммою—первое въ 100 руб., второе въ 2000 р. и третіе въ 300 руб. сер. 3-го мая 1851 года, ротмистръ Л-въ выдалъ заемное письмо графинѣ Марьѣ В суммою въ 2000 р. сер., срокомъ на три мѣсяца.

Значащіяся въ заемныхъ письмахъ суммы были выданы Л-ву за указные проценты и самыя заемныя письма явлены у маклерскихъ дѣлъ.

По неплатежу Л-вымъ означеннаго долга въ срокъ, графъ и графиня В, въ числѣ другихъ кредиторовъ Л-ва, представили

выданныя имъ заемныя письма ко взысканію по военному начальству.

Л-въ въ рапортѣ отъ 10-го сентября 1851 г. командиру полка объяснилъ, что занялъ деньги у графа и графини В для поѣздки въ отпускъ въ Кіевскую, Московскую, Тамбовскую и Саратовскую губерніи, и предназначался уплатить ихъ графу и графинѣ В по возвращеніи изъ отпуска, но такъ какъ онъ отпускомъ не воспользовался, то для удовлетворенія графа и графини В просилъ распоряженія о вычетѣ незаконной части изъ получаемого имъ жалованья.

Въ слѣдствіе сего на пополненіе долга графа В и его жены были вычтены изъ жалованья Л-ва за сентябрьскую треть 1851 года, за январскую и майскую треть 1852 года по 17 руб. 17 коп. сер.

По увольненіи маіора Л-ва отъ службы, дѣло о его долгахъ было передано командиромъ полка въ С-ское губернское правленіе, которое 5-го іюня 1853 г. отослало оное для взысканія съ Л-ва долговъ въ Б-скій земскій судъ.

Претензія В вмѣстѣ съ прочими долгами Л-ва, по распоряженію земскаго суда, предъявляема была должнику сперва приставомъ 1-го стана Б-скаго уѣзда, а потомъ, въ слѣдствіе уклончивыхъ со стороны Л-ва отговорокъ, составленнымъ для того временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда.

При требованіи уплаты долга, Л-въ въ отзывѣ, поданномъ 30-го августа 1853 года временному отдѣленію земскаго суда, объяснилъ: что на уплату предъявленныхъ на него долговъ на сумму 19.319 р. 61 к. сер., въ томъ числѣ и претензіи по заемнымъ письмамъ В, онъ въ наличности нисколько денегъ не имѣетъ и собственнаго имѣнія, копмъ онъ могъ бы обезпечить это взысканіе, у него нѣтъ;

самъ онъ по увольненіи отъ службы находится подъ покровительствомъ и на содержаніи своего отца, который присылалъ ему возможное количество денегъ во время службы; сверхъ этихъ денегъ онъ дѣлалъ займы у частныхъ лицъ съ выдачею имъ актовъ и безъ оныхъ, бывъ тогда въ несовершеннолѣтнѣ, и отецъ его согласія своего или уполномочія ему не давалъ, «а произведены имъ оныя по молодости лѣтъ и по легкомыслію».

Отецъ должника, поручикъ Александръ Л-въ, къ которому временное отдѣленіе обращалось съ требованіемъ уплаты денегъ, отказался отъ платежа долговъ за сына и въ отзывѣ объяснилъ, что онъ не позволялъ своему сыну, по его несовершеннолѣтнѣ, дѣлать долговъ и обязываться актами.

Въ слѣдствіе сихъ отзывовъ дѣло о взысканіи съ Л-ва долговъ было передано на судебное разсмотрѣніе.

По собраннымъ изъ метрическихъ книгъ справкамъ оказалось, что сынъ поручика Александра Л-ва, Никифоръ Л-въ, рожденъ 16-го и крещенъ 17-го сентября 1830 года.

Дѣло Л-ва съ графомъ и графинею В по апелляціоннымъ жалобамъ тяжущихся сторонъ дошло до разсмотрѣнія Правительствующаго Сената, а оттуда за разногласіемъ поступило въ Государственный Совѣтъ.

Государственный Совѣтъ нашелъ, что законъ (свода 1857 г. т. X ч. I зак. гражд. ст. 222), по силѣ коего должникъ не можетъ быть подвергнутъ взысканію и отвѣту по долговымъ его обязательствамъ, выданнымъ въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, имѣлъ бы примѣненіе къ настоящему дѣлу въ такомъ только случаѣ, если бы дѣйствительность долга Л-ва графу и графинѣ В основывалась единственно на выдачѣ первымъ заемныхъ писемъ во время несовершеннолѣтнѣ и еслибы Л-въ, по минованіи онаго, при самомъ предъявленіи ему заемныхъ обязательствъ, на основаніи

означеннаго выше закона, отказался отъ платежа по онымъ. Но здѣсь представляется совершенно иное обстоятельство: Л-въ, по достиженіи совершеннолѣтія, подалъ въ Б-скій земскій судъ отзывъ, которымъ созналъ всѣ предъявленныя на него взысканія, въ томъ числѣ и заемныя письма, выданныя имъ графу и графинѣ В. По закону (свод. 1857 г. т. X ч. II зак. гражданскихъ ст. 315), признаніе, на письмѣ въ судъ представленное или въ самомъ судѣ учиненное, принимается совершеннымъ доказательствомъ. Сознаніе Л-ва, въ совершеннолѣтнемъ возрастѣ учиненное, дѣлаетъ для него платежъ по сознаннымъ имъ долгамъ вполне обязательнымъ и составляетъ доказательство, отдѣльное отъ выдачи Л-вымъ заемныхъ писемъ. Сознаніе это, по смыслу свода 1857 г. т. X ч. II ст. 70, предоставляетъ заимодавцамъ право получить съ должника удовлетвореніе, къ которому, по просьбѣ самаго Л-ва, было уже и приступлено вычетомъ узаконенной части изъ его жалованья, произведеннымъ во время совершеннолѣтія Л-ва, который противъ сего и впоследствии возраженій не представлялъ.

Посему, на точномъ основаніи собственнаго сознанія, сдѣланнаго Л-вымъ въ судѣ по достиженіи имъ совершеннолѣтія, и составляющаго по буквѣ закона совершенное доказательство обязательности того долга, Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: подвергнуть маіора Никифора Л-ва взысканію должныхъ имъ графу и графинѣ В денегъ съ узаконенными процентами.

Мнѣніе это удостоено Высочайшаго утвержденія 8-го декабря 1858-го года.

IV.

Присяга, выполненная по судебному опредѣленію, не можетъ быть отмѣнена даже и въ томъ случаѣ, еслибы возникло сомнѣніе о правильности распоряженія присутственнаго мѣста, по которому она назначена. (т. X ч. II ст. 429).

Мѣщанинъ Поповъ въ 1833 г. началъ искъ о неправильномъ задержаніи и растратѣ Кременчугскою полиціею вещей, принадлежавшихъ женѣ его. Цѣнность растраченныхъ вещей объявлена была Поповымъ въ 10552 р. ас. и 60 голландскихихъ червонцевъ.

Дѣло по иску Попова въ 1851 г. восходило на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, который, не усматривая возможности положительно опредѣлить количество растраченнаго имущества и признавая за давностію времени неумѣстнымъ требовать отъ Попова новыхъ доказательствъ, опредѣлилъ: предоставить Попову выполнить присягу въ томъ, что дѣйствительно отобрано у жены его имущества на 10522 р. 50 к. ас. и 60 голландскихихъ червонцевъ, и если онъ такую присягу выполнитъ, то взыскать эти деньги съ виновныхъ должностныхъ лицъ. На означенное опредѣленіе обвиняемыя Поповымъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ должностныя лица принесли всепод-

даннѣйшую жалобу, которую Высочайше повелѣно разсмотрѣть въ общемъ собраніи.

Между тѣмъ Поповъ выполнилъ предоставленную ему рѣшеніемъ Сената присягу.

Общее собраніе, принимая во вниманіе, что по закону присяга допускается только въ случаѣ крайней необходимости (ст. 421 ч. II т. X) и тяжба, оконченная присягою, не можетъ быть возобновлена (ст. 429), нашло, что по точному разуму узаконеній о святости и ненарушимости присяги вообще, выполненіе оной Поповымъ даетъ рѣшенію департамента Правительствующаго Сената окончательную законную силу, ибо выполненіе присяги въ слѣдствіе сенатскаго указа, какъ крайнее и окончательное средство открытія истины, составляетъ такое окончаніе тяжбы, послѣ коего она по ст. 429-ой возобновлена быть не можетъ.

Руководствуясь сими соображеніями, общее собраніе не вошло въ разсмотрѣніе доводовъ, коими лица, принесшія всеподданнѣйшую жалобу, доказывали неправильность рѣшенія департамента, и самая жалоба ихъ оставлена была безъ уваженія.

Настоящее рѣшеніе общаго собранія, вполне согласное съ взглядомъ нашего законодательства на святость и ненарушимость присяги, убѣждаетъ въ томъ, что присяга, исполненная съ соблюденіемъ установленнаго закономъ порядка, прекращаетъ дѣло окончательно, хотя бы опредѣленіе присутственнаго мѣста, назначившаго ее, и было признано подлежащимъ отмінію.

V.

Подсудность страховых отъ огня обществъ опредѣляется мѣстомъ пребыванія правленій сихъ обществъ. Посему жалобы на уклоненіе обществъ отъ разбирательства ихъ дѣлъ третейскимъ судомъ должны быть приносимы судебному мѣсту того города, въ которомъ находится правленіе общества. Судебное мѣсто, которому въ этомъ отношеніи подчинены страховыя отъ огня общества, есть гражданская палата.

Два года тому назадъ состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о подчиненіи страховых отъ огня обществъ мѣстной гражданской палатѣ.

Это постановленіе было вызвано неоднократно встрѣчавшимся на практикѣ недоумѣніями о томъ, какому именно судебному мѣсту должны быть приносимы жалобы на уклоненіе страховых обществъ отъ назначенія посредниковъ для разрѣшенія ихъ дѣлъ третейскимъ судомъ.

Въ законѣ, предшествовавшемъ изданію означеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, изложены были по этому предмету слѣдующія правила:

Т. X ч. 2 ст. 1185. Когда между лицами, соединенными на законномъ основаніи въ одинъ составъ по какой бы то ни было промышленности и дѣйствующими въ семъ составѣ подъ однимъ общимъ именемъ компаніи, сообщества или товарищества, возникаетъ споръ по дѣламъ, къ сему составу принадлежащимъ, и споръ сей дойдетъ до судебнаго разбирательства;

тогда какому бы судебному мѣсту прочіе дѣла его ни были подвѣдомы, споръ сего рода не можетъ иначе быть разбираемъ, какъ судомъ третейскимъ, для разбора сихъ споровъ именно узаконеннымъ.

Ст. 1188. Сверхъ споровъ между соучастниками обществъ, сему же узаконенному третейскому суду подлежатъ, по силѣ устава С. Петербургскому страховому отъ огня обществу даннаго, споры о убыткахъ между симъ обществомъ и хозяевами застрахованныхъ домовъ.

Ст. 1194. Если одна изъ спорящихъ сторонъ будетъ уклоняться отъ выбора посредника или отъ составленія записи, то по жалобѣ другой, судебное мѣсто, коему дѣла того общества подвѣдомы, потребовавъ отъ уклоняющейся стороны объясненіе, назначаетъ вмѣсто ея отъ себя посредника.

Точный смыслъ приведенныхъ постановленій указывалъ только на то, что споръ между страховыми отъ огня обществами и страхователями имуществъ долженъ разрѣшаться третейскимъ судомъ, и что жалобы на уклоненіе которой либо стороны отъ третейскаго разбирательства должны быть приносимы тому судебному мѣсту, которому *подвѣдомы дѣла страхового общества*. Но ни въ этихъ узаконеніяхъ, ни въ другихъ статьяхъ свода дѣйствовавшихъ постановленій не заключалось положительнаго указанія на то, какому именно судебному мѣсту подвѣдомы дѣла страховыхъ отъ огня обществъ.

Такая неполнота закона долго не возбуждала недоумѣній на практикѣ, или по крайней мѣрѣ подобныя недоумѣнія не доходили въ законодательномъ порядкѣ до разрѣшенія правительства. Только въ послѣднее время, при развитіи дѣйствій страховыхъ обществъ, а слѣдовательно при увеличеніи числа случаевъ столкновеній интересовъ сихъ обществъ съ интересами страхователей имуществъ, возникла настоятельная необходимость въ установленіи подсудности страховыхъ обществъ.

Эта подсудность установлена мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 21-го октября 1857 года.

Обстоятельства, подавшія поводъ къ изданію сего мнѣнія Совѣта, заслуживаютъ полнаго вниманія, и мы приводимъ ихъ на основаніи свѣдѣній, имѣющихся въ дѣлахъ министерства юстиціи.

Въ 5-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената производилось дѣло о сгорѣвшемъ, Гродненской губерніи въ имѣніи Ямполь, кирпичномъ заводѣ купцовъ Брауде, Этельда, Заблудовскаго и Брянскаго.

Опредѣленіемъ Сената означенный пожаръ признанъ случайнымъ и на семъ основаніи первый департаментъ Сената, въ которомъ разсматривалось дѣло о казенныхъ взысканіяхъ, лежавшихъ на помянутомъ заводѣ и владѣльцахъ его, присудилъ взыскать со 2-го страховаго отъ огня общества, въ которомъ заводъ былъ застрахованъ, слѣдующія казни по военному министерству деньги.

Во время производства сихъ дѣлъ купецъ Рубинраутъ, исполнивъ за неисправнаго казеннаго подрядчика Брауде нѣкоторыя работы по Брестъ-Литовской крѣпости, издержалъ изъ своей собственности 3355 руб. Деньги сіи Брауде предоставилъ получить отъ страховаго общества, а военное вѣдомство признало предоставленный Рубинрауту искъ подлежащимъ удовлетворенію въ степени казны.

На неуплату страховымъ обществомъ присужденныхъ денегъ, повѣренный Рубинраута, титулярный совѣтникъ Хмѣлевскій, приносилъ жалобу пятому департаменту Сената, который дѣло сіе, какъ проистекающее изъ обязательства казны, передалъ въ первый департаментъ; но сей послѣдній нашелъ, что претензія Рубинраута заключаетъ въ себѣ частный искъ съ страховаго общества и потому объявилъ Хмѣлевскому, что жалоба его не подлежитъ разсмотрѣнію сего департамента.

Затѣмъ Хмѣлевскій обратился по сему предмету съ просьбою въ 4-ый департаментъ Сената, однако департаментъ сей не во-

шелъ въ разсмотрѣніе его дѣла, потому что споры объ убыткахъ между страховыми обществами и хозяевами застрахованныхъ домовъ подлежатъ разбирательству третейскаго суда.

Руководствуясь симъ указаніемъ, Хмѣлевскій приглашалъ страховое общество къ составленію третейской записи, но оно отказалось исполнить сіе требованіе. По жалобамъ на сіе С. Петербургскій военный генералъ-губернаторъ и С. Петербургскій коммерческій судъ объявили Хмѣлевскому: первый, что съ жалобою своею онъ долженъ обратиться куда и какъ слѣдуетъ по закону, а послѣдній, что примѣняясь къ указу 4-го департамента по частному дѣлу, искъ Хмѣлевскаго не принадлежитъ разсмотрѣнію коммерческаго суда, ибо предметъ страхованія заключается въ одной недвижимости безъ товаровъ.

Въ семь положеній титулярный совѣтникъ Хмѣлевскій обратился въ министерство юстиціи съ просьбою указать ему то мѣсто, куда онъ долженъ предъявить свой искъ, такъ какъ за исключеніемъ вышеупомянутыхъ мѣстъ, отказавшихся отъ разсмотрѣнія его дѣла, онъ не находитъ въ законахъ болѣе никакого суда, свойственнаго дѣламъ сего рода.

По разсмотрѣніи настоящаго прошенія и по предварительномъ сношеніи со II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ министерства юстиціи было внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе слѣдующаго содержанія:

«Въ министерствѣ юстиціи возбужденъ вопросъ: какому судебному мѣсту надлежитъ приносить жалобы на уклоненіе страховыхъ отъ огня обществъ отъ назначенія посредниковъ для разбора возникающихъ споровъ третейскимъ судомъ?»

«Въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ постановлено, что споры объ убыткахъ между обществомъ и хозяевами застрахованныхъ домовъ подлежатъ вѣдомству третейскаго суда (св. 1842 г. т. X зак. гражд. ст. 3237), что судъ сей каждый разъ соста-

вляется формальною записью спорящихъ сторонъ (ст. 3239), и что жалобы на уклоненіе одной изъ спорящихъ сторонъ отъ выбора посредника и отъ составленія записи приносятся тому судебному мѣсту, коему дѣла того общества подвѣдомы (ст. 3241), но какому судебному мѣсту дѣла общества подвѣдомы, о томъ въ существующихъ узаконеніяхъ не сказано».

«Подсудность дѣлъ опредѣляется: въ дѣлахъ вотчинныхъ положеніемъ имущества въ спорѣ состоящаго (ст. 2651), а въ дѣлахъ исковыхъ, къ коимъ принадлежатъ и всѣ споры по договорамъ и обязательствамъ, мѣстопребываніемъ отвѣтчика (ст. 2734)».

«Возникшій по дѣлу Рубинраута споръ относится не къ праву собственности на принятый обществомъ на страхъ домъ, а лишь къ исполненію принятаго обществомъ обязательства вознаграждать хозяина застрахованнаго дома въ случаѣ пожара. Сіе дѣло есть не тяжбное, а исковое и по общему порядку должно бы подлежать вѣдомству суда, коему подсудно общество, которое въ семъ случаѣ есть отвѣтчикъ. Но законъ, установивъ для дѣлъ сего рода особый такъ называемый узаконенный третейскій судъ, съ тѣмъ вмѣстѣ предписавъ, статью 3241 т. X зак. гражд., чтобы въ случаѣ уклоненія одной изъ сторонъ отъ избранія посредника, оный назначался тѣмъ судебнымъ мѣстомъ, коему подвѣдомы дѣла того общества. Въ семъ постановленіи очевидно особенное покровительство, даруемое законами обществамъ, ибо и въ томъ даже случаѣ, еслибъ не общество, а состояція съ нимъ въ спорѣ частныя лица, стали уклоняться отъ выбора посредниковъ, и тогда назначеніе оныхъ предоставляется не тому суду, коему подвѣдомы лица, а тому, въ чьемъ вѣдомствѣ состоятъ дѣла общества. На основаніи означенныхъ выше сего общихъ постановленій о различіи между дѣлами вотчинными и исковыми, вѣдомство суда по снмъ послѣднимъ, т. е. по договорамъ и обязательствамъ опредѣляется мѣстомъ пребыванія спорящихъ. Всякое общество или товарищество есть

въ такомъ случаѣ ничто иное, какъ лицо юридическое и мѣстомъ пребыванія его должно почитаться то, гдѣ сосредоточены всѣ его дѣла и гдѣ находится его правленіе, которое представляетъ собою все общество. Хотя въ законахъ гражданскихъ нѣтъ положительнаго опредѣленія подсудности и мѣста пребыванія товариществъ на акціяхъ, но совершенно согласными съ вышеобъясняемымъ оказываются постановленія ст. 1373 св. уст. торг. о товариществѣ торговомъ (полномъ или на вѣрѣ), коего мѣстомъ жительства и пребыванія по дѣламъ всего товарищества касающимся, почитается то, въ коемъ находится его фирма. На семъ основаніи дѣла страховыхъ отъ огня обществъ, а слѣдовательно и избраніе за нихъ посредниковъ, когда общества отъ сего уклоняются, должны бы были подлежать судебному по принадлежности мѣсту въ С. Петербургѣ, гдѣ общества имѣютъ свои правленія».

«Въ спорѣ, по поводу коего возбужденъ настоящій вопросъ, повѣренный Рубиранта прибѣгалъ съ жалобой своею къ С. Петербургскому коммерческому суду, и по сему слѣдуетъ рассмотреть: принадлежать ли дѣла страховыхъ отъ огня обществъ, по дѣйствующимъ законамъ, къ вѣдомству сего суда, какъ особенно для дѣлъ торговыхъ учрежденнаго, или же къ вѣдомству общихъ судовъ, установленныхъ для гражданскихъ дѣлъ».

«Въ семъ отношеніи, необходимо замѣтить, что какъ въ законахъ дѣла всѣхъ вообще товариществъ на акціяхъ не подчинены особому вѣдомству коммерческаго суда, а напротивъ самый договоръ о товариществѣ на акціяхъ и правила о компаніяхъ сего рода помѣщены въ сводѣ законовъ гражданскихъ и на нихъ въ уставѣ торговомъ (ст. 644) только сдѣлана ссылка, то дѣла сихъ товариществъ могутъ быть изъяты изъ вѣдомства судовъ общихъ и подчинены суду коммерческому, развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда предметъ компаніи, по свойству своему, принадлежитъ къ оборотамъ торговымъ и когда, по статьѣ 1848 зак. гр., общество обязано ежегодно снабжать себя,

соотвѣтственно складочному капиталу своему, подлежащимъ торговымъ свидѣтельствомъ. Хотя въ статьѣ 2 свода устава торговаго и упомянуто въ числѣ торговыхъ дѣйствій о содержаніи страховыхъ конторъ, но другою статьею (1174) опредѣлены именно предметы вѣдомства коммерческаго суда и постановлено, что сей судъ вѣдаетъ всѣ иски по торговымъ оборотамъ и по договорамъ и обязательствамъ торговлѣ свойственнымъ между частными лицами всѣхъ состояній и затѣмъ въ ст. 1175 и 1176 при исчисленіи дѣйствій и обязательствъ признаваемыхъ торговыми и свойственными торговлѣ, упомянуто не о страхованіи вообще, а лишь о дѣлахъ по застрахованію морскому. Изъ уставовъ страховыхъ отъ огня обществъ видно, что оныя не обязаны снабжать себя торговыми свидѣтельствами, изъ чего и слѣдуетъ заключить, что оныя, согласно ст. 1848 св. зак. гр. и ст. 1171 и 1176 уст. тор., по предмету своему не суть общества торговыя и не могутъ быть подсудны суду коммерческому».

«При отрицательномъ такимъ образомъ разрѣшеніи вопроса о подсудности страховыхъ отъ огня обществъ судамъ коммерческимъ, остается разрѣшить вопросъ, какое именно изъ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстъ должно составлять первую для дѣлъ означенныхъ обществъ инстанцію».

«Въ семь отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что къ предметамъ вѣдомства судовъ уѣздныхъ отнесены иски, предъявляемые на дворянъ и сельскихъ обывателей, а къ вѣдомству магистратовъ иски, предъявляемые на купцовъ и мѣщанъ; но какъ по ст. 644 св. уст. торг. товарищества по участкамъ или компаніи на акціяхъ допускаютъ по существу своему участниковъ изъ всѣхъ состояній, то они не могутъ быть подчинены ни уѣзднымъ судамъ, ни магистратамъ. Если же подчинить дѣла учрежденныхъ въ С-тъ Петербургѣ страховыхъ отъ огня обществъ судебному мѣсту первой степени, то было бы болѣе соотвѣтственнымъ учрежденію и опредѣленному для существующихъ нынѣ въ С-тъ Пе-

Петербургъ судебныхъ мѣстъ кругу дѣйствія, отнесеніе дѣлъ се-го рода къ вѣдомству гражданскаго надворнаго суда, учрежденнаго для всѣхъ споровъ по долгамъ и обязательствамъ лицъ, не имѣющихъ недвижимой собственности ни въ С-тъ Петербургъ, ни въ С-тъ Петербургской губерніи и не принадлежащихъ ни къ купечеству, ни къ мѣщанству здѣшняго города, а пребывающихъ въ С-тъ Петербургъ по дѣламъ службы, или по собственнымъ своимъ дѣламъ, промысламъ и упражненіямъ, а также и иногородныхъ и разночинцевъ. Впрочемъ при опредѣленіи вѣдомства дѣлъ страховыхъ обществъ слѣдуетъ принять въ особенное соображеніе самый многосложный составъ оныхъ, огромные капиталы имъ принадлежащіе, разнородность дѣлъ ихъ и обширность круга ихъ дѣйствій и посему было-бы необходимо опредѣлить для подсудности ихъ инстанцію по степени и составу своему болѣе соответствующую всѣмъ симъ обстоятельствамъ. Законы подчиняютъ нѣкоторые дѣла непосредственному вѣдомству палаты гражданскаго суда въ первой степени. Такъ, на основаніи ст. 2228 и 2259 общ. губ. учр. и примѣчанія къ сей послѣдней (по прод. XII), отнесены къ вѣдомству палаты гражданскаго суда въ первой инстанціи: дѣла о недвижимомъ въ разныхъ губерніяхъ или уѣздахъ лежащемъ имѣніи, искъ, къ коимъ прикосновенны нѣсколько отвѣтчиковъ, живущихъ въ разныхъ губерніяхъ или разныхъ уѣздахъ одной губерніи, дѣла по тяжбамъ объ общественной городской собственности и наконецъ дѣла по спорамъ о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности и художествъ. Сіе правило не только безъ неудобствъ, но и съ пользою можетъ быть распространено на дѣла страховыхъ обществъ. Подобнымъ постановленіемъ устранились бы тѣ неудобства, съ коими было-бы соединено подчиненіе страховыхъ обществъ судебному мѣсту для одного какого-либо сословія исключительно учрежденному: ибо палата гражданскаго суда, по составу и вѣдомству своему, есть мѣсто общее для всѣхъ состояній».

Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ означенное представленіе, мнѣніемъ положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить:

«Дѣла страховыхъ отъ огня обществъ подлежатъ вѣдомству мѣстной гражданской палаты. На семъ основаніи, въ случаѣ спора объ убыткахъ между обществомъ и владѣльцами застрахованныхъ домовъ, жалобы на уклоненіе которой-либо стороны отъ выбора посредника и отъ составленія формальной записи, требуемой для учрежденія третейскаго суда, приводятся мѣстной гражданской палатѣ, которая, какъ въ ст. 3241 зак. гражд. (т. х.) означено, истребовавъ по таковой жалобѣ отъ уклоняющейся стороны объясненіе, назначаетъ вмѣсто ея отъ себя посредниковъ».

Такое мнѣніе Государственнаго Совѣта, удостоенное Высочайшаго утвержденія 21-го октября 1857 года, вошло въ составъ 1190 и примѣч. къ 1194 ст. X т. 2 части св. зак. изд. 1857 года.

Вышеозначенное мнѣніе Государственнаго Совѣта привело въ ясность два вопроса, оставшіеся неразрѣшенными прежними узаконеніями, а именно 1-е) чѣмъ опредѣляется подсудность страховыхъ отъ огня обществъ, мѣстомъ ли пребыванія правленій тѣхъ обществъ, или мѣстомъ нахождения застрахованнаго имущества и 2) какому именно судебному мѣсту дѣла страховыхъ обществъ подвѣдомы.

Первый изъ сихъ вопросовъ разрѣшенъ тѣмъ, что дѣла страховыхъ обществъ отъ огня подчинены *мѣстной* гражданской палатѣ. Употребленное въ мнѣніи Совѣта слово *мѣстной*, по связи съ тѣми разсужденіями, которыя изложены были въ представленіи министерства юстиціи, относится къ гражданской палатѣ не по мѣсту нахождения застрахованнаго имущества, а по мѣсту пребыванія правленія общества. По крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ разрѣшено было въ 1858 году общимъ собраніемъ Пра-

вительствующаго Сената недоумѣніе, возникшее въ дѣлѣ купчихи Буртовой. Определеніемъ Сената, по сему дѣлу состоявшимся, предоставлено Буртовой съ жалобой своею на уклоненіе 2-го страховаго отъ огня общества отъ третейскаго разбирательства обратиться въ С. Петербургскую гражданскую палату, не смотря на то, что застрахованное имущество находилось въ Одессѣ.

Второй вопросъ разрѣшенъ тѣмъ, что дѣла страховыхъ обществъ подчинены не коммерческимъ судамъ, а изъ общихъ судебныхъ мѣстъ инстанціямъ не первой степени, т. е. уѣзднымъ судамъ, магистратамъ и надворнымъ судамъ, а гражданской палатѣ, подобно тому, какъ палатѣ же подчинены дѣла по спорамъ о литературной собственности и объ имуществахъ, въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ находящихся.

VI.

Дѣла, коихъ предметъ цѣною не ниже 50 руб. сер., могутъ поступать въ апелляціонномъ порядкѣ въ гражданскія палаты. Посему, при существующемъ въ 500 ст. 2 ч. Х т. св. зак. гр. и 4051 ст. 1 ч. 2 т. св. губ. учр. противорѣчіи относительно суммы исковъ, допускающей переходъ дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ изъ судовъ 1-й степени, слѣдуетъ руководствоваться тѣмъ закономъ, который воспрещаетъ право переноса въ суды 2 степени только такихъ дѣлъ, предметъ коихъ ниже 50 руб.

Поручикъ Тихменевъ предъявилъ къ дѣйствительной статской совѣтницѣ Иноземцовой и вдовѣ дьячка Снегиревой искъ объ участкѣ земли при ихъ домѣ въ Москвѣ.

Спорная земля оцѣнена въ 30 руб. сер. и на эту оцѣнку Иноземцева и Снегирева не жаловались.

2-й департаментъ Московскаго уѣзднаго суда, по разсмотрѣніи дѣла, отказавъ Тихменеву въ искѣ, заключилъ объявить рѣшеніе тяжущимся частнымъ порядкомъ, на основаніи 3847 ст. II т. св. зак. изд. 1842 г. (4031 изд. 1857 г.), такъ какъ цѣна иска не превышаетъ 30 руб. серебромъ.

1-й департаментъ Московской гражданской палаты, въ слѣдствіе жалобы поручика Тихменева, принявъ въ основаніе 2500 ст. X т. зак. гражд. изд. 1842 г. (500 ст. ч. II т. X изд. 1857 г.), по которой допускаются апелліаціи на рѣшенія судовъ 1-й инстанціи въ дѣлахъ цѣною не ниже 30 руб. сер., предписалъ уѣздному суду объявить опредѣленіе участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ порядкомъ апелляціоннымъ.

Въ слѣдствіе сего, дѣло по апелляціи Тихменева поступило въ гражданскую палату.

На означенное распоряженіе гражданской палаты дѣйствительная статская совѣтница Иноземцева и вдова Снегирева жаловались 7-му департаменту Сената; но 7-й департаментъ не вошелъ въ разсмотрѣніе сей жалобы, за силою 1 п. 2494 ст. X т. изд. 1842 г. по малоцѣнности предмета тяжбы.

Послѣ смерти Иноземцевой, мужъ ея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иноземцевъ, принесъ на опредѣленіе 7-го департамента всеподданнѣйшую жалобу, которая по Высочайшему повелѣнію внесена въ общее собраніе Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Общее собраніе, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, нашло, что въ 500 ст. 2-й части X т. св. зак. гражд. изд. 1857 г. постановлено: на рѣшительныя опредѣленія судебныхъ мѣстъ первой степени, и въ томъ числѣ уѣздныхъ судовъ, допускается апелляція въ дѣлахъ, коихъ предметъ цѣною не ниже 30 р. с.

По точному смыслу сей статьи слѣдуетъ, что на рѣшенія судовъ 1-й степени въ дѣлахъ, коихъ цѣна ровно въ 30 р. сер., должна быть предоставляема апелляція.

Въ статьѣ же 4031 общ. губ. учр. т. II ч. 1 св. зак., имѣющей одинаковую силу съ вышеприведенною, изъяснено, что по дѣламъ гражданскимъ уѣздный судъ рѣшаетъ окончательно, безъ апелляціи, всѣ дѣла, не превышающія 30 руб. сер.

По содержанию этого закона слѣдуетъ, что на рѣшенія уѣздныхъ судовъ въ дѣлахъ, коихъ цѣна ровно въ 30 рублей серебромъ, не должна быть предоставляема апелляція.

Очевидно, что обѣ статьи, вмѣстѣ взятыя, не могутъ почитаться одинаково истинными; ибо одною безусловно дозволяется то, что безусловно запрещается другою.

Посему, для разрѣшенія подлежащаго по настоящему дѣлу вопроса надлежитъ опредѣлить: каковъ долженъ быть истинный смыслъ закона относительно дѣлъ, въ коихъ цѣна иска равняется суммѣ, установленной для права переноса.

Для сего слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію источниковъ, изъ коихъ возникли, и на коихъ основаны правила, содержащіяся въ приведенныхъ статьяхъ свода законовъ.

Установленіе опредѣленной цѣны иска, съ которою связано право переноса дѣлъ по апелляціи изъ нижнихъ въ высшія судебныя инстанціи, въ первый разъ послѣдовало въ 1775 году въ учрежденіи о губерніяхъ.

Въ относящихся къ сему предмету 132, 175, 201, 286, 317, 342, 361, 454 и 483 пунктахъ учрежденія принято одно и то же правило: переносъ запрещается, буде тяжба идетъ о дѣлѣ, коего цѣна ниже опредѣленной суммы.

Тоже самое запрещеніе оставлено въ силѣ и Именнымъ указомъ Императора Павла I-го 22-го января 1798 года. (:П. С. З. № 18,335), когда потребовалось подчинить общему порядку апелляцію на коллегіи.

Въ этомъ видѣ коренное правило учрежденія о губерніяхъ всегда существовало, и никогда положительный законъ не замѣнялъ его другимъ правиломъ.

Когда съ уничтоженіемъ средних присутственныхъ мѣстъ, учрежденныхъ въ 1775 году, оказалась необходимость примѣ-

нить правила объ апелляціи къ новой системѣ судоустройства, Сенатъ въ 1 пунктѣ доклада своего, Высочайше утвержденнаго 13-го апрѣля 1799 года (П. С. З. № 18,932), постановилъ: дѣла, коиъ искъ составлять будетъ свыше 25 руб., изъ нижнихъ мѣстъ переносить въ палаты суда и расправы: но этому выраженію «свыше» самъ Сенатъ не придавалъ, какъ видно, особеннаго и рѣшительнаго значенія, ибо въ слѣдующемъ пунктѣ исключаются изъ переноса только тѣ дѣла, «коиъ искъ цѣною составляетъ ниже 25 руб.», слѣдовательно этотъ законъ насколько не отмѣняетъ прежняго правила.

Точно также не отмѣняетъ онаго и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 1812 г. (указъ 30-го сентября 1812 г. П. С. З. № 25242:) о томъ, какимъ порядкомъ слѣдуетъ производить оцѣнку тяжбы или иска для апелляціи въ Сенатъ.

Въ докладѣ Сената, восходившемъ на Высочайшее усмотрѣніе, изъяснено, что буде окажется цѣна иску свыше 500 р., то къ апелляціи допускать, но далѣе въ семъ же докладѣ положено не давать апелляціи токмо въ суммѣ меньшей 500 р., а въ самомъ мнѣніи Государственнаго Совѣта докладъ сей принять въ смыслѣ постановленія о томъ, какіе именно случаи могутъ быть принимаемы къ переносу дѣлъ въ Сенатъ по апелляціи, коиъ цѣна исковъ ниже 500 р.

Вышеозначенное допущенное въ редакціи сего доклада противорѣчіе послужило въ 1817 г. поводомъ къ возбужденію вопроса, во всемъ подобнаго настоящему.

Саратовская гражданская палата, основываясь на указѣ 1812 г., не допустила апелляціи по дѣлу, въ коемъ сумма иска составляла 500 р., но не болѣе. Правительствующій Сенатъ разъяснилъ ей и прочимъ мѣстамъ повсемѣстно разосланными указами (8-го февраля 1817 г. полн. соб. зак. № 26.662), что хотя слова, употребленныя въ законѣ 1812 г., могутъ быть разумѣмы двояко, но тогдашній докладъ Сената получалъ Высочайшее утвержденіе единственно до такой степени, въ которой

переносъ дѣлъ въ Сенатъ допускаемъ быть можетъ безъ нарушенія коренныхъ правилъ закона, а коренное правило, изображенное въ 132 ст. учрежденія о губерніяхъ, ясно говоритъ, что переносъ дѣлъ изъ палаты въ Сенатъ запрашивается, буде тяжба идетъ о дѣлѣ, котораго цѣна ниже 500 р., слѣдовательно переносъ дѣла о 500 р. безпрекословно позволяется.

Сіе коренное правило, признанное учрежденіемъ о губерніяхъ относительно Сената, точно въ такой же силѣ признано имъ въ другихъ пунктахъ и относительно прочихъ судебныхъ инстанцій, слѣдовательно и нынѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ въ 1-хъ, что правило сіе одинаково должно быть примѣняемо къ праву апелляціи гражданской палатъ на рѣшенія нисшихъ присутственныхъ мѣстъ; во 2-хъ, что сему коренному правилу вполне соответствуетъ редація 500 ст. 2 ч. X т. св. зак. гражд. (изд. 1857 г.); а редація 4031 ст. I ч. II т. св. общ. губ. учрежд. противорѣчить сему правилу тѣмъ болѣе, что и приведенныя подъ сею послѣднею статьею цитаты ничего рѣшительно противнаго сему правилу въ себѣ не содержатъ.

По всѣмъ симъ соображеніямъ общее собраніе Правительствующаго Сената опредѣленіемъ, состоявшимся въ 1859 году, признавъ правильнымъ постановленіе 1-го департамента Московской гражданской палаты о предоставленіи Тихменеву права апелляціи на рѣшеніе Московскаго уѣзднаго суда, положило: всеподданнѣйшую жалобу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Иноземцева оставить безъ уваженія.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла заявлено было заключеніе, несогласное съ вышензложеннымъ. Лица, участвовавшія въ постановленіи сего заключенія, находили, что въ сѣмъ дѣлѣ главное основаніе къ разрѣшенію представляютъ 4031 ст. I ч. II т. св. общ. губ. учрежд. и 500 ст. 2 ч. X т. св. зак. гражд. Первая заключается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «по дѣламъ гражданскимъ уѣздный судъ рѣшаетъ окончательно *безъ апелляціи* всѣ дѣла, не превышающія 30 руб. серебр.» Вторая въ

слѣдующихъ: «на рѣшительныя опредѣленія судебныхъ мѣстъ 1-й степени, т. е. уѣздныхъ судовъ, надворныхъ судовъ, магистратовъ и ратушь допускается апелляція въ дѣлахъ, копѣхъ предметъ цѣною не ниже 30 руб. серебр.» Очевидно, что статья 4031 II т. положительнѣе и опредѣлительнѣе выражаетъ прямой смыслъ закона. Статья же 500 X т, хотя съ перваго взгляда и вводитъ въ нѣкоторое недоумѣніе перифразою: *не ниже 30 руб. сер.*; но въ существѣ заключаетъ одинъ и тотъ же смыслъ и должна вполне соответствовать статьѣ 4031-й; иначе въ сей послѣдней статьѣ не было бы сказано: «*безъ апелляціи*», да и цѣна иска Тихменева дѣйствительно *не ниже 30 руб. сер.*, а ровно 30 руб. сер., слѣдовательно искъ его не можетъ восходить далѣе уѣзднаго суда и не подлежитъ апелляціи. По симъ соображеніямъ лица, участвовавшія въ постановленіи настоящаго заключенія, полагали: рѣшеніе 2-го департамента Московскаго уѣзднаго суда по настоящему дѣлу, на основаніи 633 ст. 1 ч. X т. св. зак. гражд., признать вступившимъ въ окончательную законную силу.

Вышензложенныя обстоятельства показываютъ, что между 500 ст. 2 ч. X т. св. зак. гр. и 4031 ст. 1 ч. II т. св. учр. губ. существуетъ противорѣчіе относительно суммы иска, допускающей переносъ дѣлъ изъ судовъ 1-й въ суды 2-й степени. Это противорѣчіе, вкравшееся въ наше законодательство около 50 лѣтъ тому назадъ, могло бы быть уничтожено исправленіемъ редакціи подлежащихъ статей свода, въ порядкѣ законодательномъ. Въ такомъ именно порядкѣ предполагалось дать ходъ возбужденному въ дѣлѣ Иноземцева вопросу, но это предположеніе не состоялось потому, что въ настоящее время составленъ уже проектъ новаго устава гражданскаго судопроизводства, что въ этомъ проектѣ суммы для переноса дѣлъ въ высшія инстанціи измѣнены, и что въ статьяхъ новаго устава сюда относящихся неясности или противорѣчій не встрѣчается.

Б. ПНОСТРАННАЯ.

Въ октябрьской книжкѣ журнала министерства юстиціи сообщенъ былъ процессъ по обвиненію Куртильяка въ покушеніи на убійство полицейскаго чиновника Прево.

Приэтомъ изложены были соображенія, въ объясненіе рѣшенія суда, по которому дѣло было передано разсмотрѣнію другихъ присяжныхъ.

Означенныя соображенія подкрѣпляются теперь послѣдовавшимъ по дѣлу новымъ приговоромъ присяжныхъ.

Вотъ какимъ образомъ отзывается газета, изъ которой извлеченъ процессъ Куртильяка, объ этомъ интересномъ случаѣ:

При послѣднемъ засѣданіи суда ассизовъ въ департаментѣ Геро случилось обстоятельство чрезвычайно важное и рѣдкое въ лѣтописяхъ нашего уголовного суда, по поводу обвиненія Куртильяка въ покушеніи на убійство полицейскаго чиновника, во время исполненія симъ послѣднимъ своихъ обязанностей.

По этому дѣлу послѣдовалъ 10-го августа приговоръ присяжныхъ, коимъ Куртильякъ былъ признанъ виновнымъ: 1) въ покушеніи на убійство полицейскаго чиновника Прево, и 2) въ совершеніи этого покушенія надъ полицейскимъ чиновникомъ во время исполненія, или по поводу исполненія имъ своихъ обязанностей,—безъ смягчающихъ вину обстоятельствъ (*circumstances atténuantes*).

По выслушаніи этого приговора, президентъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія суда, объявилъ слѣдующее рѣшеніе:

Такъ какъ судъ убѣжденъ въ томъ, что присяжные хотя и соблюли всѣ формы, но ошиблись въ существѣ дѣла, то, основываясь на 352 ст. уголов. кодекса, судъ признаетъ приговоръ присяжныхъ несостоявшимся и отлагаетъ дѣло до слѣдующаго засѣданія.

Въ слѣдствіе этого рѣшенія суда обвиненіе противу Куртильяка было вновь представлено на разсмотрѣніе суда ассизовъ.

Понятно, что разномысліе, выразившееся между судомъ и присяжными въ послѣднемъ засѣданіи по вопросу о виновности подсудимаго, должно было имѣть большое вліяніе на новыхъ присяжныхъ.

Генераль-адвокатъ въ энергической рѣчи изобразилъ всю важность преступленія Куртильяка и, обращаясь къ совѣсти присяжныхъ, представилъ имъ, что совершенное оправданіе или обвиненіе, несоразмѣрное съ важностію преступленія, было бы слишкомъ чувствительно для справедливости, при рѣдкихъ, исключительныхъ обстоятельствахъ дѣла, подвергнутаго вторичному обсужденію. Адвокатъ Дельнешъ защищалъ обвиняемаго.

Присяжные отвѣчали утвердительно въ отношеніи вопросовъ: 1) о покушеніи Куртильяка на убійство Прево; 2) о совершеніи этого покушенія надъ полицейскимъ чиновникомъ во время исполненія имъ своихъ обязанностей, и 3) о предумышленности въ покушеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ присяжные объявили въ пользу подсудимаго смягчающія вину обстоятельства.

Въ слѣдствіе этого рѣшенія судъ приговорилъ Куртильяка къ каторжной работѣ на 6 лѣтъ.

ПРОЦЕССЪ ЛЕОНІИ ШЕРО.

Въ истекшемъ 1859-мъ году въ Парижѣ совершенно было чрезвычайно оригинальное преступленіе, послужившее поводомъ къ процессу, о которомъ было много говорено во всѣхъ почти иностранныхъ и русскихъ журналахъ.

Дѣвица Леонія Шеро была обвинена въ похищеніи груднаго младенца, сына г-на Гюа.

Возникшій по этому поводу процессъ, кромѣ интереса фактическаго, замѣчательнъ по способу его разрѣшенія судомъ присяжныхъ.

Вотъ какъ отзывается объ этомъ происшествіи журналъ, изъ котораго извлечены свѣдѣнія о настоящемъ процессѣ.

Нужно перенестись въ весьма отдаленныя времена, чтобы припомнить такое необыкновенное стеченіе публики въ залѣ суда ассизовъ. Мы думаемъ, что публика была привлечена въ залу ассизовъ не изъ одного простаго любопытства. Это стеченіе публики показываетъ ту общую симпатію, то живое участіе, которыя весь Парижъ и вся Франція приняли въ положеніи матери, едва не лишившейся разсудка отъ тревогъ и печали. Происшествіе, о которомъ идетъ рѣчь, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ происшествій. Въ настоящее время воровство случается весьма часто, но дѣтей болѣе не крадутъ. Чтобы найти примѣръ подобнаго преступленія, нужно перенестись ко временамъ Эсмеральды и Шантлеры, мученія которыхъ, столь живо описанныя знаменитымъ авторомъ *Notre Dame de Paris*, заставляли насъ содрогаться отъ негодованія. Настоящее дѣло было сперва покрыто тайною, волновавшею всеобщее любопытство и воображеніе. Для объясненія причинъ

этого страннаго преступленія прибѣгли ко всевозможнымъ предположеніямъ. Даже теперь трудно понять, какимъ образомъ молодая дѣвушка, недостигшая еще 17 лѣтъ, могла имѣть столько хитрости, чтобы обмануть весьма опытныхъ людей. Леонія Шеро, какъ справедливо замѣтилъ ея защитникъ, не можетъ быть сравнена ни съ одною изъ своихъ сверстницъ. Это натура печально оригинальная: говорятъ, что она потеряла рассудокъ отъ любви и болѣзни. Свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ люди утверждаютъ, что она страдала какою-то таинственною болѣзнію, которая при дурномъ воспитаніи, могла привести къ весьма пагубнымъ послѣдствіямъ. Эта несчастная дѣвушка лишилась отца, будучи еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Она съ раннихъ лѣтъ была свидѣтельницею весьма дурныхъ примѣровъ и, чтобы не сказать болѣе, была дурно выдержанная дѣвушка. Судя по внѣшности, Леонію Шеро можно принять за благовоспитанную дѣвушку; она кажется весьма скромною, такъ что, видя ее, никакъ нельзя подумать, чтобы она могла быть способна на ту смѣлость, которую доказала. Она очень прилично одѣта, маленькаго роста, но пріятной наружности. Кромѣ подсудимой, вниманіе публики привлекаютъ Жоржъ Пріеръ, любовникъ Леоніи, и кормилица ребенка г-на Гюа.

Жоржъ Пріеръ довольно печальный герой романа; онъ занимаетъ мѣсто прикащика въ магазинѣ; онъ имѣетъ видъ самоувѣренности, не свойственной его возрасту. Что касается кормилицы, то говорятъ, что она намѣрена предъявить искъ къ Леоніи, какъ причинившей большой вредъ ея репутаціи. Занявъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, Леонія Шеро сперва рыдаетъ, находясь подъ вліяніемъ нервнаго припадка; но чрезъ нѣсколько времени, ободряемая своимъ защитникомъ, она успокоивается. Представителемъ министерства является генеральный адвокатъ г. Барбіе, защитникомъ подсудимой знаменитый адвокатъ г. Лашо.

Послѣ этого изображенія внѣшней обстановки разыгранной въ залѣ ассизовъ драмы, журналъ, изъ котораго извлеченъ

процессъ Шеро, описываетъ самый ходъ происходившихъ по сему предмету дебатовъ.

Послѣ сдѣланныхъ президентомъ суда обычныхъ вопросовъ подсудимой о ея лѣтахъ, имени и званіи, прочтенъ былъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

«Подсудимая Леонія Жозефина Шеро и ея мать, вдова чиновника, жили вмѣстѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Орлеанѣ. Въ сентябрѣ 1858 года онѣ приняли въ свой домъ молодаго человѣка Жоржа Приера, пріѣхавшаго въ Орлеанъ съ своею матерью, съ тѣмъ, чтобы присутствовать на свадьбѣ сестры. Вдова Шеро и вдова Приеръ находились давно въ дружескихъ отношеніяхъ между собою; Жоржъ и Леонія Шеро знали другъ друга съ дѣтскаго возраста.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Жоржа Приера въ Орлеанъ, потому ли, что онъ воспользовался молодостію и неопытностію Леоніи, или по собственному ея расположенію къ молодому человѣку, между ними установились весьма близкія отношенія.

Черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда Жоржа, вдова Шеро и ея дочь пріѣхали въ Парижъ, гдѣ оставались около двухъ недѣль.

Вдова Шеро поселилась у пріятельницы своей г-жи Мерсіе, а Леонія была принята бывшею содержательницею того пансіона, гдѣ она воспитывалась, г-жею Расинъ. Но вмѣсто того, чтобы наблюдать за Леоніею, г-жа Расинъ по своему непростительному равнодушію нѣкоторымъ образомъ способствовала сближенію Леоніи съ Жоржемъ Приеромъ, котораго она нѣсколько разъ посѣщала.

По возвращеніи Леоніи въ Орлеанъ, между нею и Приеромъ установилась переписка. Леонія вознамѣрилась выйти замужъ за Жоржа, не смотря на то, что онъ повидимому не одобрялъ этой надежды.

Тогда-то преждевременно дурно развитія понятія Леоніи привели ея къ мысли осуществить свое намѣреніе во чтобы-то ни стало.

Съ этою цѣлію она употребила хитрость, которая облачаетъ въ ней необычайную смѣлость и безнравственность: она притворилась беременною, въ томъ предположеніи, что важность и непріятныя послѣдствія такого положенія заставятъ Пріера исполнить ея желаніе.

Она увѣдомила Пріера о своемъ положеніи и въ нѣсколькихъ письмахъ подтверждадала этотъ обманъ.

Между тѣмъ Леонія никакимъ образомъ не могла дѣйствительно обмануться на счетъ своего положенія. Она была больна во время своей притворной беременности и пользовалась у двухъ докторовъ, которые непременно бы замѣтили такое положеніе Леоніи, еслибъ она дѣйствительно была беременна. Но ни они, ни мать Леоніи и никто изъ лицъ, посѣщавшихъ ее, не замѣтили въ ней ни малѣйшаго признака беременности. Наконецъ Леонія сама созналась, что въ началѣ весны она не могла имѣть на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Тѣмъ не менѣе она продолжала обманывать Пріера, не смотря на то, что онъ на каждое ея увѣдомленіе объ этомъ отвѣчалъ ей съ чрезвычайною грубостію.

Но Леонія не теряла надежды. Она сперва вознамѣрилась взять ребенка какихъ нибудь бѣдныхъ родителей или въ сиротскомъ домѣ подѣ предлогомъ усыновленія и выдать его за своего собственнаго ребенка. Съ этою цѣлію она тайно пріѣхала въ Парижъ 2-го сентября, такъ какъ предпринятая ею въ Орлеанѣ за двѣ недѣли предъ тѣмъ попытка ей не удалась.

Одна женщина согласилась дать Леоніи своего ребенка для усыновленія, но она не приняла его, потому что ей нуженъ былъ ребенокъ не старѣе двухъ мѣсяцевъ.

Слѣдствіемъ не обнаружено, была ли мать Леоніи предувѣдомлена объ ея отъѣздѣ; но извѣстно только то, что вдова Шеро пріѣхала на другой же день, 3-го сентября, въ Парижъ и принялась отыскивать тамъ свою дочь.

Мать и дочь встрѣтились случайно въ той самой улицѣ, гдѣ находится магазинъ, въ которомъ Пріеръ работаетъ въ качествѣ прикащика.

Леонія вызвала Пріера и объявила ему, что она родила ребенка, онъ не повѣрилъ ей и они разстались, но Леонія не поколебалась въ своемъ намѣреніи.

Съ этихъ поръ Леонія начинаетъ приводить въ дѣйствіе ту систему лжи, которую она не оставила до самого дня ея арестованія, и которая ясно показываетъ, что она слѣдовала заранѣе обдуманному плану.

Послѣ разговора ея съ Пріеромъ, она осталась съ г-жею Монкуръ, подругою ея матери, которая ее сопровождала. Она открыла этой дамѣ по секрету, что она была беременна и родила ребенка. Г-жа Монкуръ передала эту новость ея матери и Леонія, спрошенная г-жею Шеро, подтвердила свое признаніе.

Она объявила, что чувствуя приближеніе родовъ, вступила въ сношеніе съ неизвѣстною ей женщиною, живущею въ Сень-Марскомъ предмѣстьи въ Орлеанѣ. По ея просьбѣ, эта женщина познакомила ее съ повивальною бабкою, равнымъ образомъ ей неизвѣстною, которая согласилась оказать ей свои услуги. 10-го іюня, во время отсутствія матери, при содѣйствіи повивальной бабки, она родила ребенка, который и былъ унесенъ этою женщиною.

Къ этому Леонія присовокупила, что она послѣ того видѣла нѣсколько разъ своего ребенка вмѣстѣ съ повивальною бабкою на одной площади, и что они вмѣстѣ съ нею ѣздили въ Парижъ, гдѣ и потеряла ее изъ виду.

Въ послѣдствіи, чтобы убѣдить свою мать въ томъ, что она дѣйствительно родила ребенка, Леонія приняла участіе въ поискахъ, предпринятыхъ вдовою Шеро для открытія ребенка.

10-го сентября Леонія, вѣрная своему намѣренію, объявила, что она снова видѣла повивальную бабку, которая ей будто-бы

сказала, что ребенокъ находится въ домѣ г-жи Лебренъ въ Парижѣ, и 15 числа она съ согласія своей матери отправилась туда подъ предлогомъ отысканія ребенка.

16-го числа Леонія съ 9-ти часовъ утра гуляла въ тюльерійскомъ саду и ждала съ нетерпѣніемъ благоприятнаго случая, который наконецъ дѣйствительно представился.

Около часу по полудни кормилица Елена Гибо показала въ саду съ ребенкомъ г-на Гюа, судьи въ Сенскомъ трибуналѣ.

Леонія подошла къ ней и объявила, что она приходится теткою ребенку. Для объясненія этого родства она ловкимъ образомъ вызвала болтливость кормилицы и по видимому приняла большое участіе въ корыстныхъ жалобахъ этой женщины. Наконецъ она такъ искусно завладѣла довѣренностію кормилицы, что послѣ продолжительнаго разговора эта женщина согласилась исполнить просьбу Леоніи, предлагавшей ей пойти въ улицу Риволи съ какимъ то порученіемъ, и отдала на это время ребенка Леоніи.

Между тѣмъ какъ кормилица выходила изъ сада по направленію къ улицѣ Риволи, Леонія убѣжала съ ребенкомъ въ противоположную сторону.

Она спряталась сперва у г-жи Монкуръ, а послѣ у г-жи Мерсіе, снявъ предварительно съ ребенка одежду, которая по своей роскоши могла открыть ея тайну.

Она выражала самую живую радость и такъ нѣжно ласкала ребенка, что г-жи Монкуръ и Мерсіе повѣрили разсказу Леоніи.

Вечеромъ въ тотъ же день Леонія уѣхала въ Орлеанъ, гдѣ ребенокъ былъ отданъ ея матерью одной женщинѣ, Риго, занимавшейся воспитаніемъ малолѣтнихъ; при чемъ вдова Шеро и Леонія скрыли отъ этой женщины свои имена и свой адресъ.

Между тѣмъ это похищеніе, объявленное по просьбѣ г-на Гюа во всѣхъ журналахъ, произвело сильное впечатлѣніе. Примѣты ребенка и похитительницы были описаны во всей подробности.

По прошествіи нѣкотораго времени мужъ г-жи Риго, встревоженный тѣмъ, что лица, отдавшія его женѣ ребенка, не показывались, и боясь, чтобы ребенокъ этотъ не остался на его попеченіи, поспѣшилъ объявить объ этомъ происшествіи полицейскому комиссару.

Комиссаръ, предполагая, что ребенокъ могъ принадлежать г-ну Гюа, увѣдомилъ его о показаніи Риго и чрезъ нѣсколько часовъ Гюа могъ убѣдиться, что это дѣйствительно его сынъ, имъ такъ счастливо отысканный.

Леонія Шеро была немедленно арестована и вполне созналась въ взведенномъ на нее обвиненіи. Хотя между ея показаніемъ и объясненіемъ кормилицы существуетъ нѣкоторая разница, но такое различіе не имѣетъ никакой важности.

Подсудимая созналась во всѣхъ своихъ обманахъ, и открыла всѣ хитрости, къ которымъ она прибѣгала съ настойчивостію, увеличивающею ея вину.

Она исполняла свое намѣреніе съ самымъ опаснымъ искусствомъ; ее не останавливали ужасныя послѣдствія ея замысловъ, и если бы стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ и само провидѣніе не помогли отыскать похищенного ребенка, то родители его безвозвратно лишились бы своего сына.

По всему этому Леонія Жозефина Шеро обвиняется въ похищеніи и скрываніи ребенка г-на и г-жи Гюа.—

По прочтеніи изложеннаго обвинительнаго акта, президентъ приступилъ къ допросу обвиняемой.

Допросъ этотъ отличается своею необычайною подробностью.

Не отвергая пользы подобной системы предложенія вопросовъ подсудимымъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не замѣтить, что

въ настоящемъ случаѣ президентъ, увлекаясь желаніемъ открыть полную истину, неоднократно прибѣгалъ къ такимъ вопросамъ, которые, не относясь прямо къ предмету преступленія, должны были, по нашему мнѣнію, оскорблять какъ подсудимую, такъ и присутствовавшую при дебатахъ публику.

Намъ кажется, что прежде положительнаго обвиненія подсудимаго въ извѣстномъ преступленіи и слѣдовательно при существованіи возможности оправданія его, судья долженъ соблюдать всевозможную осторожность, для избѣженія вопросовъ, которые могутъ быть оскорбительны для чести обвиняемаго.

Такая осторожность въ особенности необходима, когда судится женщина, для которой самое появленіе въ залѣ ассизовъ предъ многочисленною публикою составляетъ уже весьма ощутительное наказаніе.

Иногда впрочемъ самый предметъ преступленія поставляетъ судью въ необходимость касаться такихъ вопросовъ, которые могутъ быть чувствительны для женской стыдливости. Но въ настоящемъ случаѣ предметъ преступленія главнымъ образомъ заключался въ похищеніи ребенка. Отношенія, существовавшія между Леонією и Пріеромъ, составляли обстоятельство побочное, не имѣвшее прямаго отношенія къ преступленію и потому, по нашему мнѣнію, президенту не предстояло надобности особенно настаивать на розысканіи причинъ и способовъ этого сближенія.

Подсудимая сама созналась въ существованіи близкихъ отношеній между нею и Пріеромъ, и не только не жаловалась на своего любовника, но напротивъ объяснила, что она сама старалась съ нимъ сблизиться.

Затѣмъ дальнѣйшія подробности объ этихъ отношеніяхъ, по нашему мнѣнію, представлялись совершенно излишними и не относились непосредственно къ обвиненію.

Между тѣмъ президентъ съ особенною настойчивостью допрашивалъ подсудимую, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ она сблизилась съ Пріеромъ, и непрерывно возвращаясь къ этому предмету, позволялъ себѣ иногда такія выраженія, которыя мы считаемъ неудобнымъ повторять, и потому выпускаемъ нѣкоторыя подробности допроса.

Весьма вѣроятно, что эта система допроса, возбуждая сожалѣніе въ отношеніи къ подсудимой, подвергавшейся нравственной пыткѣ, имѣла нѣкоторое, конечно косвенное, вліяніе на существо объявленнаго по настоящему дѣлу приговора присяжныхъ.

Президентъ началъ допросъ замѣчаніемъ, что подсудимая, судя по наружности и въ особенности по развитію идей, кажется гораздо старше, чѣмъ въ дѣйствительности.

Далѣе допросъ продолжался въ слѣдующемъ видѣ:

Президентъ: Вы не имѣете отца?

Леонія. Я лишилась его очень давно.

Презид. Вы получили религіозное образованіе?

Л. Да.

Презид. Однако вы имъ вовсе не воспользовались (*). Вы давно познакомились съ Жоржемъ Пріеромъ?

Л. Со времени свадьбы его сестры.

Презид. Я говорю не о тѣхъ отношеніяхъ, которыя къ несчастію, образовались между вами и Пріеромъ; я васъ спрашиваю не знали ли вы его прежде.

Л. Я видѣла его за два года до этой свадьбы.

Презид. Не смотря на то, что вы потеряли его изъ виду въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, вы не замедлили вступить съ нимъ въ сношенія, которыя я по приличію ограничусь названіемъ фамиліарныхъ, и которыя были гораздо фамиліарнѣе, чѣмъ позволяло ваше положеніе въ отношеніи къ молодому человѣку,

---

(*) Это замѣчаніе намъ кажется совершенно излишнимъ.

котораго вы потеряли изъ виду. Эти сношенія весьма скоро измѣнились, потому что на четвертый день вы вполне предались Пріеру. Не правда ли?

Леонія (слабымъ голосомъ). Да.

Презид. Вы сознались, что Пріеръ былъ приглашенъ ночевать въ домъ вашей матери; гдѣ онъ спалъ?

Л. Во второмъ этажѣ, въ столовой на диванѣ.

Презид. А ваша комната гдѣ находилась?

Л. Въ нижнемъ этажѣ.

Презид. Не приходили ли вы утромъ въ комнату Пріера?

Л. Я проходила чрезъ эту комнату по хозяйственнымъ надобностямъ.

Презид. Какъ, въ 6 часовъ утра! потому что вы сами показали этотъ часъ.

Л. Да.

Презид. Притомъ кухня, кажется, находится возлѣ столовой. Въ такомъ случаѣ, если предположить, что Пріеръ предпринялъ преступныя дѣйствія въ отношеніи къ вамъ, то вамъ было бы весьма легко призвать кого-нибудь на помощь. Это показываетъ, что вы добровольно согласились на предложеніе Пріера. При этомъ первомъ свиданіи не было ли между вами и Жоржемъ рѣчи о женитьбѣ?

Л. Наши родители объ этомъ говорили и самъ Пріеръ общалъ на мнѣ жениться.

Презид. Это не совсѣмъ правдоподобно. Пріеръ уѣхалъ изъ Орлеана въ тотъ же день; не пріѣхали ли вы чрезъ нѣсколько времени послѣ того въ Парижъ, чтобы его отыскать?

Л. Да, я пріѣхала туда 25-го сентября вмѣстѣ съ моею матерью.—

Презид. Слѣдовательно чрезъ 10 дней послѣ того; гдѣ же вы остановились?

Л. Моя мать остановилась у г-жи Мерсіе, а я у г-жи Расинь въ улицѣ Берри.

Презид. Кто эта г-жа Расинь?

Л. Эта дама пріятельница моей матери, я воспитывалась въ ея пансіонѣ.

Презид. Къ сожалѣнію вы стремитесь обвинить эту даму въ участіи въ такой ошибкѣ, которая была сдѣлана исключительно вами. Вы должны были ночевать у этой дамы постоянно, между тѣмъ въ продолженіи 15-ти дней вы ночевали у ней только 5 или 6 разъ. Не проводили ли вы остальныхъ ночей у Пріера?

Л. Да.

Презид. Вы сначала сознались, что вы ночевали у г-жи Расинь, а послѣ показали, что она не хотѣла дать вамъ постель.

Л. Я спала у ней на диванѣ.

Презид. Это все равно, я долженъ вамъ сказать, что послѣ столькихъ обмановъ вамъ почти вовсе нельзя вѣрить.

Л. Я говорю правду; г-жа Расинь сказала мнѣ, что не можетъ дать мнѣ постели и просила объ этомъ никому не говорить.

Презид. Какой же интересъ могла имѣть во всемъ этомъ г-жа Расинь, она не знала Пріера? Во всякомъ случаѣ, если она и не могла принять васъ, то вы могли бы возвратиться къ вашей матери. Все это опровергаетъ ваше объясненіе.

Л. Г-жа Расинь совѣтовала мнѣ найти подругу, у которой я могла бы ночевать.

Презид. Вы сказали г-жѣ Расинь, что у васъ есть двоюродный братъ и однажды вечеромъ Пріеръ пріѣхалъ въ улицу Берри, при чемъ вы попросили у г-жи Расинь позволеніе ѣхать съ этимъ мнимымъ родственникомъ къ одной изъ вашихъ подругъ.

Л. Нѣтъ, нѣтъ, я не говорила г-жѣ Расинъ, что у меня есть двоюродный братъ, и ѣздила разъ съ нею въ omnibusъ къ Пріеру.

Презид. Мы напомнимъ вамъ одно изъ писемъ, писанныхъ вами Пріеру во время вашего пребыванія въ Парижѣ, которое доказываетъ, что г-жа Расинъ совершенно неприкосновенна къ вашимъ продѣлкамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обличаетъ въ васъ весьма преждевременную испорченность. Подумайте, что откровенность представляется теперь для васъ лучшимъ средствомъ защиты. Между тѣмъ вы обвиняете, кромѣ г-жи Расинъ, г-жу Лебре, которая, по вашему объясненію, доставляла вамъ образчики писемъ. Это показаніе ваше опровергается тѣмъ, что образчики писемъ, о которыхъ вы говорите, доказывали сердечное увлеченіе, тогда какъ письма, написанныя вами, обличаютъ увлеченіе другого рода. Но ваша система оправданія состоитъ въ томъ, чтобы слагать на другихъ, не исключая и вашей матери, собственную вину. Немедленно по возвращеніи въ Орлеанъ вы написали Пріеру письмо, въ которомъ объявляли ему о своей беременности. Это былъ обманъ и вы знаете очень хорошо, что вы обманывали Пріера.

Л. Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ считала себя въ такомъ положеніи и г-жа Лебре сказала мнѣ, что это весьма возможно.

Презид. Я сказалъ, что вы обманывали Пріера и выразилъ не свое личное мнѣніе, вы сами объяснили причину этого обмана.

По полученіи вашего письма, Пріеръ отвѣчалъ вамъ, что если обстоятельство, о которомъ вы говорили, дѣйствительно, то это несчастіе, которое его заставитъ проклясть васъ. Не смотря на то, вы съ упорствомъ продолжали писать ему множество писемъ, чтобы возбудить его сочувствіе. Пріеръ оставилъ послѣднія письма безъ всякаго отвѣта. Вы хотѣли принудить этого 22-хъ лѣтняго юношу жениться на васъ, чего онъ вовсе не желалъ. Вы дѣлали ему подарки, посылали ему раз-

ныя фарфоровыя вещицы, прося его поставить ихъ на свою этажерку для того, чтобы онъ смотря на нихъ вспоминалъ васъ. Не получая отъ него никакого отвѣта, вы пріѣхали къ нему 2-го марта; что вы ему сказали?

Л. Я сказала ему, что пришла за подарками, которые я ему прислала.

Презид. Что же онъ вамъ на это отвѣчалъ?

Л. Онъ прогналъ меня.

Презид. Да, онъ прогналъ васъ и еще очень грубо, мы считаемъ его на то весьма способнымъ. Тогда вы пріѣгли къ хитрости, описываемой въ романахъ, вы приняли въ его глазахъ мнимый ядъ. Выражалось ли въ этомъ чувство и поведеніе хорошо воспитанной дѣвушки? Чтобы избавиться отъ васъ, онъ далъ вамъ въ займы 13 фр., возвращенія коихъ требовалъ въ послѣдствіи съ грубою настойчивостію и даже угрожалъ пріѣгннуть къ суду. И такого человѣка вы могли полюбить со страстію, доведшею васъ до преступленія? По возвращеніи въ Орлеанъ, вы продолжали упорствовать въ своемъ намѣреніи. Вы рѣшились убѣдить Пріера, что у васъ родился ребенокъ. Съ этою цѣлію вы обманываете всѣхъ, даже самыхъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Ваша мать должна была однажды отлучиться на нѣсколько часовъ изъ дому, и вы воспользовались этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы въ послѣдствіи объявить, что во время отсутствія матери, вы разрѣшились будтобы отъ бремени при помощи неизвѣстной повивальной бабки, заранѣе вами предувѣдомленной. Вы успѣли убѣдить въ томъ вашу мать и такимъ образомъ постепенно приблизились къ преступленію, въ коемъ васъ теперь обвиняютъ. Вы вѣроятно имѣете къ своей матери нѣжную привязанность, а между тѣмъ рѣшились похитить ребенка, т. е. нанести самое страшное горе другой матери. Все это справедливо, не правда ли?

Л. Я хотѣла не похитить, а усыновить ребенка, и съ этою цѣлію отправилась отыскивать брошеннаго ребенка.

Презид. Но въ этомъ случаѣ, если бы вы не нашли такого ребенка, вы рѣшились даже на похищеніе. Вы думали найти ребенка неизвѣстнаго происхожденія у повивальной бабки въ предмѣстіи Тамплъ?

Л. Да.

Презид. По этому поводу вы придумали весьма драматическій рассказъ объ одной ночи, въ продолженіи которой вы блуждали по Парижу какъ помѣшанная женщина, желая свѣжестію ночи погасить одолѣвшее васъ волненіе? Достоверно только то, что вы были у повивальной бабки и сказали ей, что, имѣвъ несчастіе потерять своего ребенка, вы желали бы усыновить чужаго. Изъ словъ этой женщины вы заключили, что намѣреніе ваше весьма неудобносполнимо въ Парижѣ. Тогда вы возвратились въ Орлеанъ и тамъ продолжали отыскивать ребенка, который бы соотвѣтствовалъ вашей цѣли. Не думали ли вы уже въ то время о похищеніи ребенка?

Л. Нѣтъ.

Презид. Убѣдившись въ неудобносполнимости мысли объ усыновленіи, вы рѣшились снова пріѣхать въ Парижъ для того, чтобы тамъ похитить ребенка?

Л. Нѣтъ, я хотѣла усыновить ребенка.

Презид. Вы сами сперва сознались въ томъ, что вы пріѣхали въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы украсть ребенка.

Л. Я не помню, говорила ли я объ этомъ.

Презид. Вы сознались въ этомъ и ваше показаніе, подписанное вами, находится предъ нашими глазами. Вы пріѣхали въ Парижъ 15-го числа и отправились въ Тюльерійскій садъ въ 9 часовъ утра, а около часа туда пришла кормилица, къ которой вы и обратились; что вы ей сказали?

Л. Я сказала ей, что я тетка ребенка.

Презид. Вы ей сказали еще очень многое и съ рѣдкимъ искусствомъ вызвали эту женщину на болтливость. Вы узнали

отъ нея, что дѣлалось и чего не дѣлалось въ домѣ Гюа. Она объявила вамъ, что ей еще не отдали жалованья, а вы сказали ей, что отецъ ребенка скупъ, и что нужно было скрыть настоящую цѣну одежды ребенка. Послѣ вы объявили ей, что вы купили для своей сестры кружева на 500 франковъ, которые уже заплачены, но что вы затрудняетесь передать этотъ подарокъ сестрѣ, потому что мужъ вашъ очень скупъ и сдѣлалъ бы вамъ за то ужасную цену. Убѣдивъ эту легковѣрную женщину отправиться за кружевами, вы убѣжали вмѣстѣ съ ребенкомъ, оставленнымъ на ваше временное попеченіе. Вы не отдали себѣ въ то время отчета, что вы похищали ребенка чужой матери. Но при этомъ вы успѣли перемѣнить одежду ребенка, которая могла бы изобличить васъ. Не правда ли?

Л. Да.

Презид. Это доказываетъ предумышленность въ вашемъ поступкѣ. Столько твердости и смѣлости непостижимы въ 17-ти лѣтней дѣвушкѣ. Въ 6 часовъ вечера того же дня вы уѣхали въ Орлеанъ?

Л. Да.

Презид. Не можетъ быть, чтобы на другой или третій день послѣ того до васъ не дошли слухи о тревогахъ, произведенныхъ вашимъ поступкомъ, о поспѣхахъ, предпринятыхъ пришедшими въ отчаяніе родителями? Вашу мать посѣщалъ нѣкто Г. Меркуръ, который долженъ былъ приносить всѣ современные новости и слухи. Поэтому вы неизменно должны были узнать о горести несчастной матери, у которой вы похитили ребенка; вы имѣли возможность одуматься, исправить свою ошибку и возвратить ребенка. Какъ вы не подумали о томъ, что вы терзали мать, которая могла лишиться разсудка отъ горя? Но вы упорствовали въ вашемъ преступленіи, вы обманули всѣхъ материнскими ласками въ отношеніи къ ребенку. Все это было исполнено вами съ холодною предумышленною, безъ всякаго сожалѣнія и угрызенія совѣсти, и все это для ва-

шего личного интереса, съ цѣлю выйти замужъ за человѣка, который отвергалъ ваше желаніе. Неужели вы не понимаете всей тягости совершеннаго вами преступленія?

Этимъ вопросомъ, на который Леонія Шеро ничего не отвѣчала, президентъ заключилъ допросъ подсудимой и перешелъ къ допросу свидѣтелей.

Свидѣтелями въ этомъ дѣлѣ были лица, имена коихъ упомянуты въ обвинительномъ актѣ и въ приведенномъ допросѣ Леоніи Шеро.

Показанія ихъ въ сущности подтверждали обстоятельства, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, и въ подробностяхъ не представляютъ интереса.

Мы приведемъ лишь объясненіе Жоржа Пріера, такъ какъ это показаніе имѣло, по нашему мнѣнію, немалое вліяніе на послѣдовавшій по настоящему дѣлу приговоръ присяжныхъ.

Жоржъ Пріеръ введенъ былъ въ залу ассизовъ немедленно послѣ допроса матери подсудимой, вдовы Шеро.

Приэтомъ мы считаемъ долгомъ замѣтить, что въ отношеніи къ вдовѣ Шеро президентъ выразилъ необычайную мягкость и уваженіе къ ея горю. Самою краткостію допроса онъ уменьшилъ по возможности то нравственное мученіе, которое должна была испытывать мать, поставленная въ необходимость уличать дочь свою въ безнравственномъ поступкѣ при стеченіи многочисленной публики.

Появленіе Жоржа Пріера возбудило видимое любопытство въ публикѣ. Наружность его выражала холодность и равнодушіе, возбудившія нѣкоторое волненіе. Ничто въ немъ не могло объяснить, какимъ образомъ онъ могъ возбудить къ себѣ не только страсть, но даже симпатію.

Вы давно знаете Леонію Шеро? Спросилъ его президентъ.

Ж. Прі'ръ. Да, я зналъ ее еще ребенкомъ, но потерялъ ее изъ виду, когда ей минуло 13-ть лѣтъ.

Презид. Вы ее увидѣли снова по поводу свадьбы вашей сестры и тогда то произошли самыя горестныя обстоятельства. Объясните съ полною откровенностію тѣ отношенія, которыя образовались съ тѣхъ поръ между вами и подсудимсю?

Ж. Прі'ръ. Обстоятельство это случилось въ день моего отъѣзда, она пришла ко мнѣ въ 6 часовъ утра, когда я еще спалъ.

Презид. Приходила ли она въ вашу комнату по хозяйственнымъ надобностямъ?

Ж. Прі'ръ. Не знаю.

Презид. Употребили вы какое-нибудь средство, чтобы ее привлечь?

Ж. Прі'ръ. Никакихъ, она сама пришла ко мнѣ.

Презид. Была ли между вами и ею рѣчь.....

Ж. Прі'ръ. Да.

Презид. Какъ да? Вы не слышали моего вопроса. Къ чему относится это да?

Ж. Прі'ръ. Я думалъ, что вы хотѣли спросить меня, была ли между нами рѣчь о томъ, чтобы она была моею любовницею.

Презид. Я хотѣлъ спросить васъ, была ли между вами и подсудимсю рѣчь о женитьбѣ.

Ж. Прі'ръ. Да, за завтракомъ г-жа Фетъ говорила объ этомъ моему отцу и я одобрилъ эту мысль.

Презид. Вы въ первый разъ говорите это?

Ж. Прі'ръ. Потому что меня объ этомъ не спрашивали.

Презид. Она писала вамъ очень часто о женитьбѣ; вы отвѣчали ей очень грубо; въ чемъ же вы можете упрекнуть ее?

Ж. Приёръ. Ея ошибка прежде всего.....

Презид. Ея ошибка? Но она была раздѣлена и вами.

Ж. Приёръ. И разныя другія вещи; такъ напримѣръ въ Парижѣ она меня преслѣдовала.

Презид. Да, она назначала вамъ свиданія; именно 2-го декабря въ улицѣ Понсо. Вы ее прогнали 2-го марта.

Ж. Приёръ. Да, она приходила ко мнѣ сперва въ 7 и потомъ въ 11 часовъ; я ее прогналъ и далъ ей въ займы денегъ для возвращенія домой.

Презид. Въ послѣдствіи вы требовали отъ ея матери возвращенія тѣхъ денегъ съ странною настойчивостію и жестокостію. Что же возбуждало эти чувства? Вы молоды, положеніе ваше обезпечено, нельзя думать, чтобы это происходило только отъ скупости? Не дѣйствовали ли вы по чувству ненависти?

Ж. Приёръ. Нѣтъ.

Презид. Когда мать требовала отъ васъ возвращенія вещей, подаренныхъ вамъ ея дочерью, вы отказались отдать ихъ; почему это?

Ж. Приёръ (сухо). Потому что вещи эти были мнѣ подарены.

Презид. Такая сухость и жестокость въ отношеніи къ женщинѣ, васъ любившей, совершенно непонятны. Подумайте о вашемъ поведеніи; оно почти безчестно. Вопросъ впрочемъ состоитъ въ томъ, чтобы знать, сама ли она отдалась вамъ, или вы увлекли ея къ паденію?

Ж. Приёръ (сухо). Я ее не соблазнялъ.

По окончаніи допроса свидѣтелей, президентъ объявилъ, что такъ какъ при слѣдствіи по настоящему дѣлу былъ возбужденъ вопросъ о болѣзни Леоніи Шеро, имѣвшей будто бы влияніе на ея умственныя способности, и такъ какъ защитникъ

подсудимой вѣроятно воспользуется этимъ средствомъ защиты, то публичное министерство сочло необходимымъ подвергнуть подсудимую докторскому освидѣтельствуванію г-на Тардіе.

Прежде изложенія показанія г-на Тардіе, президентъ прочелъ донесенія двухъ докторовъ, пользовавшихся Леонію Шеро въ Орлеанѣ.

Въ этихъ донесеніяхъ два доктора удостовѣрили, что они пользовали Леонію Шеро одинъ въ маѣ, а другой въ іюнѣ мѣсяцахъ 1859 года отъ припадковъ истеріи, но что при этомъ никакого разстройства въ умственныхъ способностяхъ подсудимой ими замѣчено не было.

Докторъ Тардіе, которому было поручено освидѣтельствованіе подсудимой, удостовѣрилъ, что она страдаетъ разстройствомъ нервной системы и біеніемъ сердца, и что эта болѣзнь, не повредивъ нисколько ея умственныхъ способностей, могла тѣмъ не менѣе имѣть вліяніе на ея воображеніе и на ея дѣйствія, не уничтожая впрочемъ сознанія этихъ дѣйствій.

По прочтеніи этихъ документовъ, докторъ Тардіе, являсь въ залу ассизовъ, подтвердилъ свое показаніе, присовокупивъ при томъ, что при послѣднемъ освидѣтельствovanіи подсудимой въ тюрьмѣ онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что хотя рассудокъ ея не поврежденъ, но что она повидимому не имѣетъ полного сознанія важности своихъ дѣйствій.

Засимъ представитель публичнаго министерства г. Барбіе произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Если бы кто-нибудь пришелъ въ вашъ семейный кругъ и сказалъ бы вамъ: существуетъ страна, въ которой судили женщину, обвиненную въ похищеніи чужаго ребенка; ясность уликъ вынудила эту женщину на признаніе въ совершеніи преступленія, которое едва не лишило разсудка молодую мать, преданную отчаянію . . . . . Подсудимая въ объясненіе этого преступленія приводила лишь тотъ доводъ,

что къ такому преступленію влекла ее какая-то необходимость, въ которую она поставлена была своимъ дурнымъ поведеніемъ, — и эта женщина не была наказана!

Въ такомъ случаѣ каждый изъ васъ воскликнулъ бы, что въ такой странѣ нѣтъ ни законовъ, ни общественнаго спокойствія.

Вотъ между тѣмъ, гг. присяжные, результатъ, котораго будутъ сейчасъ требовать отъ вашей снисходительности, или, скажутъ, можетъ быть, отъ вашей справедливости.

Это вынуждаетъ насъ предостеречь васъ отъ тѣхъ усилій, которыя будутъ предприняты, чтобы подѣйствовать на вашу совѣсть въ пользу Леоніи Шеро.

Что же можетъ вселять въ подсудимой странную надежду и какимъ образомъ осмѣливается она требовать отъ васъ чего-нибудь другаго, кромѣ маленькой доли вашего сожалѣнія?

Въ этомъ отношеніи мы выразимся свободно. Защита конечно имѣетъ свои права, и мы не думаемъ ихъ оспаривать; но общество кажется также имѣетъ право защиты . . . . а какъ можетъ оно защититься, когда доказанныя преступленія остаются безъ наказанія?

Всѣ это сознаютъ; но тѣмъ не менѣе съ нѣкотораго времени распространилось убѣжденіе тѣмъ болѣе опасное, что имъ могутъ пользоваться всѣ преступники.

Иногда нельзя отвергать дѣйствительности преступленія . . . Здравый смыслъ говорить, что наказаніе неизбежно. Тогда начинаютъ утверждать, что обвиненный не долженъ отвѣчать за совершенное имъ дѣйствіе; что онъ былъ только физическимъ дѣятелемъ; что его воля не принимала никакого участія въ дѣйствіи; что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ неотразимой страсти, вполне овладѣвшей его разсудкомъ и чувствами, — и на этомъ основаніи требуютъ его оправданія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человекъ, находящійся въ состояніи безумія, не отвѣчаетъ за свои дѣйствія. Это правило положительно выражено въ законѣ. Но берегитесь употреблять во зло это исключеніе, постановленное для самыхъ рѣдкихъ случаевъ. Человекъ, дѣйствующій подъ влияніемъ страсти, долженъ быть разсматриваемъ не какъ безумный, а какъ виновный. Богъ создалъ насъ для того, чтобы бороться противъ зла, зародышъ коего кроется въ каждомъ; если признать того, кто падаетъ въ этой борьбѣ, неотвѣтственнымъ, то этимъ поколебались бы всѣ понятія о нравственности; тогда не существовали бы въ этомъ мірѣ ни добрыя, ни дурныя дѣйствія.

Вотъ истина, предъ которой падаютъ всѣ софизмы и которая поможетъ намъ доказать, что Леонія Шеро имѣла полное сознаніе совершеннаго ею преступленія.

Въ чемъ же состояло это преступленіе и при какихъ условіяхъ оно было совершено?

Справедливость должна теперь произнести свой судъ чрезъ васъ, г.г. присяжные, въ дѣлѣ возбужденномъ съ самаго своего начала всеобщій интересъ и производившемъ самое сильное впечатлѣніе.

Почему это? Это произошло не только потому, что преступленіе нанесло ударъ всѣмъ уважаемому семейству, пользовавшемуся до того времени счастьемъ и спокойствіемъ. Нѣтъ, богатые и бѣдные, знатные и незнатные, всѣ мы были затронуты въ самой чувствительной части нашего существа, въ самыхъ нѣжныхъ нашихъ чувствахъ. Не было ни одной матери, которая бы не была объята ужасомъ при разсказѣ объ этомъ страшномъ похищеніи, не прижала бы ближе къ своему сердцу младенца, припавшаго къ ея груди.

Притомъ тайна, покрывавшая обстоятельства, которыя бы могли объяснить преступленіе, еще болѣе возбуждала общественное нетерпѣніе и любопытство. Теперь всѣ сомнѣнія на этомъ

счетъ разсѣялись; преступленіе было вызвано не чувствомъ мести, но постыднымъ желаніемъ извѣстной выгоды. Преступленіе ясно, сознано и побудившая его причина показываетъ, что можетъ родиться въ воображеніи молодой дѣвушки, едва достигшей 17 лѣтъ, но которая давно уже утратила чистоту души и тѣла».

Здѣсь генеральный адвокатъ напоминаетъ вкратцѣ обстоятельства дѣла, свадьбу сестры Пріера, отношенія, которыя установились съ этихъ поръ между Леонією и Пріеромъ.

«Объ этихъ отношеніяхъ, продолжаетъ гг. Барбіе, нельзя судить съ слишкомъ большою снисходительностію.

Конечно, Леонія имѣла тогда только 16 лѣтъ, но не должно забывать, что природа въ своей удивительной предусмотрительности вселяетъ въ дѣвушку чувство стыдливости вмѣстѣ съ развитіемъ возмужалости.

Леонія попраля ногами это чувство стыдливости.

Въ скоромъ времени она только и думала, какъ бы воспользоваться своимъ паденіемъ.

Съ этою цѣлію она увѣдомила Пріера о своей мнимой беременности и получила въ отвѣтъ грубое письмо, въ которомъ этотъ молодой человѣкъ обѣщалъ проклясть Леонію, если онъ будетъ имѣть изъ за нея какую нибудь неприятность.

Не смотря на это возмутительное, по своей жестокости, письмо, Леонія продолжала упорствовать въ своемъ намѣреніи.

Она продолжала писать ему и наконецъ сама пріѣхала въ Парижъ къ Пріеру, который ее выгналъ.

Мы не обязаны защищать Пріера и мы не взяли бы на себя такого неблагодарнаго труда. (Волненіе въ публикѣ).

Но мы скажемъ, что никогда никто не былъ менѣе его достоинъ возбудить серьезную страсть; Леонія была привлекаема къ нему не любовью, мы не хотимъ осквернять этого слова; она привязалась къ нему со всѣмъ жаромъ самой необузданной чувственной страсти.

Въ такихъ чувствахъ Леоніи убѣждаютъ ея письма, гдѣ встрѣчаются даже самыя непристойныя выраженія. Говорятъ, что она дѣйствовала подъ вліяніемъ болѣзни, которую называютъ истерією. Но это объясненіе весьма легко опровергнуть».

Въ доказательство сего генеральный адвокатъ приводитъ относящіяся къ этой болѣзни мѣста изъ специальныхъ медицинскихъ сочиненій и ссылается на показаніе лечившихъ Леонію докторовъ.

Въ заключеніе г. Барбіе говоритъ присяжнымъ: «вамъ скажутъ, что эта молодая дѣвушка интересна, вамъ будутъ говорить о ея несчастіяхъ, будутъ стараться возбудить вашу симпатію.

Но неужели можно забыть, что симпатія честныхъ сердець должна исключительно принадлежать матери, сдѣлавшейся жертвою этого наглаго дѣйствія и перенесшей столько страданій?

Что будетъ думать она, что будутъ думать вообще всѣ матери о справедливости людей, если Леонія выйдетъ оправданою изъ этой залы.

Сегодня распутное поведеніе представляется двигателемъ преступленія, завтра имъ будетъ двигать расчетъ, который искусная защита постарается объяснить ужасною бѣдностію; наконецъ и самое мщеніе будетъ оправдываемо душевнымъ состояніемъ челоуѣка, ослѣпленнаго страстью.

Нѣтъ, г.г. присяжные, вы не захотите, чтобы общество дошло чрезъ представителей справедливости до такого нравственнаго паденія.

Вы не оставите безъ вниманія правила нашихъ законовъ, ограждающихъ права, будущность и существованіе нашихъ дѣтей.

Вы не захотите, чтобы такое разумное, такое драгоценное распоряженіе закона было бы только мертвою буквою,

Давши клятву охранять общество, вы не сломаете оружія, которое оно вручило вамъ для своей защиты.

Я ожидаю отъ вашей совѣсти и требую со всею ревностію, со всею энергіею моихъ чувствъ, какъ должностное лицо и гражданинъ, какъ человѣкъ и отецъ семейства,—я требую отъ васъ осужденія Леоніи Шеро».

Послѣ этой энергической рѣчи генеральнаго адвоката, защитникъ подсудимой знаменитый адвокатъ Лашо въ оправданіе подсудимой представилъ слѣдующіе доводы.

«Мѣсяца два тому назадъ, началъ онъ, случилось странное, неслыханное происшествіе, произведшее самое тяжелое впечатленіе на весь Парижъ».

Среди бѣлаго дня, въ одномъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ садовъ столицы былъ похищенъ ребенокъ. Всѣмъ извѣстна та симпатія, которая была возбуждена этимъ событіемъ къ несчастной матери похищеннаго ребенка. Не было ни одной матери, которая бы не плакала вмѣстѣ съ молодою матерью, лишившеюся ребенка и не знавшею, гдѣ его отыскать.

Это происшествіе занимало одно время всеобщее вниманіе и тогда всѣ были вооружены прогивъ похитителя; всѣ утверждали, что въ законѣ нѣтъ достаточнаго наказанія за такое преступленіе.

Въ настоящее время похитительница здѣсь; всеобщее негодованіе утихло. Почему? Развѣ страданія матери не также понятны теперь, какъ и тогда? Развѣ время изглаживаетъ подобныя страданія? Вовсе нѣтъ, такая перемѣна въ общихъ чувствахъ объясняется тѣмъ, что прежде общественное воображеніе ставили между похитителемъ и несчастнымъ семействомъ или чувство страшнаго мщенія, или низкое корыстолюбіе.

Но когда общественное мнѣніе узнало, что это дѣйствіе было совершено 16-ти лѣтнею дѣвочкою, почти безумною отъ любви и болѣзни, которая сама не понимала всего ужаса

совершеннаго зла, слѣпо шла къ своей цѣли, повинаясь инстинктивнымъ влеченіямъ, даннымъ ей Богомъ, тогда общественное негодованіе утихло, и теперь мы всё принимаемъ участіе въ судьбѣ Леоніи Шеро, участіе, возбужденное ея несчастіями, которыхъ г. генеральный адвокатъ не хочетъ даже признать.

Или мое заблужденіе велико, или эта дѣвушка страдаетъ болѣзнію, возбуждающею жалость. Въ такомъ случаѣ ей нужна не тюрьма, но домъ призрѣнія, больница.

Леонія Шеро не достигла еще 17-ти лѣтъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вамъ бы предложили вопросъ разсмотрѣть, дѣйствовала ли она съ сознаниемъ, потому что наши законы покровительствуютъ не только дѣтямъ, которыхъ крадутъ, но и тѣмъ, которыхъ обвиняютъ, и потому не позволили бы обвинить ее прежде обсужденія, сознавала ли она то, что дѣлала.

Откуда она? Какъ была она воспитана? Каковы влеченія ея разсудка, чувства ея сердца? Нужно съ философической точки зрѣнія разсмотрѣть всё изгибы этой маленькой природы.

Она дочь матери ее нѣжно любившей; но достаточно ли заботились объ этой нѣжной и слабой натурѣ? Я думаю, что нѣтъ.

Она страдаетъ въ высшей степени болѣзнію, о которой г. генеральный адвокатъ отзывается очень легко.

Это, правда, нервная болѣзнь, болѣзнь, которая истолковывается свѣтскими людьми различнымъ образомъ, потому что это одна изъ тѣхъ болѣзней, которыя обыкновенно скрываютъ, отъ которыхъ краснѣютъ; болѣзнь имѣющая свои горькія тайны и влекущая за собою необходимость притворства.

Въ продолженіи 3-хъ лѣтъ самыя энергическія системы леченія не могутъ ее излечить. Пожалѣйте больную; съ истеріею не всегда сопряжено безуміе, но оно часто за ней слѣдуетъ, докторъ Тардіе это утверждаетъ. Эта болѣзнь имѣетъ

большое вліяніе на воображеніе и чрезъ то на самыя дѣйствія. Она не уничтожаетъ свободы дѣйствій, но, возмущая эту свободу различными возбужденіями, дѣлаетъ волю слабою и блуждающею, это также утверждается докторомъ.

Здѣсь адвокатъ напоминаетъ обстоятельства дѣла, свадьбу сестры Пріера, соглашеніе родителей Пріера и Леоніи о ихъ женитьбѣ, и наконецъ паденіе Леоніи.

Сама ли она, продолжаетъ г. Лашо, стремилась къ этому паденію, шла ему на встрѣчу, какъ это утверждаетъ обвинительный актъ? Пришла ли она сама въ 6 часовъ утра искать отвратительной ласки Пріера? Но если бы это было справедливо, то она была бы въ такомъ случаѣ еще болѣе безумна, чѣмъ я предполагаю.

Чтобы объяснить паденіе Леоніи, достаточно припомнить пылкость молодости, возбужденія свадьбы, любезность молодого человѣка, слабость дѣвушки.

Послѣ паденія любовь ея къ Пріеру обратилась въ неистовую, безумную страсть. Пріеръ обѣщалъ на ней жениться, онъ писалъ ей объ этомъ. Въ послѣдствіи онъ нарушилъ свою клятву. . . Я не хочу отзываться о немъ съ горечью; есть люди, которыхъ возвышаютъ посредствомъ обвиненія, но Пріеръ упалъ до такой степени, что его невозможно возвысить; онъ отвергнулъ дѣвушку, онъ отвергнулъ мать; эгоизмъ заставилъ его закрыть уши для всякаго слова любви. Здѣсь даже онъ не былъ тронутъ на одну минуту, и я не хотѣлъ бы другаго доказательства безумія Леоніи: она могла любить такое созданіе?

Здѣсь г. Лашо читаетъ письмо Пріера къ Леоніи, относящееся ко времени ихъ сближенія, въ которомъ онъ объясняетъ ей въ любви и подписывается: твой будущій мужъ Пріеръ.

Далѣе адвокатъ рассказываетъ о пріѣздѣ Леоніи въ Парижъ. Этому путешествію предшествовало письмо Леоніи къ Пріеру.

«Не знаю», писала она, «чѣмъ объяснить твое молчаніе. Ты забылъ ту, которую ты такъ любилъ. Я не думала, чтобы ты былъ на это способенъ. Впрочемъ это всегда такъ бываетъ; когда женщина имѣла слабость уступить мужинѣ, то онъ послѣ попираетъ ее ногами, проклинаетъ ее и наконецъ смотритъ на нее, какъ на послѣднюю изъ женщинъ».

«Ты меня ненавидишь и проклинаешь, ты, который меня такъ любилъ и говорилъ мнѣ: Леонія, ты будешь моею женою, я женюсь на тебѣ, никто кромѣ тебя не будетъ моею женою. Нѣтъ, это мечта, ты меня любишь; если ты мнѣ не пишешь, то это потому, что у тебя нѣтъ времени, но ты любишь ту, которая предалась тебѣ. Подумалъ ли ты, что я никогда никого не любила, никогда и не для кого не забывала правилъ чести; тебѣ одному отдала я свою невинность, пожертвовала своею честью. Боже мой, неужели можно быть проклятою тѣмъ, кого любишь! Что сдѣлала я для того, чтобы заслужить такое наказаніе».

«Я послала тебѣ нѣсколько маленькихъ вещицъ для того, чтобы ты болѣе обо мнѣ думалъ. Неужели ты не имѣешь больше ко мнѣ уваженія, неужели все между нами кончено? Лучше было бы умереть, чѣмъ быть проклятою тѣмъ, котораго любишь».

Леонія, будущая Пріеръ.

Леонія пріѣхала въ Парижъ, продолжаетъ г. Лашо, и тамъ поручена была своею матерью г-жѣ Расинъ, допустившей въ отношеніи къ Леоніи непростительную слабость. О несчастной дѣвочкѣ слишкомъ мало заботились. Ея любовь, ея безуміе еще болѣе возбудились отношеніями, которыя вамъ извѣстны. По возвращеніи въ Орлеанъ, ей пришла въ голову мысль, что она могла быть беременною, и воображеніе воспламенилось; она поспѣшила увѣдомить объ этомъ Пріера.

Не получая отвѣта, она еще нѣсколько разъ писала ему, но все-таки тщетно.

Наконецъ получила она отвѣтъ, отвѣтъ ужасный, непонятный, несвойственный человѣку 21 года, въ которомъ онъ обращается къ Леоніи съ безстыдствомъ, которое васъ возмутило.

Генеральный адвокатъ читалъ вамъ это письмо.

Другая женщина, оскорбленная такимъ образомъ въ своей любви, въ своемъ достоинствѣ, конечно бы опомнилась послѣ такого письма.

Это сдѣлала бы женщина, обладающая вполне своимъ разсудкомъ. Но Леонія все-таки не можетъ отстать отъ Пріера.— Она думаетъ, что этотъ человѣкъ, котораго не могли тронуть ни ея любовь, ни мысль о ея ребенкѣ, будетъ тронуть мыслию о ея смерти. Она намекаетъ ему на отравленіе себя ядомъ, онъ ее прогоняетъ; она уѣзжаетъ обратно въ Орлеанъ. Знаете ли вы, что тамъ ее ожидаетъ,—это письмо отъ Жоржа къ ея матери.

Въ этомъ письмѣ Пріеръ, увѣдомляя вдову Шеро о томъ, что онъ, прогнавъ ея дочь, далъ ей 13 франковъ на дорогу, проситъ о скорѣйшемъ возвращеніи ему этихъ денегъ.

Не получая денегъ, Пріеръ нѣсколько разъ напоминаетъ вдовѣ Шеро объ этомъ долгѣ, и въ одномъ изъ писемъ говоритъ: «мой кошелекъ сдѣланъ не для того, чтобы платить за увеселительныя поѣздки вашей дочери».

Наконецъ въ послѣднемъ письмѣ онъ пишетъ ей: «у меня есть портретъ Леоніи, онъ мнѣ вовсе не нуженъ, но такъ какъ я заплатилъ за него 5 франковъ фотографу, то я вамъ отдамъ его только подъ условіемъ, чтобы вы возвратили мнѣ эту сумму».

И что же, не смотря на все это, Леонія упорствуетъ въ своей мысли выйти замужъ за Пріера.

Она снова пишетъ ему самое нѣжное письмо и увѣдомляетъ его, что она убѣждена въ своей беременности.

Прочитавъ это письмо и припомнивъ обстоятельства о похищеніи Леонією ребенка, г. Лашо обращается къ разсмотрѣнію свойствъ истеріи.

Болѣзнь эта, говоритъ онъ, развиваетъ воображеніе и приводитъ къ различнымъ заблужденіямъ.

Въ подтвержденіе сего, адвокатъ ссылается на современное сочиненіе одного изъ профессоровъ медицинскаго факультета, который утверждаетъ, что болѣзнь эта была извѣстна еще Гиппократу, и, проявляясь у дѣвушекъ въ 15-ти лѣтнемъ возрастѣ, оставляетъ ихъ обыкновенно со времени замужества.

Наконецъ, говоритъ Лашо, подумайте, что эта бѣдная дѣвушка еще несовершеннолѣтняя, что въ продолженіи 4-хъ лѣтъ изъ нея можно сдѣлать то, что слѣдуетъ изъ нея сдѣлать. Для излеченія такихъ несчастныхъ существъ есть особенные дома.

Наказаніе, котораго требуетъ г. генеральный адвокатъ, есть наказаніе обезчещивающее; хотятъ, чтобы она была наказана какъ преступница, которая украла ребенка для того, чтобы его продать.

Нѣтъ, вы не захотите прибавить ко всѣмъ несчастіямъ, которыя ее постигли, еще несчастія быть лишенной чести по закону. Это не развращенная натура.

Общество представляетъ собою мать, которая болѣе любитъ излечивать, чѣмъ наказывать; оно простираетъ руку помощи несчастнымъ, которые не поняли важности своей ошибки, не имѣли сознанія своего дѣйствія; развѣ у насъ нѣтъ домовъ призрѣнія?

И кто бы могъ быть удивленъ вашимъ приговоромъ? Спросите сами себя, и это мое послѣднее слово, знала ли Леонія, что она дѣлала, послушалась ли она дурнаго влеченія, разочла ли она всѣ послѣдствія своего дѣйствія? Если судъ вашъ будетъ справедливъ, тогда останется только принять хорошую административную мѣру, и успокоенное общество отечески по-

ступить въ интересахъ этого ребенка. Когда вы хорошо все-это обдумаете, то вы будете думать, какъ и я, что ее нужно пожалѣть, очень пожалѣть, а не наказывать.

Послѣ краткихъ возраженій генеральнаго адвоката и защитника Леоніи, президентъ спросилъ Леонію, не имѣетъ ли она еще чего-нибудь прибавить въ свое оправданіе.

Леонія, приподнявшись съ трудомъ, отвѣчала: «мнѣ остается только просить прощенія у г-на и г-жи Гюа».

Затѣмъ, по изложеніи президентомъ хода дебатовъ (gesumé), присяжные въ 5½ часовъ удалились для совѣщанія.

Черезъ четверть часа они возвратились съ приговоромъ о невинности обвиняемой.

Президентъ приказалъ ввести Леонію въ залу; подсудимая была взволнована до такой степени, что жандармы принуждены были внести ее въ залу. При такомъ положеніи президентъ объявилъ ей о ея освобожденіи.

Газета, изъ которой извлеченъ настоящій процессъ, умалчиваетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на публику приведеннымъ приговоромъ присяжныхъ.

Но можно почти съ достовѣрностію заключить, что большинство ожидало совсѣмъ противнаго исхода дѣла и было удивлено приговоромъ о признаніи Леоніи Шеро невинною.

Собственное сознаніе подсудимой, подкрѣпляемое обстоятельствами дѣла и свидѣтельскими показаніями, устраняло всякое сомнѣніе въ томъ, что подсудимая дѣйствительно была виновна въ умышленномъ похищеніи ребенка г-на Гюа.

Энергическая рѣчь генералъ адвоката, въ которой были исчерпаны всевозможные доводы относительно виновности подсудимой съ нравственной и юридической точки зрѣнія, казалось, должна была поставить присяжныхъ въ необходимость признать Леонію виновною.

Умѣренная, чрезвычайно дѣльная рѣчь г-на Лашо, могла повидимому клониться лишь къ признанію въ отношеніи къ подсудимой смягчающихъ вину обстоятельствъ.

Между тѣмъ присяжные положительно оправдали Леонію Шеро.

Не рѣшаясь произносить безусловно своего мнѣнія ни въ пользу, ни противъ этого приговора присяжныхъ, мы ограничимся лишь представленіемъ нѣкоторыхъ соображеній въ объясненіе признанія Леоніи Шеро невинною.

По нашему мнѣнію, дѣло Леоніи Шеро могло разрѣшиться или положительнымъ обвиненіемъ ея, или безусловнымъ ея оправданіемъ.

Средины между этими двумя приговорами быть не могло; что нибудь изъ двухъ,—или Леонія Шеро сознавала свое преступленіе, или она его не сознавала.

Въ первомъ случаѣ преступленіе ея по своей тягости не допускало бы возможности признать смягчающія вину обстоятельства, во второмъ случаѣ она очевидно не могла подлежать никакой отвѣтственности.

Леонія Шеро въ томъ видѣ, въ какомъ старались изобразить ее генераль адвокатъ и президентъ, представляетъ собою преждевременно развитую, безнравственную женщину, которая для удовлетворенія своихъ чувственныхъ наклонностей рѣшается нанести ударъ самымъ нѣжнымъ чувствамъ другой женщины,—похитить у ней ребенка, составлявшаго ея счастье, жизнь.

Генеральный адвокатъ отнимаетъ у Леоніи Шеро и собственную всѣмъ женщинамъ способность любви.

По его мнѣнію, она не любила Пріера, но имѣла къ нему только чувственное влеченіе; она хотѣла выйти за него замужъ для того, чтобы имѣть возможность удовлетворять такое влеченіе; и для достиженія этой безнравственной, эгоистической

цѣли, съ обдуманномъ заранѣ намѣреніемъ рѣшилась на ужаснѣйшее преступленіе. Притомъ она не только рѣшилась съ умысломъ на преступленіе, но и по совершеніи его упорствовала въ своихъ замыслахъ; зная о страданіяхъ, нанесенныхъ ею матери ребенка, зная, кто именно эта мать, она все таки скрывала ребенка и вѣроятно никогда бы не возвратила его матери.

Въ послѣдствіи она въ оправданіе своего безнравственнаго поступка старалась очернить другихъ невинныхъ лицъ, не щадя для этой цѣли своей родной матери.

Спрашивается: можетъ ли такая женщина заслуживать малѣйшаго снисхожденія?

При отсутствіи не только свойственныхъ женщинѣ, но и вообще всякихъ общечеловѣческихъ чувствъ, при существованіи злаго умысла въ совершеніи преступления, при упорствѣ въ зломъ намѣреніи послѣ совершенія преступления, возможно ли было бы признать въ отношеніи такого нравственнаго уroda смягчающія вину обстоятельства?

Одна молодость лѣтъ подсудимой не могла, по нашему мнѣнію, клониться къ смягченію ея вины.

Леонія Шеро, при совершеніи преступления, имѣла болѣе 16 лѣтъ, и слѣдовательно представлялась совершеннолѣтнею предъ уголовнымъ судомъ.

Безнравственность и упорство въ такихъ молодыхъ лѣтахъ могли бы скорѣ служить къ увеличенію, чѣмъ къ смягченію ея вины.

Если при всемъ этомъ принять во вниманіе мученія, перенесенныя матерью похищеннаго ребенка, то Леонія подлежала бы ответственности какъ за похищеніе ребенка съ дурнымъ умысломъ и притомъ въ высшей мѣрѣ, опредѣленной въ законѣ за такое преступленіе.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію дѣйствія, совершеннаго Леоніею, съ точки зрѣнія ея адвоката, г-на Лашо.

Здѣсь Леонія Шеро представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ.

Вмѣсто безнравственной, преждевременно развитой женщины, стремящейся подѣ влияніемъ чувственнаго влеченія къ преступной эгоистической цѣли, мы видимъ неразвитую женщину, почти ребенка, увлеченную недостойнымъ человѣкомъ, котораго она любитъ до безумія и подѣ влияніемъ болѣзни совершаетъ дѣйствіе, не сознавая всей его важности.

Очевидно, что это совсѣмъ другая женщина, неимѣющая ничего общаго съ первою, и возбуждающая къ себѣ, вмѣсто негодованія, одно искреннее сожалѣніе.

Тамъ, гдѣ генеральный адвокатъ видитъ злое, безнравственное намѣреніе, г. Лашо замѣчаетъ лишь болѣзненное увлеченіе.

Генеральный адвокатъ основываетъ влеченіе Леоніи къ Пріеру на одной чувственной страсти, доказывая, что такого человѣка, какъ Пріеръ, любить было невозможно.

Г. Лашо это самое увлеченіе Леоніи, ея любовь къ Пріеру объясняетъ безуміемъ.

Въ подкрѣпленіе этосо довода, адвокатъ ссылается на показаніе доктора Тардіе, что Леонія страдаетъ истеріею, и на спеціальныя медицинскія сочиненія, утверждающія, что болѣзнь эта можетъ имѣть влияніе на умственныя способности.

Напротивъ того, генеральный адвокатъ ссылается на другія сочиненія, доказывающія, что истерія не имѣетъ никакого влиянія на умственныя способности.

Докторъ Тардіе удостовѣрилъ, что хотя умственныя способности Леоніи Шеро не повреждены, но она *по видимому* не имѣетъ полнаго сознанія важности своихъ дѣйствій.

Среди этихъ противоположныхъ мнѣній и при нерѣшительномъ объясненіи доктора Тардіе невольно призадумался и спросилъ: гдѣ же истина? Какъ ее найти?

Для того, чтобы разъяснить, какія именно чувства питала Леонія къ Пріеру, какою именно любовью она его любила, дѣй-

ствовала ли она подъ вліяніемъ чувственности или болѣзни, нужно было бы обратиться къ ясновидящему, или проникнуть въ глубину души Леоніи и тамъ искать объясненія столь темнаго вопроса.

За невозможностію открыть положительную истину, нужно довольствоваться внимательнымъ разсмотрѣніемъ противуположныхъ доводовъ и разрѣшать вопросъ по совѣсти.

Но совѣсть общества, общественное мнѣніе выражается въ судѣ присяжныхъ.

Какъ люди, они конечно могутъ ошибаться, заблуждаться, но судъ человѣческой, по самому несовершенству человѣческой природы, не можетъ вездѣ и всегда отличаться полною справедливостію.

Этимъ и объясняется стремленіе присяжныхъ въ темныхъ дѣлахъ, при отсутствіи положительной истины, скорѣе оправдывать, чѣмъ обвинять подсудимаго.

Въ настоящемъ случаѣ, хотя Леонія Шеро и не была признана по медицинскому освидѣтельствованію безумною, но тѣмъ не менѣе докторъ Тардіе удостовѣрилъ, что она не могла сознавать всей важности своихъ дѣйствій.

Генеральный адвокатъ, убѣждая присяжныхъ въ виновности Леоніи, между прочимъ приводилъ имъ на видъ, что они, какъ охранители правъ и спокойствія общества, должны, въ видахъ огражденія его на будущее время отъ подобныхъ преступленій, признать подсудимую виновною.

Такое замѣчаніе генеральнаго адвоката имѣло бы существенное вліяніе на присяжныхъ въ томъ случаѣ, если бы подсудимымъ представлялся человѣкъ, достигшій полнаго развитія и обладающій вполне своими умственными способностями.

Но въ настоящемъ случаѣ, при существованіи сомнѣнія относительно сознанія Леоніею всей важности совершеннаго ею дѣйствія, присяжные вѣроятно взвѣсили на вѣсахъ правосудія, что нанесло бы большій вредъ обществу—оправданіе ли под-

судимой въ случаѣ дѣйствительности ея преступленія, или признаніе ея виновною, въ случаѣ совершенія ею дѣйствія подъ вліяніемъ болѣзненнаго настроенія, безъ сознанія важности этого дѣйствія.

Они вѣроятно пришли къ тому убѣжденію, что общество немного потерпитъ чрезъ освобожденіе подсудимой въ томъ случаѣ, если она дѣйствительно заслужила наказаніе.

Но приговоръ, который бы заклеилъ понапрасну (безвинно) 16-ти лѣтнюю женщину, поразилъ бы своимъ несправедливымъ ударомъ не сознательное преступленіе, а заблужденія молодости или болѣзнь души, такой приговоръ возмутилъ бы общественную совѣсть, унижилъ бы справедливость.

Поэтому присяжные не рѣшились признать Леонію виновною въ обдуманномъ совершеніи преступленія и подвергнуть ее тѣмъ самымъ наказанію наравнѣ съ закоснѣлымъ преступникомъ, не подающимъ надежды къ исправленію.

Независимо отъ сего, присяжные, при оправданіи Леоніи, руководствовались вѣроятно и другими соображеніями, не имѣющими прямого отношенія къ совершенному ею дѣйствію.

Такъ, между прочимъ, на присяжныхъ имѣло вліяніе, по нашему мнѣнію, поведеніе и характеръ Жоржа Пріера.

Собственно говоря, Пріеръ былъ главнымъ нравственнымъ виновникомъ всего описаннаго событія.

По закону, онъ не могъ подлежать отвѣтственности, но въ глазахъ общества онъ представлялся болѣе виновнымъ, чѣмъ сама подсудимая.

Трудно, почти невозможно предположить, чтобы Леонія, безъ всякихъ обольстительныхъ обѣщаній со стороны Пріера, сама пришла къ нему въ комнату, увлекаясь единственно своими чувственными наклонностями.

Такое поведеніе было бы не сообразно ни съ возрастомъ Леоніи, ни съ свойственною вообще всѣмъ невиннымъ женщинамъ стыдливостію.

Напротивъ, можно съ достовѣрностію заключить, что Пріеръ старался обольстить Леонію и съ этою цѣлью общалъ на ней жениться.

При слѣдствіи Пріеръ показалъ, что онъ не обольщалъ Леонію, что она сама пришла къ нему въ комнату.

Показаніе Пріера объясняется свойственнымъ вообще всѣмъ людямъ чувствомъ самосохраненія и тѣмъ необычайнымъ эгоизмомъ, который онъ выразилъ при допросѣ.

Такое объясненіе Пріера представляется тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что Леонія во все время допросовъ не только не жаловалась на обольщеніе ея Пріеромъ, но даже не выразила ни одного упрека, не произнесла ни одного горькаго слова противъ своего любовника.

Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, весьма замѣчательно, какъ опроверженіе довода генеральнаго адвоката, старавшагося доказать, что Леонія питала къ Пріеру не любовь, а одно чувственное влеченіе.

Во всякомъ случаѣ Пріеръ, при своемъ нравственномъ вліяніи на Леонію, могъ послѣ обольщенія ея позаботиться по крайней мѣрѣ объ удержаніи ея страсти въ предѣлахъ благоразумія.

Онъ не только не позаботился о томъ, но своею холодною, своимъ презрѣніемъ вызвалъ ее на отчаянное предпріятіе, которое въ нормальномъ состояніи разсудка едва ли могло быть совершено 16-ти лѣтнею дѣвушкою.

При допросѣ, Пріеръ отказался отъ всякаго нравственнаго вліянія на Леонію, отказался отъ любви, которую выражалъ ей въ своихъ первыхъ письмахъ, и, стараясь отвести отъ себя всякую отвѣтственность, безжалостно предалъ Леонію общественному позору, представивъ ее какъ женщину, лишенную стыда и чести.

Нравственная пытка Леоніи была увеличена и тѣми вопросами, которые предлагалъ ей президентъ, увлекаемый, какъ

выше было замѣчено, желаніемъ дойти до открытія полной истины.

Такимъ образомъ, все негодованіе, которое должно было быть возбуждено поступкомъ Леоніи, обратилось на Пріера и въ отношеніи къ Леоніи замѣнилось чувствомъ сожалѣнія.

Поэтому неудивительно, если присяжные, сознавая нравственную виновность Пріера, не рѣшились обвинить одну Леонію, достаточно наказанную уже тѣмъ позоромъ, на который она была обречена своимъ любовникомъ.

Далѣе, по нашему мнѣнію, на присяжныхъ имѣло нѣкоторое косвенное вліяніе то обстоятельство, что ребенокъ г-на Гюа былъ найденъ и возвращенъ своимъ родителями.

Въ этомъ отношеніи преступленіе Леоніи можно отнести нѣкоторымъ образомъ къ преступленіямъ несостоявшимся (*délit manqué*).

Въ такихъ случаяхъ судъ всегда бываетъ снисходительнѣе, о чемъ мы упоминали въ 4-ой кн. Ж. М. Ю., по поводу процесса Куртильяка, съ приведеніемъ соображеній Росси.

Негодваніе, возбужденное несчастіемъ матери, лишившейся ребенка, было смягчено сознаніемъ той радости, которую должна была ощутить она, найдя ребенка, — радости, которая вознаградила ее съ избыткомъ за испытанныя ею страданія.

Наконецъ на приговоръ присяжныхъ имѣла безусловное вліяніе рѣчь защитника подсудимой г-на Лашо, въ которой онъ такъ убѣдительно доказывалъ, что Леонія Шеро по своей молодости, по своему болѣзненному настроенію и по своимъ несчастіямъ, заслуживала не порицаніе, но сожалѣніе, и что слѣдовательно общество обязано было не наказывать ее, но позаботиться объ излеченіи душевныхъ ея недуговъ.

Въ заключеніе повторяемъ, что приведенными соображеніями мы старались не оправдать, но объяснить нѣкоторымъ образомъ послѣдовавшій по настоящему дѣлу приговоръ присяжныхъ.

ОТДѢЛЪ Ш.

БИБЛІОГРАФІЯ.

АРХИВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО РОССИИ, ИЗДАВАЕМЫЙ НИКОЛАЕМЪ КАЛАЧОВЫМЪ. *Книга 3 (съ приложеніемъ)* С. П. б. 1859 г.

Обозрѣніе первыхъ двухъ книжекъ архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, привело насъ къ заключенію, что журналъ этотъ, съ самаго начала выхода своего въ свѣтъ, приобрѣлъ себѣ право на полное вниманіе нашего общества и отмежевалъ себѣ мѣсто въ ряду лучшихъ отечественныхъ періодическихъ изданій. Намъ пріятно видѣть, что журналъ съ честію удерживаетъ за собою это мѣсто, неуклонно идетъ къ постановленной себѣ цѣли, освѣщая обществу темные вопросы нашей прошедшей и настоящей жизни.

Въ предшествовавшихъ рецензіяхъ нашихъ мы не могли выставить въ полномъ свѣтѣ всѣхъ достоинствъ этого журнала, такъ какъ мы касались только вопросовъ, имѣющихъ чисто юридическій характеръ; но мы постоянно указывали читателямъ, что въ архивѣ помѣщаются еще и другія статьи, чрезвычайно замѣчательныя, которыя, какъ не относящіяся прямо къ об-

ласти права, оставлялись безъ разсмотрѣнія, но которыя не должно терять изъ вида, при опредѣленіи общаго достоинства журнала. Обращаясь къ настоящей книгѣ, мы также рассмотримъ содержаніе только чисто юридическихъ статей, но предварительно замѣтимъ, что кромѣ ихъ читатели найдутъ въ архивѣ много другихъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія. Такъ въ 3-ей книгѣ мы не будемъ касаться статьи г. Шпилевскаго: «Мозырщина (изъ путешествія по западно-русскому краю)», статьи г. Бочечкарова: «о нищенствѣ и разныхъ видахъ благотворительности», статьи г. Ершова «о глиняныхъ заводахъ Гжельскаго приказа», и наконецъ начала перевода третьей книги путешествія въ Россію Олеарія, г. Михайлова, такъ какъ помѣщенные въ разсматриваемой книгѣ главы (I—V) посвящены преимущественно этнографическому описанію Россіи; впрочемъ мы надѣемся въ дальнѣйшихъ обзорахъ хотя отчасти познакомить читателей съ переводомъ сочиненія Олеарія, именно съ тѣми мѣстами труда, гдѣ этотъ знаменитый ученый говоритъ о юридическомъ бытѣ Россіи его времени. Перейдемъ къ статьямъ юридическаго содержанія.

Третья книга архива, подобно двумъ первымъ, начинается статьями графа Сперанскаго: о крѣпостныхъ людяхъ и о государственныхъ установленіяхъ. Кромѣ того въ приложеніи находимъ статью того же автора «о единогласіи и разногласіи въ рѣшеніяхъ». Говоря о статьяхъ, принадлежащихъ перу этого знаменитаго сановника, мы неоднократно указывали на пользу ознакомленія общества съ трудами графа; повторимъ и теперь, что дѣятельность, которой посвятилъ себя графъ Сперанскій, авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ сферѣ этой дѣятельности, и наконецъ самые практическіе результаты ея вполне доказываютъ важность для насъ знакомства съ его взглядами и напечатанія его мыслей, которыя въ нѣкоторой степени могутъ служить комментариемъ къ своду законовъ.

Въ статьѣ «о крѣпостныхъ людяхъ» графъ Сперанскій излагаетъ сперва въ краткихъ чертахъ состояніе крестьянъ и дво-

ровыхъ людей по уложенію 1649 г., за тѣмъ слѣдить за измѣненіями въ состояніи крестьянъ и дворовыхъ людей, послѣдовавшими съ производствомъ въ 1719 г. первой ревизіи; да-лѣе, сдѣлавъ сравненіе прежняго крѣпостнаго порядка съ настоящимъ, указываетъ на мѣры исправленія недостатковъ, замѣченныхъ въ крѣпостномъ порядкѣ, предпринимавшіяся правительствомъ въ прежнее время и вновь предполагавшіяся, раздѣляя послѣднія на мѣры первоначальныя и основныя и мѣры постоянныя. Позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя изъ мыслей графа, изложенныхъ въ этой статьѣ. Указавъ на измѣненія, происшедшія въ крѣпостномъ правѣ послѣ первой ревизіи, образовавшія новое право, отличное отъ прежняго, «хотя столько же законное, ибо какъ прежнее, такъ и настоящее, равно основаны на точныхъ словахъ и разумѣ законовъ», графъ Сперанскій говоритъ, что существо прежняго крѣпостнаго права состояло въ слѣдующемъ:

I., Крестьяне суть принадлежность вотчины и отъ нея не могутъ быть отдѣлены ни продажей, ни залогомъ; но съ одной земли на другую тѣмъ же помѣщикомъ они переселены быть могутъ.

II., Дворовые люди, т. е. старинные и полные холопы и ихъ потомство принадлежатъ помѣщику лично въ собственность, а потому и проданы и заложены быть могутъ, каждое лицо отдѣльно.

III., Дворовые люди изъ кабальныхъ принадлежатъ помѣщику по жизни его, но они ни проданы, ни заложены быть не могутъ.

IV., Дворовые люди, изъ крестьянъ во дворъ взятые, принадлежатъ вотчинѣ и считаются наравнѣ съ крестьянами.

Существо новаго или настоящаго крѣпостнаго права состоитъ кратко въ слѣдующемъ:

I., Крестьяне, равно какъ и земля, на коей они живутъ, принадлежатъ помѣщику. Земля составляетъ недвижимое его

имущество, а крестьяне суть имущество его движимое. (Во многихъ указахъ крестьяне именно признаны движимымъ имуществомъ). И хотя сіе движимое имущество по ревизіи приписывается къ недвижимому, къ деревнѣ и къ землѣ, но какъ земля безъ крестьянъ, также и крестьяне безъ земли могутъ быть проданы, заложены, переселены, во дворъ взяты и даже въ ссылку, по волѣ помѣщика, за проступки ихъ, безъ суда, могутъ быть сосланы.

II., Дворовые люди, изъ какого бы состоянія первоначально они ни происходили, суть точно такое же движимое имущество помѣщика, какъ и крестьяне; никакого существеннаго различія законъ между ними не полагаетъ. Владѣлецъ, не имѣющій земли, можетъ приписать ихъ по ревизіи къ своему дому; но какъ домъ безъ нихъ, такъ и они безъ дому, проданы быть могутъ.

При сравненіи сихъ двухъ системъ нельзя не признать, продолжаетъ графъ Сперанскій, что послѣдняя изъ нихъ тягостнѣе и ближе къ неволѣ, нежели первая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя же не признать, что не безъ важныхъ причинъ она введена была правительствомъ и утверждена законами. Причины сіи состояли въ слѣдующемъ:

Доколѣ подати казенныя и воинская служба утверждались на землѣ, дотолѣ не было у насъ ни войска, ни постоянныхъ государственныхъ доходовъ. Съ ревизіею только тому и другому положено прочное начало. Съ ревизіею трудъ, руки и лицо признаны основаніемъ какъ силы государственной, такъ и мѣрою частнаго богатства. Люди получили твердую осѣдность; помѣщики—средства къ обширному хозяйству; правительство—вѣрный доходъ и надежные способы къ составленію, пополненію и содержанію войска.

Но при сихъ столь важныхъ выгодахъ нельзя упустить безъ вниманія и важныхъ неудобствъ, изъ самаго сего порядка происшедшихъ. Отъ неограниченной свободы обращать крестья-

явъ въ дворовыхъ людей наводнились дома дворянскіе толпою праздныхъ служителей, усилились прихотливья, а часто и распутныя затѣи, расширилась безумная роскошь и раззорительное тщеславіе, явились новыя нужды, новыя на крестьянъ налоги и долги неоплатные; состояніе крестьянъ обременилось еще болѣе тѣмъ, что за всю сію праздную толпу, къ деревнѣ приписанную, подушныя деньги и рекрутская очередь часто деревнею отправляются.

Отъ заведенія и разсѣянія ремеслъ по деревнямъ города наши остаются пусты, ибо гдѣ взять потребителей, на кого работать мѣщанамъ, когда каждый помѣщикъ все ему нужно, и даже прихотливое, хотя худо, хотя и нестройно и убыточно, но производить у себя дома и даже пускаетъ на продажу?—Какимъ образомъ ремесла могутъ въ городахъ усовершаться безъ соревнованія ремесленниковъ; а какое можетъ быть соревнованіе ремесленниковъ, когда они разсѣяны и въ рабствѣ? Утвердительно можно сказать, что въ семъ порядкѣ никогда у насъ ни городовъ, ни прочнаго городского состоянія не будетъ.

Отъ права продажи крестьянъ безъ земли, отъ права отдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, лицо крестьянина содѣлалось вещію, дѣйствительнымъ имуществомъ, коимъ владѣлецъ можетъ располагать по произволу, а сей произволъ сколь часто бывалъ, да и нынѣ еще иногда бываетъ жестокъ и злоупотребителенъ,—то доказываютъ дѣла и опытъ.

Сдѣлавъ такое сравненіе прежняго крѣпостнаго порядка съ новымъ, графъ Сперанскій прибавляетъ: нельзя утверждать, чтобы неудобства сіи были сокрыты отъ правительства, или имъ пренебрегаемы, но связь сего порядка съ государственными доходами, съ состояніемъ помѣщиковъ и съ рекрутствомъ, особенно же связь его съ порядкомъ повинновенія всегда представляли опаснымъ всякое быстрое въ немъ потрясеніе. . . . . Между тѣмъ однакожь время течетъ и, благотворнымъ своимъ дѣйствіемъ постепенно смягчая нравы, дѣлаетъ рабство съ од-

ной стороны менѣ жестокииъ, а съ другой и менѣ необходимымъ. По мѣрѣ населенія возвышается цѣна на земли, умножается количество рукъ, умѣряется цѣна вольныхъ работъ и работы принужденныя теряютъ свое преимущество. Толпы дворовыхъ людей съ ихъ потомствомъ день отъ дня становятся тягостнѣе и несноснѣе. Такимъ образомъ каждый день стираются прежнія побужденія, измѣняются прежніе расчеты, разрѣшаются сомнѣнія и устраняются препятствія. Сообразно этимъ мыслямъ, графъ Сперанскій и излагаетъ по пунктамъ въ чемъ будутъ состоять, *согласно Высочайшему* предназначенію, мѣры первоначальныя и основныя и мѣры постоянныя, какъ относительно дворовыхъ людей, такъ и крѣпостныхъ, и заключаетъ свое изложеніе тою мыслию, что прекращеніе изложенныхъ имъ и другихъ подобныхъ стѣсненій послужило бы наилучшею мѣрою постепеннаго перехода изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе. Мы не имѣемъ возможности съ большею подробностію изложить содержаніе разсматриваемой статьи, ибо иначе привелось бы выписать ее цѣликомъ; скажемъ только, что въ настоящее время, когда совершается упомянутый графомъ переходъ изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе, разсмотрѣнная статья имѣетъ живѣйшій интересъ.

Вторая статья графа Сперанскаго: «о государственныхъ установленіяхъ» написана, какъ замѣчаетъ редакторъ архива, въ концѣ 1826 г. и началѣ 1827 г., между прочимъ въ опроверженіе мыслей о государственныхъ установленіяхъ, изложенныхъ въ одной бывшей въ то время весьма извѣстной запискѣ, извлеченіе изъ которой и приложено къ настоящей статьѣ. Разсмотрѣніе государственныхъ установленій авторъ дѣлитъ на 5 періодовъ 1) съ 1710 по 1726 г. 2) по 1775 г. 3) по 1797 г. 4) по 1802 г. и 5) послѣдующее время. Въ каждомъ изъ періодовъ изложены: составъ государственныхъ установленій, т. е. совѣта, сената, коллегій и впоследствии министерствъ, порядокъ производства дѣлъ и степень власти, съ вѣрною критическою

одѣнкою этихъ предметовъ и послѣдствій переменъ, въ нихъ происходившихъ.

Въ третьей статьѣ, о единогласіи и разногласіи въ рѣшеніяхъ графъ Сперанскій излагаетъ проектъ практическаго рѣшенія трехъ важныхъ вопросовъ, относящихся къ рѣшенію дѣла: 1) какъ устанавливать вопросы: 2) какъ собирать голоса по вопросамъ и 3) какъ поступать въ случаѣ разногласія и равенства голосовъ.

Далѣ слѣдуетъ статья г. Колосовскаго: вмѣненіе смертоубійства по уложенію царя Алексѣя Михайловича. Вопросъ о вмѣненіи есть одинъ изъ самыхъ капитальныхъ въ области уголовного права, и потому понятно, какой интересъ должно возбуждать его изслѣдованіе. Этотъ вопросъ, подобно всѣмъ другимъ жизненнымъ вопросамъ, конечно не сразу былъ обнять человѣческимъ разумомъ, и прошелъ длинный рядъ вѣковъ прежде, чѣмъ дошелъ до той степени ясности, былъ разрѣшенъ съ тою правильностію, которая замѣтна въ настоящее время. Первоначальныя законодательства, какъ справедливо замѣчаетъ г. Колосовскій, говоря о вмѣненіи смертоубійства, обращаютъ свое исключительное вниманіе на объективную сторону, не подозрѣвая даже существованія другой внутренней, за которою поэтому и не признаютъ никакого вліянія. Причина этого понятна; законодательство идетъ рука объ руку съ развитіемъ общественной жизни, и только съ постепеннымъ движеніемъ ея впередъ очищается и юридическій взглядъ народа. Это явленіе, по отношенію ко всѣмъ вопросамъ права, есть всеобщее, встрѣчаемое у всѣхъ народовъ; разница заключается только въ быстротѣ движенія: одинъ народъ поднимается по лѣстницѣ юридическаго развитія скорѣе, другой медленнѣе; но переходы эти и ступени вездѣ одинаковы, ибо условливаются въ бытіи своемъ общей природою всего человѣчества. Подмѣтить эти переходы, указать эти ступени, по которымъ возвышается народъ и законодатель-

ство въ своихъ воззрѣнiяхъ на тотъ или другой юридическiй вопросъ, вотъ задача историка-юриста. Для возможности ея исполненiя необходимы, по нашему мнѣнiю, два условiя: во 1-хъ изслѣдователь не долженъ ограничиваться только изложенiемъ фактовъ, относящихся къ разбираемому имъ вопросу, въ ихъ исторической послѣдовательности, но долженъ имѣть вѣрный историческiй взглядъ, который бы сообщилъ жизнь каждому явленiю, раскрылъ внутреннее начало, въ немъ выражающееся и далъ ему значенiе въ ряду другихъ явленiй. Поэтому изслѣдователь долженъ строго разобрать, взвѣсить и прослѣдить въ историческомъ развитiи смыслъ каждаго факта, относящагося къ избранному предмету, подвергнуть материалы строгой критикѣ и представить все найденное въ стройной системѣ, чтобы сочиненiе не было сухимъ, безжизненнымъ собранiемъ фактовъ, а живымъ ихъ изложенiемъ, изъ котораго было бы ясно, что приводимые имъ факты не были произведенiемъ случая, а прямо вылились изъ потребностей и условiй даннаго времени, явились какъ результатъ юридическихъ понятiй и прошедшей жизни народа. Но для этого во 2-хъ историкъ долженъ перенестись въ мiръ понятiй изслѣдуемаго имъ времени, усвоить себѣ ихъ и примириться съ тѣми началами, которыя господствовали въ эту эпоху; поэтому, раскрывая предъ читателемъ взглядъ народа и законодательства на извѣстный вопросъ, онъ долженъ основываться въ этомъ исключительно на замѣченныхъ имъ фактахъ того времени, на вѣрномъ пониманiи ихъ историческаго развитiя и правильной оцѣнкѣ ихъ, а отнюдь не приступать къ разработкѣ предмета съ заранѣе составленнымъ намѣренiемъ отыскать въ немъ то или другое начало, или осудить данную эпоху на основанiи началъ, развитыхъ послѣдующимъ временемъ. Поэтому всякое историческое изслѣдованiе предполагаетъ во 1-хъ не только полное и всестороннее разсмотрѣнiе фактовъ, относящихся къ изслѣдуемому періоду, но и указанiе связи ихъ съ предшествовавшимъ временемъ и во 2-хъ выводъ началъ,

въ этихъ данныхъ выражающихся, именно изъ нихъ самихъ, изъ духа того времени, такъ чтобы эти начала наглядно и естественно вытекали изъ самыхъ фактовъ и не казались насильственно выпсканными; короче, чтобы было ясно историческое ихъ построение; иначе изложение явится мало доказаннымъ и потому мало убѣдительнымъ.

Руководствуясь этими мыслями, прослѣдимъ въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе статьи г. Колосовскаго, заглавіе которой мы выше выписали. Указавъ на общій законъ постепенности развитія въ законодательствахъ юридическихъ понятій, авторъ находитъ тоже и въ отечественномъ правѣ, относительно изслѣдуемаго имъ вопроса. Здѣсь, сообразно съ низкой степенью народнаго развитія, господствуетъ въ первую пору общественной жизни объективный взглядъ: не только смертоубійства, но и другія преступленія оцѣниваются исключительно по мѣрѣ внѣшняго вреда, ими наносимаго. Впрочемъ у насъ еще въ Русской правѣ вскрываются первые проблески признанія субъективнаго элемента, и чѣмъ дальше идетъ народъ по пути своего развитія, тѣмъ шире становится область новаго начала

Въ силу такого положенія г. Колосовскій, приступая къ изслѣдованію вѣнненія смертоубійства по уложенію 1649 г., надѣется открыть здѣсь не только участіе новаго начала, но и значительную степень его развитія, ибо народъ и законодательство стояли уже далеко не на первой ступени своего историческаго развитія. Кромѣ этого, такъ сказать, физиологическаго основанія, авторъ упирается и на другія данныя: именно на вліяніе Византійскаго и Литовскаго правъ, которыя, какъ извѣстно, получили значительную долю участія при составленіи уложенія. Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, по словамъ автора, потому составляетъ важную эпоху въ историческомъ развитіи настоящаго вопроса, что съ этого времени не только допущено участіе субъективной стороны, но элементъ этотъ получаетъ характеръ основнаго начала. Признаніе въ уложеніи

свободной воли человека коренным началом вменения открывается не только во всем ряду случаев смертоубийства, но и находит прямое для себя выражение в общем постановлении, по которому полному вменению подвергается только умышленное убийство: «са кого кто убьет съ умышления, и сыщется про то допряма, что съ умышления убилъ: и такого убийцу казнить смертію». Этому отдѣлу противуполагаются убийства неумышленные, которые не имѣютъ впрочемъ для себя одного родового опредѣленія, какъ это замѣчаемъ въ первомъ, а разрѣшаются въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ. Изъ разсмотрѣнія случаевъ, которые уложеніе отмѣчаетъ названіемъ неумышленныхъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что полагая въ основаніе своего созерцанія субъективный элементъ, уложеніе отличаетъ ихъ и отъ умышленныхъ убійствъ, и отъ тѣхъ случаевъ, которые первые получили противуположное названіе, не смотря на то, что и эти отнесены имъ же къ разряду послѣднихъ. Признаніе этого несходства видно въ различіи взгляда на вмененіе; ибо законодательство успѣло уже возвыситься до умѣнья практически оцѣнить степени злой воли, обнаруживающей въ данномъ преступленіи, хотя не въ состояніи еще правильно различить родовыхъ отдѣловъ и вѣрно очертить объемъ каждаго. Поэтому новооткрытые случаи, не смыкаясь ни съ однимъ изъ прежде признанныхъ, не составляютъ изъ себя и новаго вида, а являются чѣмъ-то отдѣльнымъ, несвязаннымъ. Такимъ образомъ, по названію существуютъ, какъ и прежде, два рода смертоубійствъ; но фактически вторая группа разбивается на конкретные виды, смежныя границы которыхъ далеко не разведены. Поэтому самое положеніе ихъ и отношеніе другъ къ другу неправильное: подъ одно общее имя подведены двѣ неравныя и неправильно сочиненныя части. Но во всякомъ случаѣ результатъ настоящей, хоть и шаткой дѣятельности анализа важенъ въ томъ отношеніи, что закладываетъ основаніе цѣлому новому виду смертоубійствъ случайныхъ, т. е. такихъ, которые происходятъ безъ всякаго участія воли, единствен-

но по внѣшнему степенію обстоятельствъ, — грѣшнымъ, не нарочнымъ дѣломъ, какъ выражается наше законодательство. Такія преступленія освобождаются отъ всякаго наказанія.

Не отрицая справедливости вышеприведенныхъ взглядовъ г. Колосовскаго, мы однако не можемъ не замѣтить, что авторъ, раскрывая предъ читателемъ понятіе уложенія объ *умыслѣ, неосторожности и случаѣ* безъ указанія самаго хода постепеннаго развитія этихъ понятій въ нашемъ законодательствѣ, даетъ поводъ предполагать, будто уложеніе впервые сознало различіе между этими понятіями, будто они явились въ немъ вдругъ, безъ всякихъ причинъ, безъ всякаго предшествовавшаго подготовленія, и такимъ образомъ отнимаетъ у этихъ понятій ихъ историческій смыслъ и значеніе. Читателю интересно не только знать то, что находится въ извѣстномъ юридическомъ памятникѣ, — это онъ и самъ увидитъ, прочитавъ его; но ему нужно знать, какимъ образомъ, откуда и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ явилось въ законодательномъ памятникѣ то или другое начало, какъ оно постепенно развивалось и достигло той степени, на которой находится въ данную эпоху. Мы вышли бы изъ предѣловъ рецензій, если бы взялись за раскрытіе постепеннаго развитія въ нашемъ законодательствѣ понятій объ умыслѣ, неосторожности и случаѣ, но скажемъ, что изслѣдованіе г. Колосовскаго много бы выиграло, если бы онъ принялъ на себя трудъ хотя кратко прослѣдить главнѣйшія данныя объ этомъ вопросѣ, которыя тѣмъ болѣе важны, что онѣ возникли во времена, весьма отдаленныя отъ уложенія, и слѣдовъ ихъ можно искать начиная съ русской правды. Такъ напр. уже правда убійству *въ разбоѣ* противопоставляетъ убійство *въ свадѣ*; (1)

(1) Текстъ русской правды изд. Калачова, списокъ Троицкій ст. 5. «будеть ли сталь на разбои безъ всяка свады, то за разбойника люди не платять, но выдать и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе.,»

Въ правдѣ же замѣтно различіе между дѣйствіями чисто-случайными и дѣйствіями, вытекающими изъ свободной воли чловѣка; такъ напр. въ ст. 50 Троицкаго списка читаемъ: Аже который купецъ гдѣ любо шедъ съ чюжими

равнымъ образомъ различіе между умышленнымъ и случайнымъ дѣйствіемъ мы видимъ въ Псковской судной грамотѣ, (2) въ уставныхъ, жалованныхъ и др. грамотахъ (3), судебникахъ (4) и уставной книгѣ разбойнаго приказа (5).

Изложимъ дальнѣйшее содержаніе статьи г. Колосовскаго. Указавъ на понятія уложенія объ умышленныхъ и неумышленныхъ дѣйствіяхъ, авторъ говоритъ, что кромѣ случаевъ такъ называемаго неумышленного смертоубійства въ уложеніи находится много другихъ, въ которыхъ законодательство видитъ не только характеръ противоположный—дѣянія умышленные, но и нѣкоторыя особенныя свойства, видоизмѣняющія общую мѣру вѣнченія. Свойства эти получаютъ характеръ обстоятельствъ

кунами, испопиться, любо рать возьметъ, ли огонь: то не насилити ему, ни продади его; но како начнетъ отъ лѣта платити, также платити, за неже пагуба отъ Бога есть, а невиноватъ есть; аже ли пропнется или пробнется а въ безуми чужъ товаръ испортитъ, то како любо тѣмъ, а чини то товаръ, ждуть ли ему, а своя имъ воля, продадять ли, а своя имъ воля.

Даже въ правдѣ найдемъ попытку отличить дѣйствіе случайное отъ неосторожнаго, такъ въ ст. 54. Тр. списка сказано: „Аще изъ хлѣва выведуть коня, то закупу того не платити; но же погубитъ на поли, и въ дворъ не вженеть и не затворитъ, кдѣ ему господинъ велитъ, или орудья своя дѣя, а того погубитъ: то то ему платити. Ср., Развитие понятій о преступленіи и наказаніи въ русской правдѣ до Петра Великаго“, А. Богдановскаго, стр. 116 и слѣд.

(2) Псковская судная грамота изд. Мурзакевича, стр. 15:., а которой челоуѣкъ съ пристаомъ прїѣдетъ на дворъ татя имать, и татбы искать, или должника имать, а жонка въ то время дѣтя вывержетъ, да пристава учнетъ головшинитъ окладати, или исна; ино въ томъ головшины нѣтъ.

(3) Акты Археогр. Экспед. т. I № 208, 217. Акты историческіе т. I № 147, 178, 188 и др.

(4) Судебникъ Царя Іоанна Васильевича 18 ст. 90., А которой купецъ идучи на торговлю, возьметъ у кого деньги или товаръ, да на пути у него товаръ утерается безхитростно, истонетъ или сгоритъ, или рать или разбой возьметъ и болромъ обыскавъ велѣти тому дати Цареву и Великаго Князя дяку полѣтную грамоту, съ Царя и Великаго князя печатью, посмотри поживотомъ платитесь истномъ въ истину безъ росту. А кто у кого взявъ, идучи въ торговлю, да пропнеть, или инымъ какимъ безуміемъ тотъ товаръ погубитъ безъ внарасельства, ино того выдати истцу головою до искупа. А въ разбойномъ дѣлѣ дадутъ кому полѣтную грамоту, и какъ своего разбою допщется, или въ его иску разбойниковъ поймають, и у того та грамота его полѣтная не въ грамоту.

(5) Акты Историч. Т. III № 167.

относительных, *измѣняющихъ* степень вѣнненія преступленій, т. е. *увеличивающихъ* или *уменьшающихъ* его. Признаніе этихъ обстоятельствъ, продолжаетъ авторъ, есть явленіе новое, принадлежащее исключительно уложенію. Причина несуществованія ихъ въ древнемъ правѣ объясняется отсутствіемъ условій, необходимыхъ для ихъ происхожденія. Именно, обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія степень вѣнненія (въ настоящемъ ихъ значеніи), могутъ имѣть мѣсто только въ области умысленныхъ или неосторожныхъ убійствъ; случайный же видъ, какъ безответственный, отрицаетъ бытіе степеней, ибо безответственность можетъ существовать только въ безразличіи—въ противномъ случаѣ уничтожается бытіе самаго вида. Но до настоящаго времени, какъ извѣстно, никакихъ подобныхъ подраздѣленій не показывалось; ибо если убійство безъ свады, упоминаемое въ русской правдѣ, и представляетъ проблескъ субъективнаго взгляда, то все таки случай этотъ нельзя въ строгомъ смыслѣ назвать увеличивающимъ обстоятельствомъ, а скорѣе началомъ признанія умысла вообще. Съ другой же стороны, конечно, при господствѣ объективнаго взгляда и по отношенію къ общему характеру права того времени, короче съ современной точки зрѣнія, онъ могъ представляться увеличивающимъ вину. По особенностямъ начала, въ немъ проявлявшася, онъ рѣзко отбѣнялся отъ всѣхъ прочихъ, и занимая по тяжести наказанія первое мѣсто, являлся единственнымъ исключеніемъ изъ общаго правила. Въ послѣдствіи область умысленныхъ убійствъ составляетъ одно неопредѣленное цѣлое, не затронутое нисколько юридическимъ анализомъ. Отличаются, правда, низшею степенью вѣнненія убійства въ дракѣ и пьянымъ дѣломъ, обращается также вниманіе и на состояніе преступника: но всѣ эти случаи опять нельзя назвать относительными обстоятельствами, потому, что они получаютъ значеніе представителей цѣлаго рода. Исключивъ ихъ изъ этой области, мы лишимъ ее тѣмъ самымъ всякаго содержанія, ибо извѣстно, что единственно въ нихъ и олицетворяется бытіе отдѣла неумысленныхъ убійствъ;

слѣдовательно ясно, что за настоящимъ временемъ, по всей справедливости, остается честь перваго образованія новаго явленія въ его настоящемъ значеніи.

«Начавъ разрѣшаться подъ руководствомъ субъективнаго взгляда на отдѣльныя видовыя различія, неопредѣленная область умысленныхъ убійствъ выясняется изъ среды своей сначала тѣ случаи, которые представляютъ самыя рѣзкія и ощутительныя уклоненія воли и особенно извращеніе духовной природы. Главнымъ мѣриломъ здѣсь служатъ два основанія: 1) *объектъ преступленія*, или, лучше сказать, тѣ отношенія, въ которыхъ находитесь преступникъ съ предметомъ его преступленія, такъ что съ переменною роли этихъ лицъ, при перестановкѣ одного на мѣсто другаго, измѣняется и самый характеръ обстоятельства: вмѣсто увеличенія тяжести вмѣненія, оно можетъ служить къ уменьшенію его; 2.) *мѣсто совершенія преступленія*».

«Въ первомъ случаѣ на самомъ видномъ планѣ стоитъ убійство такихъ лицъ, съ которыми мы тѣсно связаны особенными нравственными обязанностями, каковы напримѣръ родители и дѣти, мужъ и жена; во второмъ такое мѣсто, съ представленіемъ о которомъ тѣсно соединено понятіе объ уваженіи и неприкосновенности его или же особенной чистотѣ и святости. На основаніи перваго масштаба, XXII глава уложенія вскрываетъ по порядку статей слѣдующіе виды: убійство родителей, дѣтей, родственниковъ, господина, мужа. Что касается до мѣста совершенія преступленія, то оно служитъ иногда также къ возвышенію степени вмѣненія; здѣсь признаются слѣдующія различія: церковь, государевъ дворъ, судъ».

Хотя обстоятельства, имѣющія вліяніе на степень вмѣненія, дѣйствительно высказываются въ уложеніи, но едва ли справедлива мысль, что признаніе этихъ обстоятельствъ есть явленіе новое, принадлежащее исключительно уложенію. Авторъ приступилъ къ разсмотрѣнію уложенія какъ будто съ преднамѣреннымъ желаніемъ отыскать въ немъ и только въ немъ зародыши началъ, развившихся въ настоящее время; по этому

онъ съ одной стороны понятіями настоящаго времени объясняетъ смыслъ постановленій уложенія, а съ другой не обращаетъ должнаго вниманія на историческое ихъ построеніе. Приведемъ этому доказательства. Такъ напр. г. Колосовскій, говоря о мѣстѣ совершенія преступленія, какъ обстоятельствѣ, имѣющемъ вліяніе на вмѣненіе, говоритъ, что степень вмѣненія повышается, если преступленіе совершено въ церкви, на государственномъ дворѣ, въ судѣ, и объясняетъ причины этого слѣдующимъ образомъ: «скажется почти не нужно входить въ разсужденіе о томъ, почему церковь и другія мѣста, могли получить значеніе увеличивающихъ вину обстоятельствъ. Понятно и извѣстно всѣмъ то уваженіе, которое народъ питаетъ всегда къ храмамъ, какъ мѣстамъ, освященнымъ таинственнымъ присутствіемъ Божества. Чувство это тѣмъ живѣе, чѣмъ менѣе степень образованности, и чѣмъ ближе стоитъ народъ къ эпохѣ патриархальнаго быта. Тоже должно сказать и о мѣстѣ жительства лица, облеченнаго верховною властію, по преимуществу же Русскаго Государя, особенному возвышенію котораго въ глазахъ народа содѣйствовало его религіозное освященіе, какъ помазанника Божія. При этомъ законодательство наше обращало еще вниманіе, произошло ли преступленіе въ присутствіи самаго Государя или нѣтъ. Разумѣется, что бытіе перваго условія усиливало значеніе увеличивающаго вину обстоятельства. Наконецъ судъ, какъ торжественное собраніе официальныхъ лицъ, получившихъ въ государствѣ характеръ представителей верховной власти, долженъ внушать къ себѣ особенное уваженіе и пользоваться правомъ неприкосновенности. Слѣдовательно, на кого всѣ такія противодѣйствія не оказывали никакого вліянія и не имѣли силы удержать отъ преступленія, тотъ показывалъ высокую степень внутренней испорченности и особенную твердость и упорство злой воли, каторыя требовали для себя соотвѣтствующаго вмѣненія».

Взглядъ этотъ, съ точки зрѣнія настоящаго времени, совершенно правиленъ; но здѣсь невольно возникаетъ вопросъ:

смотрѣло ли именно уложеніе такимъ образомъ, какъ смотритъ г. Колосовскій? Мы не касаемся въ настоящемъ случаѣ вѣрности объясненія авторомъ понятій уложенія; можетъ быть уложеніе именно и понимаетъ такъ, какъ указываетъ на это г. Колосовскій; но нельзя же вѣрить въ этомъ отношеніи автору на слово. Всякая медалъ имѣетъ двѣ стороны, всякій фактъ можно объяснить такъ, или иначе, смотря по цѣли, съ которою дѣлается объясненіе. Такъ авторъ говоритъ, что уложеніе впервые обратило вниманіе на обстоятельства, имѣющія вліяніе на вмѣненіе; но чтобы доказать это, надобно было обратиться къ источникамъ прежняго времени, доказать не голословно, какъ это сдѣлалъ авторъ, а самими фактами, что прежнимъ законодательствамъ было чуждо это понятіе. Напримѣръ извѣстно, что въ древнѣйшія времена, вслѣдствіе власти, которую имѣлъ отецъ надъ дѣтьми и мужъ надъ женою, убійство жены или дѣтей не было даже вовсе преслѣдуемо (6), и потому, если въ уложеніи мы встрѣчаемъ постановленіе, что за убійство отца или матери слѣдуетъ «казнить смертію безо всякія пощады» и на оборотъ, «смертію отца и матери за сына и за дочь не казнить»,—то почему не объяснять этотъ фактъ, какъ слѣдствіе прежняго порядка; почему только за уложеніемъ признавать свѣтлый взглядъ на вмѣненіе, когда въ немъ повторяются тѣже начала, которыя замѣтны и прежде. Не надо забывать, что уложеніе есть сборникъ древняго права, слѣдовательно начала, въ немъ находимыя, не явились пзвнѣ случайно, а уже коренились и ранѣе въ юридическихъ памятникахъ. Дѣйствительно, слѣды обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на вмѣненіе и степень наказанія, находимъ еще за долго до уложенія, напримѣръ на вмѣненіе имѣло вліяніе состояніе преступника и лица, надъ коимъ совершено преступленіе; по русской правдѣ рабъ признавался даже иногда

---

(6) Неволинъ. Исторія рос. гражд. зак. Т. I. стр. 80 и 317.

какъ бы неспособнымъ совершить преступленіе (7), и вообще общественное положеніе лица играло въ этомъ отношеніи не малую роль (8); повтореніе преступленія также было обстоятельствомъ, усиливавшимъ тяжесть преступленія (9) и т. п.

Разсмотрѣвъ обстоятельства, увеличивающія вѣсншіе, г. Колосовскій указываетъ въ уложеніи еще такія, которыя уничтожаютъ всякое вѣсншіе. Причины такого явленія, по словамъ автора, заключаются: 1) въ состояніи необходимой обороны и 2) въ особенномъ значеніи субъекта и объекта преступленія, вслѣдствіе того или другаго общественнаго ихъ положенія. Здѣсь опять авторъ предлагаетъ сперва теоретическій взглядъ на значеніе этихъ обстоятельствъ и подъ эти мнѣнія свои подводитъ факты, представляемые уложеніемъ; что касается до втораго пункта, то къ нему онъ относитъ два случая: убійство, совершенное слугой при оборонѣ своего господина, и лишеніе жизни взмѣнника. Наконецъ авторъ указываетъ на понятія уложенія о *покушеніи* на преступленіе и различіи его отъ самаго *совершенія* дѣланія и о *сообществѣ* преступниковъ. Говоря о сообществѣ, онъ въ уложеніи отличаетъ двѣ группы сообществъ: главныхъ виновниковъ и помощниковъ; такъ онъ говоритъ: «раздѣленіе это замѣтно въ самыхъ выраженіяхъ: напр. 2 ст. XXII главы говоритъ «а будетъ который сынъ, или дочь отцу своему, или матери смертное убійство учинять съ иными съ кѣмъ. . .». Видно, что главные дѣйствующія лица здѣсь сынъ и дочь, а *иные* только помощники. Также и въ другихъ статьяхъ

(7) Русс. правда тр. сп. ст. 42: «аже будутъ холопи татіе, любо княжи, любо боярскіе, любо чернець ихъ же князь продажею не казнить, зане суть невольники..»

(8) Русск. Правда Тр. сп. ст. 3, 9 и 10; договоръ Смоленскаго князя съ Ригой: «послу и попу что учинять, за двое того узати, два платежа.. Въ судбникахъ мѣра и степень наказанія опредѣлялись званіемъ и состояніемъ преступника и лица, пострадавшаго отъ преступленія.

(9) Псковск. Судн. Грамота стр. 2; а кримскому (въ подлинникѣ на полѣ приписано: *храмскому*;) татю, и конскому и перевѣтнику и зажигаьнику, тѣмъ живота не дати. Чтобы и на посадѣ покрадется, ино дважды е пожаловати, а изличивъ, казнити по его вѣнѣ; и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати, крамскому татю.

напримѣръ: а будетъ кто убьетъ до смерти брата, или сестру самъ или по его велѣнью кто иной ихъ убьетъ. *Главный виновникъ* — самъ, кто иной — помощникъ. Точно тоже въ 26 ст., говорящей объ убійствѣ незаконныхъ дѣтей ихъ матерью. Но далѣе самъ авторъ сознается, что всѣ эти различія имѣютъ только номинальное значеніе, потому что степень вѣнненія для всѣхъ участниковъ совершенно одинакова. Такъ приведенная выше 2 ст. XXII главы велитъ наравнѣ съ убійцами родителей подвергать одинаковому наказанію и всѣхъ ихъ сообщниковъ. То же начало встрѣчаемъ и при вѣнненіи другихъ родственныхъ убійствъ. Наконецъ 19 ст., признающая сообщество для всей области смертоубійствъ, не измѣняетъ также безразличіе степеней вѣнненія. Въ заключеніе своей статьи авторъ въ краткомъ очеркѣ повторяетъ тѣ измѣненія, источникъ которыхъ скрывался преимущественно въ развитіи новаго (т. е. субъективнаго) начала. Вліяніе его, говоритъ г. Колосовскій, прежде всего выразилось въ распаденіи до тѣхъ поръ безграничной и темной области смертоубійствъ на два отдѣла: умышленной и неумышленной. Разумѣется, что результаты первыхъ попытокъ не отличаются никогда совершенствомъ и правильностію. Точно тоже и здѣсь, особенно во второмъ отдѣлѣ, гдѣ представляется значительная неопредѣленность въ объемѣ содержанія. Этотъ классъ и признанъ подѣ формою отдѣльныхъ, конкретныхъ случаевъ, которые также не имѣютъ никакой внутренней связи, такъ что подѣ такимъ отрицательнымъ названіемъ могутъ скрываться не только случайныя и неосторожныя преступленія, но даже и умышленныя: это безразличныя пріютъ для всѣхъ видовъ смертоубійства, не отмѣченныхъ яркимъ знакомъ умысла. Въ ту же форму индивидуальныхъ, разрозненныхъ случаевъ выливаются и относительныя обстоятельства, получающія значеніе увеличивающихъ, уменьшающихъ и наконецъ вовсе уничтожающихъ вѣнненіе. Если ближайшимъ поводомъ здѣсь и служили какія-нибудь вѣшнія обстоятельства, то признаніе ихъ не уничтожало значенія субъективнаго элемента, потому

что допускалось въ томъ только случаѣ, когда не шло въ разрѣзъ съ послѣднимъ. Наконецъ благотворному вліянію этого же элемента обязана своимъ непосредственнымъ разъясненіемъ наружная сторона преступленія, откуда происходитъ различіе между покушеніемъ и совершеніемъ съ одной стороны и появленіе понятія о сообществѣ съ другой.

На сколько и какъ умѣло разрѣшить законодательство каждый изъ упомянутыхъ вопросовъ, заключаетъ авторъ, мы это знаемъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что юридическій анализъ не остается недѣлятельнымъ и, по мѣрѣ силъ своихъ, старается проникнуть въ область вмѣненія. Непосредственный результатъ такого стремленія сказанъ въ открытіи всѣхъ главныхъ исходныхъ пунктовъ настоящей задачи, такъ что уложеніе кладетъ въ этомъ отношеніи прочную основу и указываетъ послѣдующему законодательству тотъ правильный и широкій путь, по которому оно должно неуклонно слѣдовать.

Таково въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе разсмотрѣнной статьи. Оканчивая обзоръ ея, мы считаемъ обязанностію отдать автору полную справедливость въ умѣніи его группировать факты, относящіеся къ избранному имъ предмету, и находить въ нихъ выраженіе юридическихъ понятій уложенія о вмѣненіи смертоубійства; позволимъ себѣ только выразить мнѣніе, что статья г. Колосовскаго еще болѣе бы выиграла, если бы авторъ въ основаніе своихъ сужденій принялъ не синтетическій, а аналитическій способъ изслѣдованія, и не увлекся желаніемъ найти въ уложеніи отвѣтъ на всѣ вопросы относительно вмѣненія, выработанные современною наукою.

Коснемся дальнѣйшаго содержанія «Архива». Къ критическому отдѣлу его относятся три статьи: 1) разборъ сочиненія г. Чичерина «областные учрежденія Россіи», Н. В. Калачева, 2) отвѣтъ г. Костомарову, М. П. Погодина и 3) «Два слова М. П. Погодину», Н. И. Костомарова. Прекрасная критическая статья г. Калачева была уже напечатана въ 26 присужденіи

учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, но, какъ объясняетъ почтенный авторъ, по желанію многихъ лицъ, чтобы она была перепечатана въ какомъ-либо журналѣ, помѣщена въ Архивѣ вполнѣ. Статья эта, кромѣ критическихъ достоинствъ, имѣетъ еще значеніе по важности матеріаловъ, частію указанныхъ, частію напечатанныхъ въ ней. Статья г. Погодина написана по поводу критической статьи г. Костомарова на изслѣдованіе, помѣщенное первымъ во 2-й книжкѣ Архива подъ заглавіемъ: «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права», о которомъ мы упоминали въ прошломъ обзорѣ Архива; эта статья вызвала опять опроверженіе со стороны г. Костомарова, которое и помѣщено въ настоящей книжкѣ подъ вышевыписаннымъ заглавіемъ.

Изъ историческихъ документовъ обращаютъ на себя вниманіе «древніе акты въ родословныхъ» и «западнорусскія купчая пмѣнсвая».

Къ статьямъ, практически разсматривающимъ наше дѣйствующее законодательство, принадлежатъ слѣдующія: «пристанодержательство, передержательство, укрывательство и водвореніе», г. Муллова. Здѣсь авторъ высказываетъ справедливую мысль, что какъ скоро какія-нибудь слова возводятся на степень техническихъ терминовъ, какъ скоро съ ними соединяется особое какое-нибудь понятіе, придается имъ особое значеніе, употребляютъ ихъ нужно чрезвычайно разборчиво; каждый терминъ необходимо, такъ сказать, изолировать отъ другихъ терминовъ и отъ другихъ родственныхъ съ нимъ по этимологическому происхожденію словъ. Соблюденіе этого правила особенно важно въ законодательствѣ, гдѣ каждый юридическій терминъ нужно поставить въ такое отношеніе съ другимъ терминомъ, чтобы онъ не могъ имѣть съ нимъ никакихъ споровъ относительно границъ. Основываясь на этой мысли, авторъ указываетъ на господствующее въ законахъ и практикѣ смѣшеніе вышесказанныхъ терминовъ и предлагаетъ весьма вѣрные опредѣленія cadaго изъ нихъ, устраняющія сбивчивость.

Далѣ сюда относится замѣтка г. Козлова: «о суммахъ въ совершеніи актовъ и рѣшеніи дѣлъ,» гдѣ авторъ указываетъ на непрактичность существующихъ у насъ по этой части постановленій. Вопросъ этотъ впрочемъ уже возбужденъ и обсуждается законодательнымъ порядкомъ.

Въ заключеніе укажемъ на статью, обращающую на себя серьезное вниманіе по важности предмета, которому она посвящена, именно на статью г. Ренненкампа: «о правѣ и нравственности въ ихъ взаимномъ отношеніи.» Надъ разрѣшеніемъ этого вопроса трудились гениальные мыслители всѣхъ временъ и народовъ; въ числѣ лицъ, изслѣдовавшихъ его, блистаютъ имена мировыхъ представителей философіи, и до сихъ поръ еще вопросъ этотъ не рѣшенъ окончательно, до сихъ поръ подходятъ къ нему ученые съ различныхъ сторонъ и пытливымъ умомъ стараются проникнуть его существо. Впрочемъ такая трудность разрѣшенія его весьма понятна и кроется въ самой природѣ его. Идеи представленія о правѣ и нравственности суть идеи жизненныя: онѣ не имѣютъ характера отвлеченныхъ понятій, удаленныхъ отъ дѣйствительности, но жьвуть въ мірѣ и развиваются вмѣстѣ съ развитіемъ умственной жизни народовъ. Отсюда понятно, что разрѣшеніе вопросовъ о значеніи права и нравственности, пригодное для одного времени, въ дальнѣйшій періодъ народнаго развитія оказывается недостаточнымъ и являются новыя теоріи, новыя попытки объяснить его. Огромная же важность этого объясненія видна изъ того, что то или другое понятіе о правѣ и нравственности въ ихъ взаимномъ отношеніи отражается на всей жизни народовъ, на всѣхъ ихъ какъ общественныхъ, такъ и частныхъ отношеніяхъ. Поэтому всякая попытка подвинуть этотъ вопросъ впередъ заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія. Посмотримъ, какъ взглянулъ на этотъ вопросъ г. Ренненкампа.

Разсужденіе свое онъ дѣлитъ на три части: 1) понятіе о правѣ, 2) очеркъ развитія понятій о правѣ, и 3) понятіе о

правственности и ея отношеніе къ праву. Остановимся преимущественно на первой и третьей частяхъ.

«Между всеми существами, говоритъ авторъ, человѣкъ имѣеть едва ли не наиболѣе потребностей; но онъ можетъ удовлетворить имъ только при посредствѣ связей съ другими людьми. Поэтому, на самыхъ первыхъ порахъ, исторія застаётъ его живущимъ въ большихъ или меньшихъ союзахъ, обществахъ, которые составляютъ необходимое естественное его состояніе. Въ самыхъ обществахъ разнообразіе человѣческихъ потребностей производитъ разнообразныя отношенія между людьми, которыя съ развитіемъ жизни умножаются, дѣлаются сложнѣе, образуется цѣлая система отношеній, различныхъ по свойствамъ, цѣлямъ и по кругу дѣйствія.

«Разнообразіе отношеній между людьми, великая ихъ цѣль-удовлетворить потребностямъ человѣка и чрезъ то доставить ему возможность выполнить свое назначеніе, необходимо предполагаютъ существованіе нормъ, которыя обезпечивали и облегчали бы образованіе этихъ отношеній. Совокупность такихъ нормъ и составляетъ право; оно регулируетъ отношенія сообразно ихъ существу и этимъ самымъ даётъ имъ порядокъ и охраняетъ сферу общежитія человѣка отъ возможныхъ и дѣйствительныхъ нарушеній. Не всё однакоже отношенія, существующія между людьми, подчиняются нормамъ права; имъ подлежатъ только тѣ, которыя относятся къ общежитію и его порядку, и притомъ только въ такомъ случаѣ, если онѣ приняли опредѣленный, конкретный характеръ. Такимъ образомъ право есть совокупность нормъ, опредѣляющихъ порядокъ общежитія; самый же порядокъ, опредѣленный этими нормами, есть юридическій бытъ народа».

Указавъ причину, вызывающую право къ жизни, и сферу, къ которой оно относится и въ которой дѣйствуетъ, авторъ рассматриваетъ органы, участвующіе въ образованіи права и находитъ ихъ сперва въ чувствѣ правды, врожденномъ человѣ-

ку, и въ силѣ мышления. «Но чувство правды и процессъ мышленія составляютъ только субъективный моментъ въ образованіи права; созданное этими силами воззрѣніе есть чисто личное, субъективное, такъ сказать нравственное убѣжденіе. Для полного образованія юридическихъ нормъ необходимо еще признаніе ихъ обязательными тою средою, въ которой зачалось ихъ образованіе. Этотъ третій моментъ есть историческій: онъ возводитъ простое воззрѣніе въ юридическую норму, дѣлаетъ ее обязательною, сопровождаетъ принужденіемъ».

Изъ всего сказаннаго видно, заключаетъ авторъ, что *право имѣетъ характеръ чисто конкретный, положительный; что къ нему должно относиться только то, что принято обществомъ, и что живетъ и дѣйствуетъ въ немъ, какъ нормы опредѣленнаго порядка.* Требованія правды сами по себѣ не суть еще право: пока онѣ не признаны обществомъ, до тѣхъ поръ остаются только нравственнымъ долгомъ, нравственною обязанностію, но не имѣютъ силы права.

Изложимъ теперь въ такой же краткости понятія автора о нравственности. «Право и нравственность, говоритъ г. Ренненкампфъ, суть двѣ различныя области и по цѣли и по сферѣ, и по характеру дѣйствія. Савиньи, продолжаетъ онъ, чрезвычайно вѣрно замѣтилъ, что потребность и бытіе права есть слѣдствіе несовершенства, но несовершенства не случайнаго и преходящаго, а вѣчнаго и неотдѣлимаго отъ природы человѣка. И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что бытіемъ своимъ право обязано общежителю стороны человѣка; эта сторона неизгладима: только въ обществѣ можетъ жить и развиваться человѣкъ. И поэтому, какъ общежитіе есть неизмѣнная потребность человѣка, такъ и право, какъ нормы, устрояющія порядокъ общежитія, имѣетъ свою неизмѣнную и самостоятельную сторону.

«Что же касается нравственности, то подъ нею мы разумемъ требованія чувства правды, обращенныя не къ обществу, но къ отдѣльному человѣку.

«Изъ предложеннаго опредѣленія понятія нравственности открывается различіе между нею и правомъ:

1., Нравственность есть сила внутренняя и простираетъ свое господство на внутреннія движенія души человѣка, а также на тѣ нравственныя отношенія, получившія конкретное бытіе (напр. отношенія дружбы, великодушія), которыя имѣютъ чисто личный характеръ, безъ всякой связи съ обществомъ. (?)

Право есть сила внѣшняя, ограничивающаяся только внѣшними, конкретными дѣйствіями, и то на столько, на сколько эти дѣйствія касаются общества.

2., Все достоинство нравственныхъ отношеній заключается въ ихъ мотивѣ, побужденіи; для права достаточно одной внѣшней сообразности или законности. (?)

3., Нравственныя требованія обязываютъ только насъ самихъ, нашу совѣсть, изъ нихъ не могутъ возникнуть притязанія другихъ; юридическія обязанности возлагаются на насъ обществомъ, или по крайней мѣрѣ утверждаются обществомъ и могутъ сопровождаться принужденіемъ.

«Но, будучи относительно самостоятельны и отдѣльны, обѣ эти области (какъ пропеходящія изъ одного общаго источника правды и дѣйствующія на одного и тогоже субъекта (человѣка), не должны противорѣчить другъ другу: говоря вообще, безнравственное не должно быть правомѣрнымъ и право не должно предписывать безнравственнаго».

Таково, въ главнѣйшихъ чертахъ, понятіе г. Ренненкампа о правѣ, нравственности и ихъ взаимномъ отношеніи. Не мѣсто въ бѣглой рецензіи критически разсматривать такой капитальный вопросъ, каковъ настоящій; но тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшія замѣчанія.

Въ настоящемъ понятіи автора о правѣ и нравственности, мы видимъ попытку соединить убѣжденія философской школы съ позитивизмомъ, развитымъ историческою школою: такъ у первой авторъ беретъ начало свободы въ образованіи права, а

подъ влияніемъ второй даетъ праву характеръ чисто положительный, относя къ нему только то, что принято обществомъ, и отвергая бытіе философскаго права. Философское право, говоритъ г. Ренненкампфъ, возводя положительныя нормы въ общія начала, не имѣетъ самостоятельнаго бытія, потому что *не имѣетъ самостоятельнаго содержанія*; вся разница между правомъ философскимъ и такъ называемымъ положительнымъ заключается въ формахъ выраженія: первое излагается въ видѣ отвлеченныхъ началъ, второе въ видѣ частныхъ положеній. Отношеніе между ними такое же, какъ и всякой науки къ своему предмету. . . .

Во вторыхъ если и принять самостоятельное существованіе философскаго права въ видѣ началъ, извлеченныхъ изъ положительныхъ нормъ, то оно во всякомъ случаѣ не будетъ имѣть существенныхъ признаковъ права: обязательности, возможности принужденія, безъ чего право, какъ совокупность нормъ, опредѣляющихъ порядокъ общежитія, немислимо. Оно будетъ имѣть значеніе научной системы, оказывающей влияніе на положительное право, — но не болѣе.

Противъ такого мнѣнія г. Ренненкампфа ограничимся замѣчаніемъ, что эклектизмъ едва-ли можетъ когда нибудь привести къ вѣрнымъ результатамъ: соединеніе въ одну систему противоположныхъ началъ можетъ только съ перваго взгляда, при поверхностномъ наблюденіи, показаться выгоднымъ, доставляя примиреніе этимъ противоположностямъ; но такое примиреніе есть только видимое: начала эти, при смѣшеніи ихъ, не сольются въ одно, не произведутъ изъ своего соединенія здороваго плода, но напротивъ результатомъ такого противостественнаго совокушенія явится какое-то уродливое порожденіе, хотя имѣющее видимыя признаки сходства съ началами, его произведшими, но не имѣющее внутри себя, въ организмъ своемъ, одного начала, одного двигателя, который бы могъ служить источникомъ жизненной силы его и потому разрушающее само себя. Такъ и въ настоящемъ случаѣ авторъ говоритъ, что вро-

жденное чловѣку чувство правды и разумъ суть источники *права*; но затѣмъ сейчасъ прибавляетъ, что созданіе этихъ силъ не есть право, а *правственное убѣжденіе*, а къ праву относится только то, что *принято обществомъ*. Мы не видимъ возможности согласить этихъ противрѣчій; и присоединяя сюда еще высказанное авторомъ опредѣленіе нравственности, подъ которою онъ разумѣетъ требованія *чувства правды*, обращенныя не къ обществу, а къ отдѣльному «чловѣку»,—мы приходимъ въ недоумѣніе: какое же наконецъ *существенное* различіе между правомъ и нравственностію, если оба эти понятія пронтекаютъ изъ одного источника? Дѣйствительно нравственность, также какъ и право, имѣетъ основаніемъ чувство правды и разумъ; несправедливаго нравственнаго поступка быть не можетъ, также точно какъ немислимо и глупое нравственное дѣйствіе; и наконецъ скажемъ, что если къ праву авторъ относитъ только то, что принято обществомъ, т. е. что право только то, что общество признаетъ правымъ, то и о нравственности можно сказать то же самое, ибо обществомъ вырабатываются понятія не только о правѣ, но и о нравственности. Впрочемъ авторъ прибавляетъ еще, что относительно первыхъ общество имѣетъ власть принуждать членовъ своихъ къ принятію ихъ, что существенный признакъ права есть обязательность; но развѣ мы не знаемъ примѣровъ, что общество посягало и на нравственныя убѣжденія лицъ, когда конечно они выражались въ формахъ, доступныхъ принужденію. Прибавимъ сюда еще то, что *обязательность* есть существенный признакъ не *права*, а *положительнаго закона*; но въ смѣшеніи этихъ понятій и заключается главная ошибка автора. Конечно авторъ не станетъ спорить, что между законностію и справедливостію поступка есть огромное различіе: дѣяніе можетъ быть законно, но несправедливо, можетъ быть справед-

ливо, но не законно. Результатомъ такого смѣшенія понятій о правѣ и законѣ явились слова автора, что «возможны случаи значительнаго уклоненія права отъ требованій правды, а иногда и *противорпчій* съ ними; но это не отнимаетъ у права его положительности, его силы». Значитъ по мнѣнiю автора можетъ существовать неправое право; вѣроятно онъ допуститъ послѣ этого и безнравственную правственность. Послѣ этого авторъ напрасно думаетъ, что онъ далеко ушелъ отъ исторической школы, которая по словамъ его «спала въ какое то странное противорѣчiе: она признавала постепенность образованія права и вмѣстѣ съ тѣмъ не могла оторваться отъ исторически—даннаго». Напротивъ, разсматривая ученiе школы Савиньи, мы можемъ спорить только съ основною мыслию его, но не найдемъ въ немъ противорѣчiй: въ этомъ ученiи всѣ выводы стройно вытекаютъ изъ одного начала; между тѣмъ какъ авторъ въ своемъ ученiи, примѣнявъ къ ученiю исторической школы начало свободы, рѣшительно не знаетъ, что съ нимъ дѣлать: съ одной стороны онъ допускаетъ участiе разумныхъ силъ чловѣка въ образованiи права, а потомъ самъ же говоритъ, что право есть только то, что принято обществомъ, что право можетъ противорѣчитьъ требованiямъ правды и все-таки быть дѣйствительнымъ. Надо допустить что-либо одно: или сказать, что чувство правды и свободное мышленiе не суть источники права, но напротивъ, какъ говоритъ Савиньи, содержанiе права у каждаго народа дается всею совокупностию прошедшей жизни народа и притомъ непронзвольно, а происходитъ изъ внутреннѣйшаго существа самой нацiи и ея исторiи, или же на оборотъ, признавъ разумныя силы источникомъ права, не говорить уже, что право дѣйствительно, хотя оно имъ и противорѣчитъ.

Ни объемъ, ни характеръ нашей статьи не позволяютъ намъ подробнѣе поговорить о предметѣ, избранномъ г. Ренненкампомъ для своего разсужденія. Оканчивая отчетъ нашъ о третьей книгѣ Архива, прибавимъ, что въ ней помѣщено продолженіе монографіи: «изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской правды» г. Ланге, и знаменитый и вѣроятно извѣстный нашимъ читателямъ процессъ графа Монталамбера.

Д. М.

С176ГУ

СПБГУ

000188720

ЮФ СПБГУ

СПбГУ

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна 1) за годовое изданіе съ января 1860 по январь 1861 года составляетъ, безъ пересылки и доставки, *шесть руб. сер.*, а съ пересылкою и доставкою на домъ *семь руб. пятьдесятъ копѣекъ сер.* 2) за полугодовое изданіе съ іюля 1860 по январь 1861 годъ (для лицъ, подписавшихся прежде на годовое изданіе съ іюля 1859 по июль 1860 годъ,) *три руб. сер.* безъ доставки, съ доставкою же *три руб. пятьдесятъ пять коп. сер.*

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Завѣтнова.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое-либо свѣдѣніе благоволятъ обращаться *въ Редакцію Журнала Министерства Юстиціи.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать дозволяетел. С.-Петербургъ. 11 декабря 1859 года.

Цензоръ *Обертъ.*